

АНТИЕВРЕЙСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (1972 – 1975)

АНТИЕВРЕЙСКИЕ ПРОЦЕССЫ в Советском Союзе

(1972 – 1975)

Том 3

ЕВРЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ИЕРУСАЛИМЕ
ЦЕНТР ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ДОКУМЕНТАЦИИ ВОСТОЧНО-
ЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА

АНТИЕВРЕЙСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

/1972-1975 гг./

Документы и юридический комментарий

Редактор и автор комментария

А. РОЖАНСКИЙ

Том 3

*Еврейский университет в Иерусалиме
Центр по исследованию и документации
восточноевропейского
еврейства*

ИЕРУСАЛИМ

1984

ANTI-JEWISH TRIALS IN THE USSR

(1972-1975)

Documents and Legal Commentary

Editor and author of legal commentary

A. ROZHANSKY

vol. 3

© All rights reserved

***The preparation and publication of this
book was supported by
the Memorial Foundation for Jewish Culture, New-York
and the Society for Research on Jewish Communities,
Jerusalem***

СОДЕРЖАНИЕ

INTRODUCTION	I
ПРЕДИСЛОВИЕ К 3-му ТОМУ	VII
ПРОЦЕСС ЮЛИЯ БРИНТА /1.6.1972/	1
Юридический комментарий	7
ПРОЦЕСС ЮРИЯ ПОХА /16.6.1972/	15
Юридический комментарий	19
ПРОЦЕСС ВЛАДИМИРА МАРКМАНА /8-9.8.1972/	25
Юридический комментарий	87
ПРОЦЕСС ГРИГОРИЯ БЕРМАНА /10.8.1972/	94
Юридический комментарий	110
ПРОЦЕСС ЛАЗАРЯ ЛЮБАРСКОГО /31.1.- 2.2.1973/	116
Юридический комментарий	177
ПРОЦЕСС НИКОЛАЯ ЯВОРА /2.4.1973/	187
Юридический комментарий	198
ПРОЦЕСС ПИНХАСА ПИНХАСОВА /12.11.1973/	204
Юридический комментарий	213
ПРОЦЕСС АЛЕКСАНДРА ФЕЛЬДМАНА /23.11.1973/	220
Юридический комментарий	261
ПРОЦЕСС КОПЕЛЯ СПЕНТОРА /9.12.1974/	273
Юридический комментарий	280
ПРОЦЕСС СЕНДЕРА ЛЕВИНЗОНА /27-28.5.1975/	286
Юридический комментарий	305

INTRODUCTION

The two previously published volumes in this series covered anti-Jewish trials in the Soviet Union from 1969 through 1971. We now present the third collection, containing material from ten similar trials which took place in the USSR from 1972 through 1975.

The documentation published in the third volume is unfortunately less complete than in the previous ones. During those years it became more difficult to bring genuine judicial documents out of the Soviet Union; therefore, some of the published trials (the cases of Brint, Pokh, Berman and Pinkhasov) are based only on factual information put together by spectators at the trials. This information was carefully checked by the editorial board and is reliable. The remaining cases (six out of ten) are accompanied by a greater quantity of very interesting original documents.

As in previous volumes, the juridicial commentary does not criticize existing Soviet legislative acts; it merely indicates that in all anti-Jewish trials, Soviet courts flouted their own laws and delivered guilty verdicts based on doubtful and at times falsified evidence. This was done in order to intimidate and punish aliya activists and repatriates to Israel.

The situation is not changed by the increase in aliya from the Soviet Union in those years (1972-75), which was a result not of Soviet good will but of detente with the US on one hand, and of the unprecedented pressure of the social and political movement in the West, on the other

hand.

The trials published in this volume differ somewhat from those in the previous two collections. The year 1972 represented a qualitative advance in Soviet authorities' methods of judicial repressions against Jews who were trying to emigrate to Israel. A series of group anti-Jewish political trials from 1969 to 1971, which gained notoriety in the West, dealt a blow to the prestige of the USSR. Even within the country, disapproval intensified against the criminal persecution of people only because their convictions did not coincide with government policy. It was then decided, apparently somewhere up in the high echelons to try other methods of harassment.

The authorities refrained almost completely from organizing group trials and from applying in trials only those articles of the criminal law which bear a political character; instead they built up individual cases. They instituted criminal proceedings against aliya activists for actions formally of a nonpolitical nature. These cases in the majority were provoked by and accompanied by an atmosphere of anti-Jewish and anti-Israel slander. Condemning the Jews who were stubbornly struggling to emigrate to Israel often to maximal prison sentences, and accusing them of hooliganism, parasitism, draft dodging, passport violations and even of divulging state secrets, the authorities and at their command also the mass media asserted that the activities of the condemned had nothing to do with their struggle for repatriation and they were simply criminals. The closest milieu of the accused,

Jewish society, and in particular the judges knew the true reason for the repressions although it was carefully veiled. Of course those who were put on trial knew it, too, and openly declared this. The authorities achieved a dual goal with this method: on the one hand, intimidation and punishment of aliya activists and on the other hand, the denial, although vain, that they were persecuting people only for their convictions and their stubborn desire to leave the USSR and be repatriated to Israel.

A summary of the cases published in this volume and the causes given for conviction of the accused follows:

Y u l y B r i n t - convicted of criticizing the false information given by Soviet newspapers about the situation in the Middle East on the eve of the Six-Day War (1967) and of keeping in his home tape recordings of Israeli songs, etc. And all this was held against him in 1972, when he applied for a visa to Israel.

Y u r y P o k h - for draft dodging although during the four years preceeding his application for a visa, he was released from military service because of illness.

V l a d i m i r M a r k m a n - for asserting that in the Soviet Union state anti-Semitism exists and there is no genuine democracy, freedom of the word or freedom of the individual and for criticizing Soviet foreign policy in the Middle East.

G r i g o r y B e r m a n - for avoiding military conscription although during the eight years previous to his application for a visa to Israel he was not conscripted into the army for reasons stipulated by law.

L a z a r L y u b a r s k y - for "divulging state secrets" at a time when his actions lacked an element of criminal behavior, not to mention that they took place five years before the institution of criminal proceedings. The authorities decided to initiate a criminal case only Lyubarsky began an active fight to defend Soviet Jews who were being subjected to national and cultural discrimination and who wanted to emigrate to Israel.

N i k o l a y Y a v o r - for the ridiculous and falsified accusation of maliciously disturbing the public order when in fact, this did not occur.

P i n k h a s P i n k h a s o v - for appropriating state property and deceiving customers although in fact the insignificant sums of money which he received were payment for work and services rendered. The institution of criminal proceedings against Pinkhasov - an invalid missing one leg and the father of six children - also took place after he applied for a visa to Israel.

A l e k s a n d r F e l d m a n - falsely accused of hooliganism, in fact he was convicted for his extraordinary activeness in the struggle for aliya.

K o p e l S p e k t o r - for not working anywhere during one year and living without a passport or registration permit although he had legally handed in his passport after, having received a visa, he declined Soviet citizenship. There were no grounds for criminal proceedings since according to Soviet law, an individual without citizenship cannot be held responsible for declining work.

S e n d e r L e v i n z o n - for selling things to support his family because, after having been dismissed from work

because of his activity on behalf of aliya, he was thus deprived of a means of existence.

All the condemned enumerated here, having borne the weight of imprisonment, did not give up their convictions, and after having served their terms, were repatriated to Israel. Meanwhile, in the Soviet Union the repressions continue as before, and the efforts of the leading segment of Soviet Jewry also continue to overcome the feeling of fear instilled by the Soviet regime; for no repressions can stop the struggle of the Jewish people for their revival.

The years will pass and the younger generation of Jews, living in their own and free country, will understand, thanks to the published material, what a contribution to their future was made by those whose actions are reflected with maximum reliability in these collections.

This thought directed our efforts while working on the publication of this book.

A. Rozhansky

Jerusalem, 1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ранее вышедшие в этом издании два сборника были посвящены антиеврейским процессам в Советском Союзе в период 1969-1971 гг. Продолжая начатое исследование, мы предлагаем вниманию читателя 3-й сборник, содержащий материал еще десяти аналогичных процессов, состоявшихся в СССР в 1972-1975 гг.

Документация, опубликованная в 3-ем томе, к сожалению, несколько более скудна, чем в предыдущих. В эти годы осложнилась возможность вывезти из Советского Союза подлинные судебные документы и, поэтому, некоторые из публикуемых процессов /дела Бринта, Поха, Бермана и Пинхасова/ основаны лишь на фактических справках, составленных очевидцами и слушателями рассмотренных дел. Упомянутые сведения тщательно проверены редакцией и не вызывают сомнений. Остальные дела /шесть из десяти/ сопровождаются большим количеством оригинальных документов, представляющих несомненный интерес.

Юридический комментарий, как и прежде, не критикует действующие в Советском Союзе законодательные акты, доказывая лишь, что во всех антиеврейских процессах советские суды попирали собственные законы и выносили обвинительные приговоры, базируясь на сомнительных, а подчас и на фальсифицированных доказательствах. И все для того, чтобы запугать и наказать активистов алии и репатриации в Израиль.

Положение не меняется тем, что в эти годы /1972-75/ алия из Советского Союза приобрела большие размеры; причиной тому не добросердечность советских властей, а их отношения с США /детант/ с одной стороны и, невиданное по своим размерам, давление общественного и политического движения Запада, с другой стороны.

Процессы, публикуемые в этом томе, несколько отличаются от тех, которые были предметом рассмотрения ранее изданных двух сборников. Дело в том, что 1972 год ознаменовал собой некий качественный сдвиг в направленности судебной репрессии советских властей против евреев, стремящихся к выезду в Израиль.

Серия нашумевших, особенно на Западе, групповых антиеврейских политических процессов, заслушанных в 1969-1971 гг., доставила много хлопот престижу СССР. Да и внутри страны усилились голоса возмущения уголовным преследованием людей лишь за то, что их убеждения

не совпадают с правительственной политикой. И тогда где-то наверху, очевидно, решено было перейти к иным методам преследований.

Власти почти отказались от организации групповых процессов и применения по делам только тех статей уголовного закона, которые носят политический характер, и перешли к созданию дел на одиночек. К уголовной ответственности стали привлекаться активисты алии за действия формально неполитического свойства. Дела эти в своем большинстве были спровоцированы и сопровождались атмосферой антиеврейской и антиизраильской травли. Осуждая к различным, чаще всего максимальным срокам лишения свободы евреев, упорно добивавшихся выезда в Израиль, и обвиняя их в хулиганстве, тунеядстве, уклонении от очередного призыва на действительную воинскую службу, нарушении паспортного режима и даже разглашении государственной тайны, власти и, по их указанию, средства массовой информации утверждали, что действия осужденных не имеют ничего общего с их борьбой за репатриацию в Израиль, и что они просто уголовники. Ближайшее окружение обвиняемых, еврейская общественность и, в особенности, судьи знали истинную причину репрессий, хотя она тщательно вуалировалась. Знали ее, конечно, и сами привлеченные к суду, которые открыто об этом заявляли. Этим методом, по мнению властей, достигалась двойная цель: устрашение и наказание активистов алии, с одной стороны, и отрицание, хотя и тщетное, самого факта преследования только за убеждения и упорное желание покинуть СССР и репатрироваться в Израиль, с другой стороны.

Краткое содержание публикуемых в этом томе дел и выводы, послужившие причиной осуждения подсудимых - следующие:

Юлий Бринт - осужден за то, что накануне Шестидневной войны /1967г./ критиковал ложную информацию советских газет о положении на Ближнем Востоке, хранил у себя дома магнитофонные записи израильских песен и т.п. И все это ему припомнили в 1972 году, когда он обратился с просьбой о получении разрешения на выезд в Израиль.

Юрий Пох - за отказ от призыва на действительную воинскую службу, хотя в течение 4-х лет, предшествовавших подаче документов на выезд, он освобождался от воинской службы по болезни.

Владимир Маркман - за утверждения о существовании в СССР государственного антисемитизма, отсутствии подлинной демократии, свободы слова, свободы личности и за критику советской внешней политики по вопросам Ближнего Востока.

Григорий Берман - за уклонение от очередного призыва на действительную военную службу, хотя в течение 8-ми лет до подачи документов на выезд в Израиль он не был призван в армию по основаниям, предусмотренным законом.

Лазарь Любарский - за "разглашение сведений, составляющих государственную тайну", в то время, как в его действиях отсутствовал состав уголовного преступления, не говоря уже о том, что они имели место за 5 лет до его привлечения к уголовной ответственности. Власти решили возбудить уголовное дело лишь тогда, когда Любарский начал активную борьбу в защиту евреев Советского Союза, подвергавшихся национальной и культурной дискриминации и желающих репатриироваться в Израиль.

Николай Явор - по смехотворному и сфальсифицированному обвинению в злостном нарушении общественного порядка, которого на самом деле не было.

Пинхас Пинхасов - за присвоение государственного имущества и обман покупателей, хотя на самом деле получаемые им деньги в незначительных суммах, явились оплатой за труд и услуги, оказываемые гражданам. Привлечение к уголовной ответственности Пинхасова - инвалида без одной ноги и отца 6-ти детей - также имело место после подачи им документов на выезд в Израиль.

Александр Фельдман - по сфальсифицированному обвинению в хулиганстве, которого он не совершал. На самом деле - за его чрезвычайную активность в борьбе за алию.

Копель Спектор - за то, что в течение года нигде не работал и проживал без паспорта и прописки, хотя паспорт он сдал на законном основании после того, как, получив разрешение на выезд, оформил отказ от советского гражданства. Привлекать его к уголовной ответственности не было оснований, потому что по советскому закону лица без гражданства не могут отвечать за отказ от работы.

Сендер Левинзон - за то, что уволенный с работы за активную деятельность за алию и лишенный таким образом средств к существованию, продавал вещи на пропитание семьи.

Все перечисленные осужденные, перенесшие тяжесть заключения, не отказались от своих убеждений и после отбытия сроков лишения свободы репатриировались в Израиль. А в Советском Союзе репрессии по-прежнему продолжаются, продолжаются и усилия передовой части советского еврейства, направленные на преодоление чувства страха, насажженного советской властью, ибо никакими преследованиями нельзя приостановить борьбу еврейского народа за свое возрождение.

Пройдут годы, и молодые поколения евреев, проживающие в собственной и свободной стране, поймут, благодаря публикуемым материалам, какой вклад в их будущее внесли те, действия которых с максимальной достоверностью отражены в настоящих сборниках.

Эта мысль руководила нашими усилиями при работе по изданию книги.

А. Рожанский

Иерусалим, 1984 год.

ПРОЦЕСС
ЮЛИЯ БРИНТА
/Харьков, 1.6.1972г./

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ООН К. ВАЛЬДХАЙМУ
В КОМИТЕТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН

В соответствии с Уставом ООН и Декларацией Прав Человека 13 января 1972 года я подал документы на выезд в Израиль, а 1 февраля у меня был обыск. Через две недели я начал подвергаться непрерывным преследованиям, многочасовым допросам в КГБ.

24 марта я был насильно доставлен в психиатрическую больницу, хотя я абсолютно здоров и никогда не лечился у врачей-психиатров.

Я не могу добиться встречи с врачами, и два дня назад объявил голодовку.

Я не совершал никаких преступлений.

Прошу вас использовать ваше влияние и помочь мне вырваться из этого ада.

Ю. Бринт

Харьков, психбольница № 36

5 апреля 1972 г.

СПРАВКА О ДЕЛЕ ЮЛИЯ БРИНТА

Юлий Бринт родился в Харькове в 1930 году. До ареста /24.3.1972 г./ проживал с отцом и матерью, так как своей семьи у него не было. Его отец, известный в городе профессор-дерматолог, внезапно скончался, не будучи в состоянии перенести арест сына. Мать его, тоже врач.

Ю. Бринт окончил машиностроительный техникум и работал рабочим-фрезеровщиком на Краснозаводском районном промышленном комбинате.

Перед Шестидневной войной в период бурной антиизраильской кампании в советской прессе Ю. Бринт рассылал письма корреспондентам советских газет /авторам антиизраильских статей/, в которых критиковал ложную информацию о положении на Ближнем Востоке. За день-два до начала Шестидневной войны он послал аналогичную статью в газету "Правда", в которой ставил в упрек Советскому Союзу подписание пакта с фашистской Германией перед 2-ой Мировой войной. Он возмущался тем, что советское правительство поддерживает арабские страны, открыто стремящиеся уничтожить народ и государство Израиль. При этом высказывал предположение, что советские руководители втайне разделяют чувства арабских шовинистов.

Тогда же, в 1967 году, его вызвали в КГБ и предложили написать объяснение по поводу его статьи. Он, однако, не раскаялся. Его предупредили, что в случае повторения подобных действий он будет арестован. Бринту сказали в КГБ, что на первый раз ему прощают, так как он рабочий, но будь он человек интеллигентной профессии, с ним бы говорили иначе.

Незадолго перед арестом Ю. Бринт выступил на антиизраильском митинге, состоявшемся на предприятии, где он работал, и заявил, что докладчик извращает факты о положении на Ближнем Востоке и о политике Израиля.

13 января 1972 года Ю. Бринт подал документы в ОВИР города Харькова с просьбой о разрешении выехать в Израиль.

24 марта 1972 года Ю. Бринт был арестован и помещен в психиатрическую больницу. Ему было предъявлено обвинение в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, т.е. по ст. 187-1 Уголовного Кодекса Украинской ССР.

1 июня 1972 года состоялся суд. В здание Харьковского областного суда пришли родственники, друзья и знакомые Бринта, чтобы присутствовать на судебном заседании. Явился также адвокат Бринта, которому официально было сообщено, что судебное заседание начнется в 10 часов утра в помещении областного суда. Сюда же прибыли свидетели, вызванные повестками.

Однако вместо открытия судебного заседания свидетели и адвокат были посажены в автобус и увезены в неизвестном направлении. В канцелярии областного суда отказались

сообщить где же будет происходить суд.

После тщательных поисков друзьям и знакомым Бринта удалось обнаружить место, где происходил суд над ним. Это было помещение одной из мастерских завода, на котором Бринт работал до ареста. Помещение это - фактически сарай небольших размеров, окруженный глухим высоким забором. Двор тщательно охранялся милицией и агентами КГБ. В зале заседания и во дворе было полно работников разных чинов милиции, МВД и КГБ. Через проходную во двор пропускали так называемых представителей общественности по заранее заготовленному списку. Никто из друзей и знакомых Бринта на суд не был допущен. Друзья Бринта обратились к председателю суда с письменным заявлением о допуске в помещение суда, но их просьба была отвергнута со ссылками на отсутствие мест в помещении. На самом деле места были, и в дальнейшем туда входили лица, фигурирующие в списке. Друзья Бринта целый день, до окончания суда, простояли на улице под забором, окружавшим помещение суда до тех пор, пока осужденного Бринта увезли в тюрьму.

Как стало известно позднее, Бринт, доставленный в указанное помещение и увидевший окружавшую его обстановку, сказал: "Меня привезли не на суд, а на расправу".

Бринт был обвинен в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Ему было предъявлено обвинение по трем пунктам:

1. Письмо, отправленное им в 1967 году в редакцию центральной газеты "Правда".
2. Обнаруженные дома магнитофонные записи, якобы содержащие клевету на советское государство.
3. Спор с докладчиком во время лекции о положении на Ближнем Востоке, где Бринт якобы клеветал на внешнюю политику Советского Союза.

Еще в 1967 году Бринт, вызванный по поводу письма в газету "Правда", показал, что он не имел цели порочить советский государственный и общественный строй, что никто, кроме него, о письме не знает, что оно было послано только в редакцию газеты и нигде он его не распространял. Оно было написано в состоянии тревоги и опасения

уничтожения государства Израиль и физического истребления его народа. Тогда КГБ оставил Бринта в покое.

Спустя почти пять лет, весной 1972 года, после того, как Бринт 13 января 1972 года подал заявление на выезд в Израиль, история с письмом вновь всплыла.

Чтобы замаскировать факт расправы над Бринтом за желание выехать в Израиль, организаторы процесса представили дело так, что Бринта судят не вследствие подачи заявления на выезд и не за письмо, отправленное в 1967 году, за которое тогда его почему-то не судили, а за то, что он распространял ложные измышления в 1972 году. Появились абсурдные, безосновательные обвинения по поводу магнитофонных записей и спора с лектором. Организаторы процесса вначале намеревались избежать судебного разбирательства и поместили Бринта в психиатрическую больницу. Бринт был принудительно направлен на так называемую экспертизу в Харьковскую областную психиатрическую больницу, где его держали под арестом, среди душевнобольных людей. Очевидно, планировалось в дальнейшем признать его душевно-больным.

Но об этом стало известно на Западе. На имя главного врача Харьковской областной психиатрической больницы стали приходить телеграммы, и в его кабинете раздавались телефонные звонки от видных врачей-психиатров Франции, Англии и представителей общественности с призывом освободить психически здорового Бринта из заключения в психбольнице.

И тогда организаторам расправы над Бринтом пришлось отказаться от плана его заключения в специальную психиатрическую больницу. Они решили провести судебный процесс.

Из психиатрической больницы Бринт был перевезен в тюрьму, и 1-го июня состоялся над ним суд. Недаром организаторы процесса опасались непредусмотренных свидетелей и фактически сделали процесс закрытым.

В ходе судебного заседания была доказана несостоятельность обвинений по поводу магнитофонных записей и спора с лектором. Суду даже пришлось исключить пункт обвинения, связанный со спором на лекции. Но пункт по поводу магнитофонных записей остался.

Что же это за магнитофонные записи?

При обыске в комнате, в которой жил Бринт, были обнаружены несколько лент с разными записями, в основном, с еврейскими песнями и музыкой из передач радиостанции Израиля. Среди них были также выступление Насера перед Шестидневной войной и репортаж с парада израильской армии после Шестидневной войны.

Вот именно эти две записи, как утверждало обвинение, являлись ложными измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй. Бринт, якобы, хранил их с целью распространения.

Защитник Бринта внимательно и тщательно изучил стенограмму записей, которая имела в деле. При этом выяснилось, что не только не было речи о клевете на советский государственный и общественный строй, но в тексте вообще не упоминался Советский Союз. Слово "советский" встречалось два или три раза: "советские танки, советское оружие". Кроме того, об этих записях никто не знал, никто с ними не знакомился, и они, таким образом, не распространялись и не были предназначены для распространения.

Бринт по характеру человек замкнутый, вел довольно тихий и одинокий образ жизни, гостей у него почти не бывало.

Все это было полностью подтверждено свидетельскими показаниями. Однако прокурор, вопреки фактам, в обвинительной речи утверждал, что он не сомневается, что Бринт хранил магнитофонные записи с целью распространения клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Этим исчерпывались так называемые "доказательства обвинения".

Адвокат в защитительной речи, основываясь на анализе текстов записей, доказывал, что они не содержат никакой клеветы на советское государство, и что вне зависимости от содержания эти записи не распространялись и не были для этого предназначены, так как на протяжении ряда лет никто о них не знал.

Прокурор требовал приговорить Бринта к трем годам лишения свободы, т.е. максимального наказания, предусмотренного ст. 187-1 Уголовного Кодекса УССР.

Суд приговорил Бринта к 2,5 годам лишения свободы.

В ходе судебного заседания было доказано, что Бринт был принудительно помещен в психиатрическую больницу, где фактически находился под арестом. Это подтвердил, в частности, врач-психиатр, зав. отделением психиатрической больницы.

Адвокат требовал, чтобы в соответствии с уголовным законодательством срок пребывания Бринта в психиатрической больнице был зачтен в срок отбывания наказания. Однако суд это требование отклонил.

Приговор Харьковского областного суда был обжалован в кассационном порядке в Верховный Суд УССР, но был оставлен без изменений. Верховный Суд лишь признал, что время нахождения в психиатрической больнице по существу является заключением под стражей, и зачел его в срок отбывания наказания.

Юлий Бринт отбыл наказание и приехал в Израиль.^{x/}

x/

Примечание: Редакция, к сожалению, не располагает подлинными текстами судебных документов.

К ПРОЦЕССУ ЮЛИЯ БРИНТА

Юлий Бринт был осужден на 2,5 года лишения свободы по ст. 187-1 УК Украинской ССР, которая гласит:

"Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания, -

наказывается лишением свободы на срок до 3-х лет, или исправительными работами на срок до 1-го года, или штрафом до 100 рублей".

/В редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9.11.1966г.; "Ведомости Верховного Совета СССР", 1966, № 44, ст. 273/.

Судя по фактической справке, находящейся в нашем распоряжении^{х/}, Ю. Бринт в окончательной редакции обвинения^{хх/} был осужден за то, что:

- а/ накануне Шестидневной войны /1967г./ разослал письма корреспондентам советских газет - авторам антиизраильских публикаций, в которых подвергал критике их ложную информацию о положении на Ближнем Востоке;
- б/ в это же время направил в редакцию газеты "Правда" письмо, в котором ставил в упрек советскому правительству заключение в 1939 году пакта с фашистской Германией;
- в/ хранил у себя дома, якобы, для распространения, магнитофонные записи, содержащие, по мнению суда,

х/

Редакция, к сожалению, не располагает подлинным текстом приговора суда.

хх/ Суд исключил некоторые эпизоды обвинения, инкриминировавшиеся Бринту по обвинительному заключению.

заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно: 1. Израильские песни, 2. выступление Президента Египта Насера накануне Шестидневной войны, 3. репортаж парада Израильской армии после Шестидневной войны.

1. Процессуальные нарушения, допущенные следствием и судом

Ю. Бринт был арестован 24.3.1972г., т.е. через два месяца после подачи документов с просьбой о разрешении на выезд в Израиль /13 января 1972г./. То обстоятельство, что арест и возбуждение уголовного дела были вызваны фактом обращения Бринта в ОВИР, бесспорно подтверждается тем, что еще в 1967 году письма Бринта корреспондентам советских газет и в газету "Правда" были известны КГБ, но в течение почти 5-ти лет следственные органы не сочли их достаточным основанием для привлечения их автора к уголовной ответственности.

Между тем, согласно требованиям ст. 3-ей Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик:^{x/}

"Суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны /подчеркнуто мной-А.Р./ в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все, предусмотренные законом меры к установлению события преступления лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию".

Если допустить, что вышеупомянутые письма Бринта содержали в себе признаки клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, т.е. состав преступления, предусмотренный ст. 187-1 УК УССР, то КГБ обязан был /Закон в этом вопросе не допускает другой альтернативы/ привлечь автора к уголовной ответственности, тем более и само событие, и виновный были известны. Советская следственная и судебная практика свидетельствует о том, что КГБ, как правило, нельзя

^{x/} "Ведомости Верховного Совета СССР". 1959, № 1, ст.15

упрекнуть в пренебрежительном отношении к своим обязанностям, особенно в случаях, когда речь идет о законной возможности, а при данных обстоятельствах даже о необходимости привлечения виновного к ответственности.

Напрашивается вывод, что в то время /1967г./ и в последующие годы следственные органы не усматривали в действиях Бринта /его письма/ состава преступления, а в 1972 г. они лишь послужили предлогом для изоляции и наказания человека, боровшегося за свое право и отстаивавшего свое желание на репатриацию в Израиль.

Понимая абсурдность предполагаемого обвинения Бринта в направлении критической заметки в газету "Правда" - центральный орган КПСС, следственные власти в начальной стадии пытались во внесудебном порядке наказать Бринта, поместив его в психиатрическую больницу, хотя для стационарного обследования его психического состояния не было никаких оснований. Как показал впоследствии в суде врач-психиатр, обследовавший Бринта в больнице, он был психически здоров и не нуждался в госпитализации.

В данном случае следователь и прокурор грубо нарушили требования статьи 79 п.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, ^{x/} которая гласит:

"Проведение экспертизы обязательно: для определения психического состояния обвиняемого или подозреваемого в тех случаях, когда возникает сомнение по поводу их виновности или способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими".

И это несмотря на предостережение Верховного Суда СССР о необходимости строгого соблюдения процессуальных норм, связанных с назначением и производством экспертиз.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. "О судебной экспертизе по уголовным делам" ^{xx/}, в частности, сказано:

^{x/} Здесь и далее приводятся статьи УПК РСФСР, соответствующие аналогичным статьям УПК других союзных республик.

^{xx/} "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1971, № 2, стр.7.

п.5:

"Обратить внимание судов на необходимость повышения требовательности к органам расследования по соблюдению ими уголовно-процессуального законодательства при назначении и проведении экспертизы, по обеспечению прав обвиняемого, предусмотренных статьей 185 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик".

В дополнение к тому, что суд первой инстанции совершенно не реагировал на нарушения, допущенные следователем, поместившим Бринта без всяких оснований в психиатрическую больницу, этот же суд отказался зачесть срок нахождения Бринта в больнице в срок отбывания им определенного ему наказания, хотя этот вопрос не вызывал сомнения. Соответствующее ходатайство адвоката, защищавшего Бринта, было отклонено, несмотря на содержание 4-го абзаца статьи 188 УПК РСФСР, который гласит:

"Время пребывания в психиатрическом лечебном учреждении засчитывается в срок содержания под стражей".

Указанное нарушение процессуального закона было настолько нарочитым и бесспорным, что Верховный Суд УССР вынужден был его исправить.

В деле Бринта, как и в аналогичных делах того же содержания, был также нарушен конституционный принцип гласности судопроизводства:^{x/} слушание дела было перенесено из здания суда в другое, никому неизвестное помещение; в зал заседания были допущены лишь определенные лица, которых органы КГБ снабдили соответствующими пропусками.

Такая организация процесса привела к нарушению не только статьи 111 Конституции, но и статьи 12 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, которая гласит:

^{x/} См. статью 111 Конституции СССР 1936 года.
/Здесь и далее приводится Конституция 1936 года, действовавшая в момент рассмотрения дела /примечание ред./

"Разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны".

Не вызывает сомнений, что в деле Бринта полностью отсутствовали какие-либо элементы государственной тайны.

2. Необоснованность приговора по существу

Оба пункта обвинения, предъявленные Бринту и по которым он был осужден, не нашли подтверждения и в материалах дела и в доказательствах, предъявленных прокуратурой.

1. Бринт критиковал корреспондентов, искаживших положение на Ближнем Востоке в период, предшествовавший Шестидневной войне, и возмущался заключением договора с Гитлером в 1939 году. Такие действия не являются по советскому законодательству уголовно-наказуемыми вообще, и не подпадают под признаки статьи 187-1 УК УССР, - в частности:

а/ согласно ст. 125 п. "А" Конституции СССР, гражданам СССР гарантируется свобода слова;

б/ в уголовно-правовом аспекте необходимо разграничить критику от клеветы /заведомо ложные измышления/;

в/ измышления, если они даже заведомо ложные, не подпадают под признаки ст. 187-1 УК УССР, если они не порочат советский государственный и общественный строй.

Общеизвестно, что в 1967 году советская пресса, вопреки фактам, замалчивала уже начавшуюся египетскую агрессию. Корреспонденты газет явно искажали действительное положение на Ближнем Востоке. Почему же Бринту нельзя было им возразить и пытаться восстановить истину?

Обвинение поставило этот вопрос с ног на голову. Правдивые сведения, излагаемые Бринтом, были признаны ложными измышлениями, а лживые сведения критикуемых им корреспондентов, непреклонной истиной.

Авторитетные комментаторы уголовного кодекса в Советском Союзе неизменно придерживаются точки зрения того, что:

"Распространение измышлений, ложность которых не известна распространяющему их лицу, а равно высказывание ошибочных оценок, суждений или предположений не образует преступления, предусмотренного ст. 190 УК РСФСР" /то же ст. 187-1 УК УССР/х/

Но Бринт был искренне убежден в правдивости и обоснованности своих суждений, и поэтому он не совершил приписываемого ему преступления, не говоря уже о том, что его высказывания соответствовали объективной действительности.

2. Ю. Бринт в своем письме в газету "Правда" критиковал пакт, заключенный в 1939 году советским правительством с гитлеровской Германией, будучи уверен, что этот договор привел к пагубным последствиям не только в международном масштабе, но и причинил существенный вред самому СССР. В послевоенные годы, а особенно после 20-го съезда КПСС аналогичная точка зрения высказывалась многочисленными историками в СССР и никто из них не был привлечен к уголовной ответственности.

Почему же такая участь постигла рядового гражданина Ю. Бринта?

А потому, что следственным органам понадобился предлог для наказания человека за его стремление репатрироваться в Израиль.

3. Вышеупомянутые магнитофонные записи, обнаруженные при обыске у Бринта, также не могли послужить основанием для его привлечения к суду по ст. 187-1 УК УССР:

а/ речь бывшего президента Египта Насера перед Шестидневной войной поддерживалась советским правительством того времени;

б/ запись парада Израильской армии явилась отображением исторического факта, а не ложным измышлением, порочащим советский государственный и общественный строй. Ни одна, ни другая запись не упоминала Советский Союз и не подрывала его устои;

х/ "Комментарий к УК РСФСР", под редакцией профессоров Г. Анашкина, И. Карпец и Б. Никифорова. М., 1971, стр. 403.

в/ эти записи не распространялись Бринтом и не являлись достоянием посторонних лиц, они лишь у него хранились в течение длительного периода /с 1967 по 1972 гг./. Суд не располагал доказательствами того, что обвиняемый знакомил с ними кого-либо.

Таким образом, независимо от содержания записей, их обнаружение также не образует состава преступления, ибо не доказаны ни факт, ни цель их распространения.

Цитируемые мной комментаторы по этому вопросу пишут:

"Комментируемая статья /190-1 УК РСФСР и 187-1 УК УССР - примечание автора А.Р./ не предусматривает ответственности за хранение произведений, содержащих ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй". х/

Все изложенное доказывает, что обвинительный приговор, вынесенный Харьковским областным судом Юлию Бринту, является незаконным.

О мере наказания

Статья 187-1 УК УССР предусматривает в качестве меры наказания лишение свободы, исправительные работы и штраф. Бринт приговорен к 2,5 годам лишения свободы.

Если суд даже был убежден в виновности Бринта, то и в этом случае, с учетом незначительного объема обвинения, отсутствие каких-либо вредных последствий и личности подсудимого, в прошлом не судимого, не было оснований для лишения осужденного свободы при наличии альтернативных санкций, более мягких, предусмотренных законом.

Верховный Суд СССР неоднократно указывал, что лишение свободы является крайней мерой, которую суды должны применять в случаях, когда другое, более мягкое наказание не оправдано.

Пленум Верховного Суда СССР в своем руководящем Постановлении от 26.8.1966 г. № 7 с изменениями, внесенными Постановлением от 16.10.1972 г. № 9, указал:

х/

Там же, стр. 404.

"Не допуская послабления в отношении злостных преступников, суды, вместе с тем, должны сочетать предусмотренные законом строгие меры наказания по отношению к опасным преступникам с мерами наказания, не связанными с лишением свободы, в отношении лиц, впервые совершивших малозначительные правонарушения и способных исправиться без изоляции от общества". x/

Таков объективный юридический комментарий процесса Юлия Бринта в свете советского законодательства.

x/ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1973 гг., М., 1974, стр. 290.

ПРОЦЕСС

ЮРИЯ ПОХА

/Одесса, 16.6.1972г./

ПОХ Юрий Зеликович, рождения 15 октября 1950 года, уроженец города Одессы, еврей, образование среднее, холост, работал продавцом магазина Ильичевского райпищеторга города Одессы, ранее не судим. Проживал в городе Одессе, ул. 1905 года, 11, совместно с родителями.

Семья: отец - И. Пох, участник и инвалид Отечественной войны /лишен глаза, кисти руки/; мать - домохозяйка; брат - торговый работник.

Пох Юрий был арестован 22 мая 1972 года прокуратурой Центрального района города Одессы по санкции прокурора района БЕССАРАБА, ввиду предъявления обвинения в совершении преступления, предусмотренного статьей 72 ч. 2 УК Украинской ССР: уклонение от очередного призыва на действительную военную службу, совершенное путем симуляции болезни.

16 июня 1972 года Нарсуд Центрального района г. Одессы под председательством Народного судьи ГОРНОГО, с участием прокурора ГОПЕЕВОЙ, адвоката ВЕЙЦМАНА рассмотрел дело по обвинению ПОХА.

Нарсуд того же дня - 16.6.1972г. вынес приговор, которым признал ПОХА виновным в преступлении, предусмотренном ст. 72 ч. 2 УК Украинской ССР, осудив последнего к наказанию - лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии общего режима сроком на три года и шесть месяцев.

Определением Судебной Коллегии по уголовным делам Одесского областного суда от 21 июля 1972 года /председательствующий ЛЕОНТЬЕВ, члены суда КИРИЛОВ, ЯКИМЕНКО, с участием прокурора СКЛЯР и адвоката ВЕЙЦМАНА/ кассационные жалобы защитника ВЕЙЦМАНА и осужденного ПОХА оставил без удовлетворения, а приговор Нарсуда Центрального района г. Одессы от 16.6.1972 г. - без изменений.

Оставлены без удовлетворения и жалобы в порядке надзора, поданные председателю Одесского облсуда и председателю Верховного Суда Украинской ССР.

Из материалов дела, приговора и определения облсуда усматривается, что 3 мая 1972 г. ПОХ обратился в ОВИР УВД Одесской области с заявлением о санкционировании его выезда в государство Израиль.

Пох, являясь допризывником, 4 мая 1972 г. был направлен райвоенкоматом на врачебно-медицинскую комиссию и был признан годным для призыва на действительную военную службу.

15 мая Поху была объявлена команда, в которую он был зачислен, и время отправки в воинскую часть.

17 мая Пох на призывной пункт не явился. Еще 15 мая Пох заявил, что: "в Советской армии служить не может, так как подал заявление о выезде из Советского Союза в Израиль и болен ревмокардитом, пороком сердца".

16 мая Пох был принудительно доставлен на призывной пункт, однако вновь оставлен в таковом.

В судебном заседании Пох признал себя виновным частично: в том, что 17 мая не явился на призывной пункт, объясняя это выездом 16 мая в город Киев с целью обжалования решения о призыве его в армию.

Защитник на всем протяжении предварительного и судебного следствия оспаривал основательность предъявленного Поху обвинения по ч. 2 ст. 72 УК УССР. Он аргументированно доказывал, что в действиях Поха, описанных в обвинительном заключении, не содержатся квалифицирующие признаки, могущие повлечь квалификацию этих действий по ч. 2 ст. 72 УК УССР /в частности, причинение телесных повреждений, симуляции болезни или иной обман/. Пох лишь добивался надлежащего медицинского освидетельствования, ссылаясь на наличие хронического заболевания.

Оспаривал защитник и наличие у Поха умысла на совершение инкриминированного ему преступления, доказывая, что Пох стремился лишь добиться направления на стационарное медицинское обследование. Поэтому в жалобе ставился вопрос о неправильности осуждения Поха.

Отбывал наказание Пох в ИТК, расположенном в городе Бердянске.

ФАКТИЧЕСКАЯ СПРАВКА

3 мая 1972 г. Юрий Пох вместе со своим старшим братом Константином Похом подал документы в ОВИР города Одесса для выезда в Израиль.

Вскоре после этого он стал получать повестки, обязующие его явиться в военкомат для призыва в Советскую армию.

В течение 4-х лет, с 1968 по 1972 гг. Юрий Пох был освобожден от воинской повинности по состоянию здоровья /острый ревмокардит, порок сердца/.

Юрий Пох явился в военкомат Центрального района гор. Одессы и объяснил, что не считает возможным служить в Советской армии по состоянию здоровья, а также потому, что ждет разрешения на выезд в Израиль. Однако в военкомате не обратили внимания на его объяснения и заявили, что он обязан пойти служить. По последующим повесткам Пох не явился в военкомат, и к нему домой несколько раз приезжала милиция, даже в ночное время.

Пох поехал в Киев и в Москву, и обратился с устной и письменной жалобами в ОВИР УССР и в ОВИР СССР. Однако там к его жалобам подошли формально и, по существу, не изменили сложившейся ситуации.

По приезду в Одессу Пох явился в военкомат и потребовал направить его на медицинское обследование в военный госпиталь. Однако ему в этом было отказано, и его направили на медкомиссию, которую проходят все призывники в обычном порядке, притом у врачей при его обследовании явно не было согласованности. Старший военврач ушел куда-то с его делом. Через некоторое время врач вернулся и сказал, что Пох годен к строевой службе в Советской армии. Поху хотели вручить военный билет, но он отказался взять его и заявил, что в армию не пойдет. Тогда его задержали и через некоторое время, на основании санкции прокурора Центрального района г. Одессы, он был помещен в камеру предварительного заключения, а затем переведен в тюрьму.

На жалобы, написанные его родителями и друзьями в прокуратуру, были даны самые невразумительные ответы.

В ходе следствия Поху инкриминировалось уклонение от военной повинности путем симуляции болезни, что на основании 2-й части статьи 72-й УК УССР карается заключением сроком от 1 до 5 лет.

Суд состоялся 16 июня 1972 г.

Допрошенные на суде свидетели показали, что Пох действительно болен, однако в настоящее время у него не активная фаза болезни; свидетели - работники военкомата подтвердили, что во время бесед с ними Пох вел себя очень корректно и не допускал никаких антисоветских высказываний. Тем не менее, прокурор потребовал осудить Поха к 3,5 годам лишения свободы за симуляцию, и суд определил ему этот срок, причем в приговоре указывалось, что он попал под влияние сионистских элементов и хотел выехать в Израиль. ^{x/}

x/ Примечание: Редакция, к сожалению, не располагает подлинными текстами судебных документов.

К ПРОЦЕССУ ЮРИЯ ПОХА

По приговору Центрального района города Одессы от 16.6.1972 г. Юрий Пох, рождения 15.10.1950 г., был осужден, на основании ст. 72, ч. 2 УК УССР на 3,5 года лишения свободы за отказ от воинской службы.

Ст. 72 ч. 2 УК УССР гласит:

"Уклонение от очередного призыва на действительную службу... , совершенное посредством причинения себе телесного повреждения или путем симуляции болезни, посредством подлога документов, или путем иного обмана, а равно совершенное при других отягчающих обстоятельствах - наказывается лишением свободы на срок от одного до пяти лет".

Ю. Пох на предварительном и судебном следствии не признал себя виновным в инкриминируемом ему преступлении и объяснил, что не считает возможным служить в Советской армии по двум причинам:

- а/ он болен пороком сердца и ревмокардитом и поэтому требует тщательного обследования его состояния здоровья;
- б/ до получения повестки в военкомат, он подал документы на выезд в Израиль, не считает себя больше гражданином СССР, т.е. человеком, обязанным служить в этой стране в армии

Суд счел мотивы, приведенные обвиняемым и его защитником, необоснованными и постановил обвинительный приговор.

Тем не менее, дело Поха с фактической и правовой точек зрения является весьма спорным. Хотя, на первый взгляд, обвинительный приговор может показаться формально правильным, тем не менее суд не вникал и, очевидно, не хотел вникать в особенности ситуации, при которой

призыв Поха на действительную воинскую службу был не только нецелесообразен, но и осуществлен с целым рядом существенных нарушений правового порядка.

Согласно ст. 132 Конституции СССР и ст. 1 Закона "О всеобщей воинской обязанности":^{х/}

"Воинская служба в рядах Вооруженных сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР".

Ст 7 упомянутого Закона от 12.10.1967 г. гласит:

"Военнослужащие и военнообязанные приносят военную присягу на верность своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству".

Таким образом, закон устанавливает, что служить в Советской армии должен лишь гражданин этой страны, считающий себя частью ее народа и обязующийся быть верным ее правительству.

Юрий Пох 3 мая 1972 года подал документы в ОВИР гор. Одессы на выезд в Израиль. Выдача разрешения на такой выезд предполагает, в соответствии с действующими в СССР правилами, обязательный отказ от советского гражданства с потерей вытекающих отсюда прав и освобождением от соответствующих обязанностей, в том числе, естественно, и от обязанностей службы в Советской армии.

Требование принесения воинской присяги на верность советскому народу и его правительству, адресованное человеку, который предполагает на законном основании навсегда покинуть СССР и который считает себя частью другого народа, является, по меньшей мере, нецелесообразным, тем более, что не существовало законных и объективных причин для отказа Поху в получении разрешения на выезд /Пох работал рядовым продавцом в магазине/.

Изложенные выше соображения дают основание считать, что призыв Поха в армию, имевший место 17.5.1972 г., т.е. через две недели после подачи им заявления на выезд,

^{х/} Конституция СССР 1936 г. и Закон от 12.10.1967 г. "О всеобщей воинской обязанности" /Ведомости Верховного Совета СССР, 1967 г., № 42/.

нельзя было расценить иначе, как злонамеренное действие властей, направленное на воспрепятствование Поху осуществить свое право на репатриацию в Израиль.

Суд, рассматривая конкретное уголовное дело, не может являться лишь фиксатором формальных признаков, определяющих состав преступления; он должен во всех случаях всесторонне учитывать совокупность обстоятельств, которые вынудили обвиняемого формально нарушить закон и способствовать этому нарушению.

Такое требование к суду содержится в ст. 17 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик: х/

"Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности..."

Видные советские процессуалисты настаивают на необходимости установления материальной истины в процессе.

Проф. М.С. Строгович в этой связи правильно полагает, что:

"Только тот судебный приговор, в основе которого лежит истина, является законным и обоснованным приговором..." хх/

Суд, осуждая Ю. Поха, пренебрег истинными обстоятельствами дела, на которые я указывал, и тем самым создал основание для существенной критики приговора.

Наряду с вышеизложенными соображениями общего характера, ставящими под сомнение целесообразность и законность /в ее широком понятии/ возбуждения уголовного дела против Поха, мы считаем необходимым указать на следующие специфические нарушения, сопутствующие рассмотрению этого дела:

х/ Закон от 25.12.1958 г. "Ведомости Верховного Совета СССР", 1959, № 1, ст. 15.

хх/ М.С. Строгович, "Курс советского уголовного процесса". М., 1968, т. 1, стр. 131-132.

1. Согласно ст. 10 Закона "О всеобщей воинской обязанности" -

"На действительную военную службу призываются граждане мужского пола, которым ко дню призыва исполняется 18 лет".

Юрию Поху, 1950 года рождения - исполнилось 18 лет в 1968 году. Однако ни в этом, ни в течение последующих 4-х лет до 1972 года он не был призван, получив ежегодные отсрочки по состоянию здоровья /ревмокардит, порок сердца/. Для получения таких отсрочек необходимо медицинское освидетельствование, которому он подвергался и которое приходило к заключению, что его болезнь препятствует службе в армии /ст. 29 Закона/.

Трудно предположить, что в 1972 году Пох излечился от такого хронического и тяжелого заболевания как порок сердца. Почему же вдруг в 1972 году медицинская комиссия признала его здоровым и годным к строевой службе в армии? Не потому ли, что эта комиссия руководствовалась отнюдь не медицинскими критериями, а соображениями политического характера, направленными на устрашение и препятствование выезду лиц, стремящихся к репатриации в государство Израиль? При данных обстоятельствах положительный ответ на поставленный нами вопрос не лишен оснований. Вот почему требование Поха о его госпитализации в процессе переосвидетельствования следует считать законным и обоснованным. Беглое обследование Поха членами медицинской комиссии без тщательной проверки его состояния здоровья путем помещения его в лечебный стационар было явно недостаточным для окончательного и медицински обоснованного решения вопроса о его пригодности к военной службе. Таково было положение перед возбуждением против Поха уголовного преследования.

В процессе предварительного следствия существенные возражения Поха, касающиеся его болезней, также не были проверены, как этого требует процессуальный закон.

Ст. 78 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик гласит:

"Экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле".

Естественно, что для определения состояния здоровья обвиняемого Поха и при наличии его несогласия с заключением врачебной комиссии военкомата, назначение судебно-медицинской экспертизы было обязательным. Если бы такая экспертиза была проведена на следствии и в суде, Пох имел бы возможность осуществить свое право на защиту: задавать вопросы экспертам, демонстрировать перед ними надлежащие документы, рассказать им о своем состоянии и т.п. В случае необходимости он мог быть помещен в лечебный стационар для серьезного обследования. Поскольку во всем этом Поху отказали, следует считать, что основной вопрос, определяющий наличие или отсутствие в действиях Поха состава преступления, был предопределен без надлежащей проверки. Следователь и суд сочли заключение военных врачей доказательством, не поддающимся проверке. Между тем, такая точка зрения противоречит требованиям ст. 17 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, которая гласит: /то же ст. 71 УПК РСФСР/

"Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы".

Односторонняя оценка судом доказательств, собранных следователем, является серьезным нарушением одного из основных принципов советского уголовного процесса - принципа объективного исследования обстоятельств дела.

Ст. 14 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик /то же ст. 20 УПК РСФСР/ гласит:

"Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны... выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства".

Этот тезис был неоднократно подтвержден руководящими постановлениями Верховного Суда СССР. Требование ст. 20 УПК РСФСР Верховный Суд СССР рассматривает как "основное и необходимое требование закона, строгое соблюдение которого обеспечивает правильное рассмотрение уголовного дела".^{х/}

По делу Ю. Поха суд этим требованием пренебрег.

^{х/} "Комментарий УПК РСФСР". М., 1970, стр. 38
и "Бюллетень Верховного Суда СССР". 1960, № 5, стр. 16.

2. Независимо от вопроса о доказанности вины Поха в умышленном, без уважительных причин, уклонении от воинской службы, следует, на наш взгляд, также обратить внимание на совершенно необоснованное применение к нему части 2 статьи 72 УК УССР, предусматривающей совершение этого преступления при отягчающих обстоятельствах.

В качестве таких обстоятельств закон перечисляет:

а/ причинение себе телесных повреждений; б/ симуляцию болезни; в/ подлог документов; г/ обман и др.

Даже беглая оценка обстоятельств дела убеждает, что ни одного из перечисленных обстоятельств нельзя было приписывать Поху.

Предшествующее уголовному делу трехкратное освобождение Поха от воинской службы по причине хронических заболеваний /порок сердца, ревмокардит/ свидетельствует о том, что он не симулировал болезни, не причинял себе никаких повреждений и документов не подделывал.

И в этом вопросе суд допустил явное нарушение закона, стремясь строже наказать подсудимого, пожелавшего покинуть СССР и репатриироваться в Израиль.

Все изложенное доказывает, что дело Юрия Поха являлось далеко не бесспорным. Не было никакой необходимости, буквально накануне выезда из СССР, привлекать к уголовной ответственности больного юношу. Было гораздо проще и законнее разрешить ему оставить страну и, таким образом, осуществить свое право, предусмотренное п. 13 Декларации Прав Человека 1948 года.

ПРОЦЕСС

ВЛАДИМИРА МАРКМАНА

/Свердловск, 8-9.8.1972г./

ПЕРЕД ПРОЦЕССОМ

Письмо Вл. Маркмана в защиту узника Сиона В. Кукуя ^{х/}

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КПСС

Я неоднократно обращался в высшие правительственные органы СССР с просьбой осуществить контроль над действиями Свердловской власти с целью соблюдения законности в деле Валерия Кукуя. Единственной реакцией на это были заверения местных властей, что законность соблюдается. В случаях, когда законность явно нарушалась, все единогласно заявляли, что они не имеют к этому никакого отношения. После каждого такого заявления происходили новые нарушения, и снова виновных не было.

Переписка Валерия Кукуя длительное время задерживалась. Письма от него и к нему шли месяцы, а многие и вовсе не попадали к адресатам. Известно, что в тех случаях, когда письмо не пропущено лагерной цензурой, цензор должен сообщить об этом и возвратить письмо отправителю. Однако это не делается. В результате вышеуказанной ситуации Валерий Кукуй не имеет возможности письменного консультироваться со мной, своим поверенным, по поводу содержания надзорных жалоб. Надзорные жалобы, посланные мне Кукуем, ко мне не поступили.

Все это является явным нарушением закона, и я требую, чтобы лица, ответственные за это, были наказаны как нарушители 128-ой статьи Конституции. Я настаиваю на

^{х/} О процессе В. Кукуя см. "Антиеврейские процессы в Советском Союзе /1969-1971/", изд-во Еврейского университета в Иерусалиме, 1979 г., т. 2, стр. 733-813.

соблюдении свободы переписки, отсутствие которой лишает возможности обращаться к органам по надзору с надзорными жалобами.

Владимир Маркман

17 февраля 1972 г.

Свердловск

"Вечерний Свердловск", 3 апреля 1972 г.

Татьяна Пахомова

Страдальцы в масках

Недавно мне пришлось стать участником одного разговора. Руководители общественных организаций Свердловского отделения института "Проектмонтажавтоматика" вышли на прямую дискуссию с инженером Владимиром Маркманом, который ходатайствует о выезде в Израиль. Вот фрагмент этой дискуссии:

- Владимир, Ваша жена русская. У Вас ребенок. Вы не задумывались над тем, что им будет там очень плохо?

- Не думаю.

- Неужели Вам не жаль родителей, которых Вы готовы бросить?

- А что родители? Каждому свое.

- Владимир, Вы знаете какие затраты делает общество, чтобы дать человеку высшее образование? Разве Вы не в долгу перед страной?

- Все, что я получил, я уже отработал.

Удивительно, как холодно рассудочен этот человек. Любовь, нежность к матери, уважение к отцу, в конце концов просто озабоченность здоровьем родных, чувство долга - для него это, наверное, просто эмоции, которые надо оставить здесь, по эту сторону границы...

Черту надо подводить во-время, как подвел ее один из его единомышленников Юлий Кошаровский. Я невольно поставила рядом эти имена. Почему? В недавнем прошлом Кошаровский - сотрудник Свердловского научно-исследовательского института гигиены труда и профзаболеваний. О нем уже были разговоры, когда Юлий Кошаровский собрался уехать на постоянное место жительства в Израиль. Его заявление вызвало возмущение в коллективе: у человека интересная ра-

бота, немалая зарплата, дружная семья. Никому и в голову не могло прийти, что вот жил, работал рядом со всеми молодой специалист, которого считали товарищем. И вдруг оказалось, что разговор с ним идет на совсем разных языках. Он открыто заявил о своих националистических взглядах, бросил в жертву своим бредовым идеям счастье самых близких людей - матери, ребенка, жены. Он пока еще не выехал в "страну обетованную", но весьма срочно провел "подготовительный период" к выезду: расторг брак с женой, т.к. она "иной крови", и уехал в Москву.

- Почему в Москву? У него там родственники? - спросила я при встрече у жены Кошаровского.

- Нет, никого там нет... Как-то устроился...

Она ему "дала свободу", потому что борьба за него не принесла успеха: "взглядами не сошлись".

Я заинтересовалась в паспортном отделе УВД Москвы, как "устроился" Юлий Кошаровский. Оказывается, удобно. И снова подал заявление на выезд в Израиль. Но прежде оформил новый брак с Норой Абрамовной Корнблюм. Вряд ли по любви; вполне очевидно из голого расчета: это дало возможность прописаться в Москве и, главное, - полностью реабилитировать себя в глазах "далеких друзей", дабы они не сомневались в его беспредельной приверженности к расистским законам Израиля.

Не случайно я вспомнила эту историю во время беседы с Владимиром Маркманом. Нет, пожалуй никто не станет утверждать, что его судьба станет копией судьбы Кошаровского, но эти люди схожи в главном: нравственные принципы нашего общества они готовы выкинуть за борт с таким же фанатизмом, с каким утверждают свои произраильские взгляды. Как точен расчет сионистских вербовщиков - выхолостить из объекта своего влияния прежде всего способность чувствовать, причем делают они это изуверски и изощренно. Какие sentimentальные, красивые вызовы от мнимых родственников они фабрикуют: "Настоящим обращаюсь к соответствующим компетентным советским властям с убедительной просьбой о выдаче моим родственникам разрешения на выезд ко мне в Израиль на постоянное жительство. После многих лет разлуки и всего нами пережитого велико наше общее желание объединить наши семьи и жить в дальнейшем неразлучно"... Мне показали это ханжеское письмо в одной квартире, куда оно попало по недоразумению. Вербовщики ошиблись адресом, но в адресате не ошиблись: письмо было на имя Кошаровского.

Провозглашая принципы так называемого гуманизма, сионисты растаптывают святые идеалы: любовь, доброту, честность. Объявляя о желании жить семьями неразлучно, они заставляют людей, попавших под их влияние, забыть об уважении к семейным традициям. Они созывают евреев под знамена "братства" и лишают их истинной родины, заставляя предавать ее. Мораль и политика... Эти понятия стоят рядом. Разрушая моральное кредо человека, сионисты делают политику. Международный сионизм создал хитроумную машину. Это и различные организации типа государственной израильской фирмы Сохнут, занимающейся импортом "живого товара", с его моральным и экономическим закабалением; это всевозможные "общества содействия евреям"; это и демонстративные шабаши с ярковыраженным антисоветским характером. Лидеры международного сионизма не скрывают своей цели - максимум "тотального похода" против Советского Союза и стран социализма, как выразилась Голда Меир. А начинается этот поход с наивной на первый взгляд акции по отношению к советским людям еврейской национальности - приглашения приехать на "родину предков".

Нашлись такие слабые духом, политически незрелые, которых удалось сионизму затянуть в свою паутину. Но многие из этих людей, поддавшись националистической пропаганде, побывав на "земле обетованной", уже разобрались в так называемом "еврейском братстве". Они готовы искупить перед советской родиной свою ошибку. Они тянутся обратно в свои обжитые, родные места, но методы сионизма весьма изощренны и цепки его щупальца. До тех пор, пока сполна не будут отданы долги за проявленное "внимание", сионисты не выпустят жертву из своих цепей. А плата за долги одна: участие в антисоветской кампании. Есть среди таких жертв и несколько бывших жителей Свердловска. Это Владимир Акс, Борис Рабинович, Илья Войтовецкий, Александр Вернер. Не так давно эмигрировали они в Израиль, но платить своим хозяевам уже начали. Каким образом? Они шлют в Свердловск вести с "земли обетованной", всячески восхваляют тамошнюю жизнь, призывают друзей скорее туда выезжать. Они превозносят идеи расового превосходства объединенной еврейской нации и диктуют "друзьям", ранее знакомым по учебе, по работе и т.д. формы антиобщественной деятельности: всевозможные сходки с пением израильского гимна и чтением сионистской литературы, распространение этой литературы, открытые обструкции любым актам осуждения сионизма. Практически "далекие друзья" учат

тех, с кем поддерживают связь, как, каким образом накопить политический капитал перед выездом в Израиль. Надо заслужить право войти в число признанных "борцов за объединение".

Следует, наверно, упомянуть и о тех, кому адресованы призывы из Израиля и кто на них весьма живо откликается. Кроме Кошаровского и Маркмана это супруги Марк и Анна Левины. Марк Левин работал до недавнего времени в Уральском политехническом институте. Его жена, закончив аспирантуру в Уральском государственном университете, преподавала в Свердловском горном институте. "Глава семьи", как только подал заявление в паспортный отдел Управления Внутренних дел на выезд в Израиль, сразу же уволился из института, дабы избежать объяснения с сослуживцами. Его супруга тоже не вышла на разговор с общественностью, открыто игнорируя собрание профессорско-преподавательского коллектива горного института. Но собрание все-таки состоялось. Сотрудники СГИ поставили вопрос принципиально: с такими взглядами преподаватель не имеет морального права общаться со студенческой аудиторией. Тогда супруги Левины демонстративно устроились - один на стройку, другая - посудомойкой в ресторан. Эта вызывающая демонстрация продолжалась около двух недель, пока Левины не сделали ее достоянием радиовещательного центра Израиля, а уж "Голос Израиля" постарался обыграть эту информацию как факт гонения на евреев в Советском Союзе.

Помнится, с каким возмущением выступали на собрании в СГИ бывшие коллеги Анны Левиной. Представляю, насколько это возмущение возросло, когда их мнение стало предметом фальсификации израильского радио. Разделяю их полное презрение к так называемому педагогу, спекулирующему именем своих детей. Анна Левина везде изображает себя "бедной сиротой", которой якобы не на что "кормить детей", но при этом не ударяет пальцем о палец, чтобы пойти работать как физику, к примеру, на инженерную должность. Вместо того, чтобы честно трудиться, супруги Левины выпрашивают у сионистских организаций Англии, США и Израиля "серебренники" и демонстрируют свою готовность пополнить в Израиле ряды заимпортированных специалистов. Их не смущает, кому они будут служить. Их не смущает, чему в жертву готовы они принести счастье своих мальчишек-близнецов, у которых с такой легкостью отнимают они право носить пионерский галстук. За одно это супруги Левины достойны самого резкого осуждения. А ведь они

воспитывают в своих детях чувство поклонения к "благожелателям" из-за рубежа. В их дом приходят посылки из Англии, присланные компанией "Динерман" и К^о. С каким трепетом распечатывают они эти "подавания" в виде дешевой мацы, ею угощают приятелей: ешьте - это прямо из Англии. Мацой набивают карманы сыновей: угостите товарищей - это же прислано из самой Англии.

В ответ на "заботу" сионистов супруги Левины с рвением агитируют за выезд в Израиль своих знакомых. Они изображают себя непонятыми, обиженными: посмотрите-мол, хотят люди уехать к родственникам, а их не отпускают. На самом деле все это уловки: Анна и Марк Левины просто вооружились ложными вызовами из Израиля. Воспользовавшись правом журналистки, я посмотрела в областном паспортном отделе их выездные дела. Мое внимание привлекли заявления родителей Анны и Марка: в этих заявлениях ясно написано, что никаких родственников в Израиле у них никогда не было и нет и, что родители категорически против выезда детей на так называемую "родину предков". "Узнав о подаче сыном с его женой Анной Исааковной заявления о выезде в Израиль, мы сурово осудили их поступок, - пишет отец Марка Левина. - Наша Родина - Советский Союз. Мы, евреи, чувствуем себя полноправными гражданами наравне со всеми национальностями нашего государства, поэтому нет никаких оснований для выезда в другую страну. Родина дала нашим детям высшее образование, и их святой долг - честно работать и приумножать ее успехи".

Эти отщепенцы выставляют себя жертвами "Гонения" за одно будто бы желание - выехать за пределы СССР. Советский закон признает право гражданина решать свою судьбу самому, и мы осуждаем названных людей не просто за страстное желание "сменить место жительства". Речь идет об ином: Израиль сегодня - это страна, которой правят прямые наследники фашизма. Два с половиной десятилетия назад они были пособниками гитлеровцев и продавали своих же "братьев по крови" нацистам. Они переняли у них идеи расового превосходства одного народа над другим.

Я снова хочу вернуться к дискуссии с Владимиром Маркманом.

- Политика - не наше дело, - утверждает он.

Ложь. Ехать на постоянное место жительства в гарнизонное государство, продолжающее гнусные традиции гитлеризма - разве не политика?

Слать приветственные телеграммы по разным поводам в адрес Голды Меир, Залмана Шазара, систематически передавать тенденциозные, а то и прямо клеветнические информации в центры буржуазной пропаганды - не политика?

Мне самой не раз приходилось слушать такие информации, и, думаю не мне одной. Как то "Голос Израиля" передал, что четверо евреев из Свердловска послали приветственную телеграмму в адрес двадцать восьмого Всемирного конгресса сионистов. Это был своего рода вызов всем честным людям, выражающим протест против сионистского сближения. На дискуссии в "Проектмонтажавтоматике" с Владимиром Маркманом я узнала, что он и Левини были в числе этих четырех отщепенцев.

Многие десятилетия сионистское движение шло и идет на союз с империализмом и его прислужниками всех мастей, т.е. на союз с "классовыми родственниками", прикрываясь лозунгом родства национального. "Спасай евреев!" - кричали сионисты во все времена - и принимали прямое участие в еврейских погромах, в уничтожении евреев в фашистских лагерях смерти. "Объединим евреев!" - кричат они сегодня - и вступают в блок с неонацистами ФРГ и США. Официальные круги Израиля пытаются отвлечь внимание общественности от своей агрессивной политики и переключить его на так называемый "еврейский вопрос". Конечно, при этом им нужны проводники своей идеологии. Вполне понятно, что в таких произраильски настроенных лицах, как Маркман и Левини, они очень заинтересованы.

- Я ничего не имею против советского народа... Я ничего не имею против Советского Союза... Я просто хочу спокойно жить и работать в Израиле, - это тоже из дискуссии с Владимиром Маркманом, о которой мы уже говорили. Так же заявляли в свое время и его "друзья". Но как квалифицировать, как рассматривать их пропагандистскую деятельность? Разве не направлена она против той родины, на которой они родились, выросли, против той земли, которая зовется советской? х/

х/ Статья приведена в сборнике "Евреи и еврейский народ" /далее - ЕЕН/, изд-во Еврейского университета в Иерусалиме, т. 48 А /500/.

"Вечерний Свердловск", 6 мая 1972 г.

/Письма читателей/

Это не голос крови - это предательство

Статья "Страдальцы в масках", напечатанная в нашей газете 3 апреля, вызвала многочисленные отклики читателей. В редакцию пишут самые разные люди - рабочие и инженеры, ученые и работники искусств. Как помнит читатель, в статье шла речь о произраильских взглядах отщепенцев типа Владимира Маркмана, Юлия Кошаровского, су-пругов Левиных и других... Поддавшись сионистской пропаганде, они решили покинуть свою родину, с тем, чтобы пополнить в Израиле ряды заимпортированных специалистов. При этом они пошли на всевозможные уловки и обман, изображая себя людьми непонятыми, обиженными, вооружились ложными вызовами, тем самым явно демонстрируя свою враждебность к советским людям и к нашим законам. Кстати, после появления статьи сионистский центр в Израиле снова поднял националистический визг о том, что у нас в Свердловске якобы преследуют их "братьев по крови". А это значит - Маркман и Левины снова инспирируют несуществующие факты, пытаются выдать белое за черное. Именно об этом говорят многочисленные отклики на статью.^{x/}

Письмо группы евреев в защиту Вл. Маркмана

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР РУДЕНКО

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ООН К. ВАЛЬДХАЙМУ

КОМИТЕТУ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В МОСКВЕ

29 апреля сего года в Свердловске арестован Вл. Маркман, еврей, более года добивавшийся разрешения на выезд в Израиль.

Он был задержан на вокзале под предлогом выяснения личности. 5 дней его жена пыталась выяснить в милиции, КГБ, прокуратуре, где находится ее муж. Лишь на шестой день заключения Маркману был предъявлен ордер на арест.

^{x/} Далее газета цитирует 9 писем своих читателей.

До 7 мая сего года он находился в КПЗ, а затем был переведен в тюрьму. В ответ на требования родственников и друзей сообщить им причину ареста старший следователь областной прокуратуры Свердловска Пушкарёв заявил, что Маркману будет предъявлено обвинение по ст. 206 УК РСФСР в совершении хулиганского поступка, якобы имевшего место длительное время тому назад. Таковы обстоятельства ареста Вл. Маркмана, совершенного при явном пренебрежении элементарными гражданскими правами и процессуальными нормами.

В настоящее время жене Маркмана объявлено, что вместо обвинения по ст. 206 ее мужу предъявлено обвинение по ст. 190 УК РСФСР. Таким образом власти отказались от попытки нелепого обвинения в хулиганстве, заменив его другим, не менее нелепым обвинением - в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Также как и год назад перед процессом В. Кукуя, перед арестом Вл. Маркмана в Свердловске было подготовлено общественное мнение и создана соответствующая атмосфера. Как и в 1971 году, ^{х/} в местной прессе появился ряд статей. Так, газета "Вечерний Свердловск" /от 3 апреля с.г./ обвинила Маркмана в том, что он хочет выехать в "гаризонное государство, продолжающее гнусные традиции гитлеризма", что он "посылает поздравительные телеграммы Голде Меир и Залману Шазару и систематически передает тенденциозную, а то и прямо клеветническую информацию центрам буржуазной пропаганды".

Как и год назад, вслед за выступлением в газете состоялось собрание по месту работы Маркмана, принявшее резолюцию с ходатайством о привлечении его к уголовной ответственности. Таким образом, события в Свердловске в отношении Маркмана разворачиваются по точно такому же сценарию, как и год назад в отношении Валерия Кукуя. Власти убедились, что судебный процесс над Кукуем не запугал и не остановил евреев Свердловска в их стремлении уехать в Израиль.

Маркман, являясь доверенным лицом В. Кукуя по надзорным делам, активно действовал в защиту интересов Кукуя.

^{х/} См., например, статью В. Денисова "Где "земля предков?", "Уральский рабочий", 21.2.1971 г. /перепечатано в ЕЕН 46А /463/.

Мы полагаем, что это обстоятельство сыграло немаловажную роль в выборе кандидата на очередной процесс. Мы убеждены в невинности Вл. Маркмана и решительно настаиваем на прекращении преследования и его освобождении. Мы надеемся, что все, кому дорога справедливость и человечность, поднимут свой голос, чтобы не допустить еще одной тенденциозной судебной расправы.

М. Левин, В. Польский, Р. Рутман, Б. Орлов,
Л. Либов, Г. Свечинский, В. Мандельцвейг,
Б. Цитленок, В. Крижак, А. Гальперин, Н. Файнгольд,
Л. Цыпин, А. Левин, Л. Гендин, С. Волынская,
Е. Польская, Е. Престина, М. Балашинская,
Ю. Кошаровский, А. Лернер, В. Слепак, В. Престин,
И. Бегун, И. Коренфельд, И. Бейлин, М. Бельфор,
Н. Бельфор, Я. Писаревский, Б. Коган, Н. Корнблюм,
Г. Вольдман, М. Смелянский, М. Слепак, Е. Горлина,
Люд. Коренфельд, Лид. Коренфельд, Н. Слепан,
М. Львовский, М. Орлова, А. Смелянская, М. Зайчик,
Т. Гальперина, Д. Бейлина, Е. Михайлова, М. Гурвич,
Л. Кошевой, Ю. Файнгольд, В. Рагинская, А. Слепак.

Июнь 1972 г.

Обращение Г. Кисиной к Л.И. Брежневу
по поводу ареста ее мужа Вл. Маркмана

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ЛЕОНИДУ БРЕЖНЕВУ

от Кисиной Генриэтты Ильинишны,
Свердловск, ул. Ленина, 69, кв. 429

ЗАЯВЛЕНИЕ

29 апреля 1972 г. в г. Свердловске был арестован мой муж Владимир Маркман. Он был арестован якобы за оскорбление женщины нецензурной бранью. Ему было предъявлено обвинение по ст. 206 Уголовного кодекса "за злостное хулиганство". В ходе следствия будто была выявлена антисоветская деятельность моего мужа. Ему по совокупности была предъявлена ст. 190 УК.

Мой муж Владимир Маркман, честный человек и добросовестный работник, за 14 лет работы ни разу не имел ни одного взыскания и ни разу не задерживался милицией. В марте 1971 г. он подал документы на выезд в государство Израиль на постоянное жительство, но получил отказ.

Глубоко убежденная в том, что обвинение, предъявленное моему мужу, вымышлено, я приехала в Москву, чтобы поручить его защиту адвокату. Три недели я вела переговоры с Московской коллегией городской и областной адвокатуры и, несмотря на согласие нескольких адвокатов, президиум Московской городской и областной коллегий запретил адвокатам взять командировки в г. Свердловск. Я обращалась за помощью в министерство юстиции РСФСР и в приемную ЦК КПСС, но безрезультатно.

Я обеспокоена судьбой мужа, ибо отказ в защите невозможно рассматривать иначе, как подготовку расправы над ним. В результате того, что мне не удалось получить адвоката для защиты моего мужа, я вынуждена прибегнуть к крайней мере: голодовке протеста в приемной ЦК КПСС.

Г. Кисина

17 июля 1972 г.

Обращение В. Заславского и И. Нудель к
Л.И. Брежневу в защиту семьи Маркман

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ЛЕОНИДУ БРЕЖНЕВУ

Генриэтта Кисина, жена Владимира Маркмана, арестованного в конце апреля с.г., в течение двух недель безуспешно пыталась получить разрешение Московской коллегии адвокатов для командировки адвоката в Свердловск в качестве защитника в деле ее мужа.

Все попытки обжаловать это незаконное решение коллегии остались безрезультатны. Более того, исполняющий обязанности заведующего приемной ЦК КПСС Липатов заявил, что вина В.Маркмана состоит в клевете на Советский Союз, и он, Маркман, не получит защитника в Московской коллегии адвокатов. Это откровенное признание вины Маркмана, сделанное ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС, позволяет думать, что вместо беспристрастного судебного разбирательства готовится судебная расправа над Владимиром Маркманом.

Жена Маркмана Кисина обратилась к Вам 17 июля 1972 г. с заявлением, в котором изложила эти и другие факты, информировала Вас о своем решении прибегнуть к крайней мере: голодовке протеста в приемной ЦК КПСС. Этот факт отчаявшегося человека повлек за собой репрессии в отношении ее самой. Кисина была задержана и насильно отправлена

этапом в Свердловск после унижительного личного обыска. Мы являемся близкими друзьями семьи Маркман и считаем своим гражданским долгом поддержать ее в требовании о предоставлении ей права пригласить защитника в соответствии со ст. 48 УК РСФСР. Кроме того, мы требуем прекратить преследование Кисиной и предоставления ей права свободного передвижения.

В поддержку изложенных требований мы продолжаем голодовку протеста, начатую 17 июля 1972 г. в приемной ЦК КПСС.

Владимир Заславский
Ида Нудель

18 июля 1972 г.

Заявление в Международную ассоциацию адвокатов жены и сына арестованного Вл. Маркмана

В МЕЖДУНАРОДНУЮ АССОЦИАЦИЮ АДВОКАТОВ

Мы, семья Владимира Маркмана, арестованного в городе Свердловске, обращаемся к вам с надеждой и мольбой.

Наш муж и отец ни в чем не виновен, но он даже не имеет права защищаться. Даже убийца и насильник может нанять адвоката для своей защиты, а Владимиру Маркману в этом отказано. Пять московских адвокатов согласны принять поручение на защиту, но коллегия адвокатов запретила им это. Следствие по делу Маркмана закончено. Мой муж будет осужден невиновным.

Помогите нам! Употребите влияние на то, чтобы власти Советского Союза разрешили семье Маркмана поручить его защиту адвокату, с которым они договорятся.

Г. Кисина - жена,
Борис Маркман - сын.

Июль 1972 г.

Письмо группы евреев в защиту Вл. Маркмана

**В КОМИТЕТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ООН
В КОМИТЕТ ЮРИСТОВ-ДЕМОКРАТОВ В БРЮССЕЛЕ**

Около трех месяцев назад в Свердловске был арестован Владимир Маркман, еврей, более года добивающийся разрешения на выезд в Израиль.

Ему было предъявлено обвинение по статьям 206-2 и 190-1 УК РСФСР. Несмотря на то, что ряд московских адвокатов дал согласие на защиту Маркмана, московская коллегия адвокатов, насчитывающая более 1000 юристов, официально сообщила жене Маркмана - Генриетте Кисиной, что: "коллегия лишена возможности выделить адвоката для защиты Владимира Маркмана".

17 июля Кисина посетила приемную ЦК КПСС, где начальник приемной Филатов заявил ей, что: "поскольку В.Маркман занимался антисоветской деятельностью, то московского адвоката он не получит". Тем самым Филатов допустил демонстративное пренебрежение советскими законами, согласно которым факт антисоветской деятельности может быть доказан лишь судом и по которым правом на защиту и, следовательно, на выбор защитника имеет любой гражданин, независимо от характера предъявленного ему обвинения. Филатов отказался также допустить Кисину на прием к одному из секретарей ЦК КПСС.

Сразу же после разговора с начальником приемной ЦК Кисина направила телеграмму Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу, в которой заявила, что действия властей, которые оставляют ее мужа без защиты перед надвигающейся судебной расправой, вынуждают ее пойти на крайнюю меру: голодовку протеста в помещении ЦК КПСС. Копию телеграммы Кисина передала работникам приемной ЦК. Через 30 минут после этого Кисина была задержана и из приемной ЦК КПСС переведена в 46-е отделение милиции Москвы, где ей заявили, что она будет под конвоем этапирована в Свердловск, а в случае повторного приезда в Москву по делам мужа, она будет помещена в психиатрическую лечебницу /замечим, что Кисина психически нормальна и никогда не состояла на учете в психиатрическом диспансере; кроме того, по советским законам принудительное лечение даже психически больного человека против его воли и воли его родственников возможно лишь по решению суда/.

Мы, евреи, также как и Маркман, стремимся к выезду в Израиль и мы протестуем против попраania элементарных прав человека и против грубого нарушения в деле Маркмана законов СССР теми советскими учреждениями и лицами, которые призваны стоять на страже этих законов.

Мы требуем восстановления законности, немедленного освобождения жены Маркмана и предоставления ей свободы передвижения; мы требуем, чтобы суд над Маркманом был

гласным, с соблюдением всех процессуальных норм, с участием защитника, свободно выбранного семьей Маркмана.

Члены Комиссии по правам человека при ООН! Юристы-демократы! Мы призываем вас без промедления вмешаться в дело Маркмана! Ибо внутренние дела отдельных стран-членов ООН перестают быть их внутренним делом с того момента, когда попираются права человека.

Файнгольд Натан и Юлия, Маркиш Давид, Лазебникова Эстер, Бельфор Моисей и Нина, Шахновский Владимир, Заславский Владимир, Польский Виктор и Елена, Престин Владимир и Елена, Абрамович Павел, Балашинская Марта, Новиков Анатолий и Изабелла, Коренфельд Илья, Смелянский Марк и Алла, Вальдман Григорий, Полонская, Кошаровский Юлий, Лапинский Семен, Цитленок Борис, Фейермарк, Маневич Ефим и Алла, Айнбиндер Борис, Орлова Марианна, Слепак Владимир, Мария и Александр, Бабель Михаил, Векслер Юлий, Свечинский Григорий - /Москва/;

Хавин Эдуард и Изабелла - /Киев/;

Дорфман Мирон, Трегерман Ольга, Котляр Абрам, Баренбойм Яков, Магдер Виктор и Рива - /Кишинев/.

Июль 1972 г.

Обращение 30 евреев Москвы в Международную организацию юристов-демократов в защиту Вл. Маркмана

В МЕЖДУНАРОДНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ЮРИСТОВ-ДЕМОКРАТОВ

ОБРАЩЕНИЕ

Два с половиной месяца тому назад в Свердловске был арестован Владимир Маркман, более года добивающийся разрешения на выезд в Израиль и являющийся доверенным лицом осужденного ранее Валерия Кукуя. Маркману предъявлено обвинение по ст. 190 и 206 УК РСФСР.

Мы, товарищи В. Маркмана и просто евреи, которым власти также препятствуют в репатриации, убеждены в невиновности Владимира Маркмана и рассматриваем предстоящий судебный процесс как очередную попытку запугать евреев, желающих выехать из СССР в Израиль. Являясь одним из многих судебных процессов над евреями СССР, стремящихся к выезду в Израиль, суд над Маркманом занимает в этой цепи особое место, так как власти лишили его возможности юридической

защиты. Московская коллегия адвокатов, насчитывающая более тысячи юристов, официально заявила жене Маркмана, что "коллегия лишена возможности выделить адвоката для защиты ее мужа".

Обращение в Министерство Юстиции РСФСР по поводу беспрецедентного решения коллегии адвокатов осталось без ответа. Этот факт лишения возможности выбора адвоката, исключаящий реализацию права на защиту обвиняемого, является грубым нарушением конституционных и гражданских прав человека. Мы надеемся, что этот факт не будет оставлен без внимания юристами Вашей Ассоциации и будут найдены пути для обеспечения защиты Маркмана.

В. Польский, В. Престин, Н. Файнгольд, И. Нудель, Ю. Кошаровский, В. Заславский, П. Абрамович, Р. Рутман, В. Слепак, Г. Свечинский, А. Лернер, И. Коренфельд, Т. Гальперина, Д. Бейлина, Я. Писаревский, М. Львовский, М. Бельфор, М. Гольдман, А. Смелянская, Б. Айнбиндер, М. Клячкин, В. Яхот, И. Бегун, А. Либов, Л. Кошевой, А. Новиков, Б. Цитленок, М. Бабель, В. Рагинская, С. Гурвиц.

Июль 1972 г.

Письмо жены В. Маркмана Премьер-министру Израиля Г.Меир
ГЛАВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ ГОСПОЖЕ ГОЛДЕ МЕИР

Я обращаюсь к Вам, к главе государства, гражданами которого мы себя считаем. Вот уже полтора года наша семья добивается разрешения на выезд. В апреле сего года мой муж, Владимир Маркман, арестован по ложному обвинению в злостном хулиганстве. Кроме того, ему инкриминировали антисоветскую деятельность. Я совершенно уверена в вымышленности этих обвинений. Настоящей причиной ареста послужило то обстоятельство, что Маркман активно добивался разрешения на выезд в государство Израиль.

Я хотела нанять квалифицированного адвоката в Москве, так как в Конституции страны сказано, что можно взять любого адвоката для своей защиты. Однако московским адвокатам запретили защищать моего мужа. Я обратилась в ЦК КПСС с просьбой помочь мне, но меня под конвоем отправили в Свердловск. Следствие по делу моего мужа закончено и скоро совершится суд-расправа.

Я прошу Вас употребить все имеющиеся у Вас возможности помочь мне получить московского адвоката.

Мой муж не виновен в предъявленных ему обвинениях.

Генриэтта Кисина

Август 1972 г.

Свердловск

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

МАРКМАНА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

/Краткий отчет/

Судебное заседание открылось 8 августа 1972 г. в 10 ч. утра в здании Свердловского областного суда /ул. Малышева, 26/. Зал, рассчитанный на 40-50 человек, не заполнен, т.к. о дате суда даже свидетелей известили накануне вечером.

Первый день суда - 8 августа

Объявляется состав суда:

Председательствующий	- член суда РУДЕНКО А.В.
Народные заседатели	- БОКОВА В.А. и КЛИМЕНКО А.З.
Секретарь суда	- ГАПОНОВА В.П.
Прокурор	- ЗЫРЯНОВ Г.Т.
Адвокат	- ИВАНИ В.Л.

Маркман заявил отвод прокурору, так как Зырянов был обвинителем на процессе Кукуя, Валерия Исаковича /суд состоялся 15-16 июня 1971 г.; Кукуй обвинен по ст.190 п.1 УК РСФСР и осужден на 3 года лишения свободы/. На процессе Кукуя прокурор Зырянов искажил показания Маркмана, участвовавшего в суде в качестве свидетеля.

Выслушав заявление и мотивировку Маркмана об отводе прокурора, суд удалился на совещание. В комнату для совещаний заходила посторонняя женщина.

Отвод был отклонен.

Ходатайство Маркмана о допросе его жены Кисиной, Генриэтты Ильиничны в качестве свидетеля принято. Не явился свидетель Бланк /ввиду болезни/. В деле имеется письмен-

ное заявление Бланка. Отсутствует свидетель Сурис /арестован/. Отсутствует также свидетель Ушенин /уехал в отпуск/.

ДОПРОС подсудимого Маркмана:

Вопросы судьи: Когда Вы закончили учебу в школе? Что делали после школы? Где служили? Номер воинской части? Когда демобилизовались? Что было после армии? Куда поступили? Кем? Когда закончили институт? Сколько и где работали? Какая семья? Где жили? Сколько времени? Отношения с тестем? Почему не разговаривали?

Маркман отвечает на вопросы.

СУДЬЯ зачитывает обвинительное заключение.

В нем фигурируют: письмо десяти свердловских евреев по самолетному делу; заявление группы свердловских евреев в газету "Известия"; заявление трех свердловских евреев в Международный союз журналистов; письмо Леонида Забелы-женского мистеру Таджеру в Англию насчет мацы; отчеты телефонной станции о телефонных разговорах с Израилем; квитанции о денежных переводах из-за границы /в обвинительном заключении эти переводы именуются "денежными вознаграждениями"/ - указано получение сертификатов по датам; показания телефонистки Шишковой; показания телефонистки Бойченко; письмо группы свердловских евреев председателю КГБ Ю. Андропову; телеграмма группы свердловских евреев 28-му Сионистскому конгрессу и др. материалы.

Выступление Маркмана по пунктам обвинительного заключения:

Об отношениях со свидетелем Иткиным. Началось с фотокопии книги о борьбе "каратэ". Появившись однажды в доме, систематически приходил до самого ареста под предлогом оказания услуг. Я знал, что он сотрудничает с милицией. Тайн у нас в доме нет, и в дом может заходить любой. Иткин интересовался почему я хочу ехать в Израиль. Я рекомендовал ему не приходиться ко мне. Обвинение Иткина считаю ложным. Оно мотивировано желанием отмежеваться от меня. Разговоры у нас велись лишь на житейские темы: где и что он может купить. Иткин иногда жаловался на свою судьбу: объяснял свои неудачи тем, что он еврей. Его показания против меня - злостный вымысел.

Об отношениях со свидетелем Будняцким. Обвинительное заключение не может вытекать из показаний Будняцкого. "Антисоветизм", "утверждения о насильственной ассимиляции", "утверждения о лживости советской печати" - таких показаний у Будняцкого нет. Нет также в показаниях Будняцкого приписываемых мне обвинительным заключением высказываний о политике СССР на Ближнем Востоке. Я не читал Будняцкому писем из Израиля от уехавших друзей.

Об отношениях со свидетелем Бланком. Бланк выступал в качестве свидетеля на процессе Кукуя. На предварительном следствии давал показания против Кукуя, а на суде от них отказался. Бланк несколько раз приходил ко мне домой. Никаких разговоров о несправедливости советской политики я с ним не вел. Он приходил не надолго и обычно просил показать ему открытки с видами Израиля.

Об отношениях со свидетелями Чузо и Ушениным. Не говорил с ними о политике. Ушенин уговаривал меня отказаться от намерения выехать в Израиль. При этом, вызывая меня на откровенность, он говорил: "Неужели Вы думаете, что я пойду заявлять об этом разговоре между нами?" Возможно, Ушенин в разговоре меня неправильно понял.

СУДЬЯ: Каким образом Вы были приняты на работу?

МАРКМАН: Место предложил Ушенин после моего увольнения с предыдущей работы. С Чузо беседовал по вопросам, касающимся работы. Это было перед оформлением.

Об отношениях со свидетелем Сурисом. Познакомил нас Наум Ходаков. Сурис постоянно живет на Сахалине. После знакомства он попросил разрешения навещать меня. Предложил достать продукты, взял 15 рублей, том О'Генри, Пятикнижие из Библии и исчез из Свердловска. Из Саратова Сурис написал письмо, передавал мне привет, но ни денег, ни книг не выслал. В своих показаниях на предварительном следствии Сурис старался выслужиться, утверждая, что положение евреев в Советском Союзе нормальное. Исключение составляют те, кто желает выехать в Израиль. Я могу рассказать об увольнении с работы тех, кто заявляет о намерении выехать в Израиль; об организации собраний, на которых клеймят евреев как изменников и предателей; о вызовах в КГБ для бесед, даже женщин, согласившихся ехать, чтобы сохранить семью. Дочь Керцнуса исключили из комсомола на общем собрании школы за то, что она решила ехать вместе с родителями. Однако об этом я с Сурисом не говорил

СУДЬЯ: Что Вы скажете насчет Вашего увольнения с работы?

МАРКМАН: 10 человек были одновременно уволены после подачи заявлений на выезд.

СУДЬЯ: С каких пор Вы начали высказывать недовольство?

МАРКМАН: Недовольства я не высказывал.

По поводу письма о самолетном процессе. Люди, пытавшиеся угнать самолет, долгое время добивались разрешения на выезд. Им было отказано в их законном праве на выезд. Решение ленинградского городского суда о смертной казни двум осужденным - несправедливо. Текст протеста против приговора составляли все 10 человек, подписавших письмо.

СУДЬЯ: Как Вы относитесь к содержанию письма?

МАРКМАН: Мы не одобряем намерения похитителей, но считаем приговор слишком суровым; в письме нет утверждения, что это - провокация советской власти против евреев, хотя в обвинительном заключении нам эти слова приписываются. Непонятно, почему это попало в обвинительное заключение. Письмо за границу отправил Рабинович.

СУДЬЯ: Почему Вы дали согласие на отправку?

МАРКМАН: Рабинович сказал, что, если письмо отправить только советскому правительству, то реакции не будет.

По поводу письма в газету "Известия". Письмо предложил подписать Войтовецкий, которого я встретил в Москве. Дальнейшая судьба письма мне неизвестна.

СУДЬЯ: Соответствует ли текст письма по ленинградскому делу действительности? /Зачитывает текст письма/

МАРКМАН: Соответствует по отношению к лицам, желающим уехать в Израиль.

СУДЬЯ: Преступники осуждены законом.

МАРКМАН: Приговор жесток. Следует учесть, что письмо написано до изменения приговора Верховным Судом.

СУДЬЯ: Что это за волна антиеврейских судебных процессов?

МАРКМАН: Речь идет о той части евреев, которые добиваются выезда.

О письме мистеру Таджеру. Я это письмо не писал и не подписывал. Предлагал только поблагодарить мистера Таджера за посылку. Письмо писал и подписывал Забелыженский.

О телефонных разговорах с Израилем. В 1971 г. ни с

кем, кроме Эйдельмана, по телефону не разговаривал. Эйдельман сообщил, что высылает деньги. В 1972 г. несколько раз говорил с друзьями. Это были обычные разговоры на бытовые темы.

СУДЬЯ: Сведения передавали?

МАРКМАН: Не передавал, потому что никто не просил.

СУДЬЯ: А за что присылали вам деньги?

МАРКМАН: Ни за что. А почему "за что"? Рекант и Эйдельман видели в каком положении мы оказались. Я тоже часть своих денег отдавал уезжающим ребятам: Войтовецкому, Кесельман, Вернеру. Первый полученный перевод я отдал Элле Кукуй. Эйдельман во время разговора интересовался получил ли я перевод и сказал, что вышлет еще.

По поводу "хулиганских действий". Я не доверяю свидетелям, дававшим показания по этому обвинению. Я недавно читал в "Правде" о том, что на Западе подслушивают телефонные разговоры. Когда во время разговора с Израилем вдруг оборвалась связь, я поделился с Забелыженским своим мнением по этому поводу. Как могут расцениваться показания, базирующиеся на подслушанных разговорах? Почему телефонистка не предупредила меня, что она подслушивает? И вообще - откуда взялись эти заявления телефонисток?

СУДЬЯ: /обрывая/: Что вас не устраивало в советском обществе?

МАРКМАН: У меня не было причин задумываться над этим.

СУДЬЯ: Скажите, кто присутствовал на праздновании Пасхи? Был ли с вами адвокат Певзнер? Беседовали ли вы с ним?

МАРКМАН: отказывается отвечать на эти вопросы.

СУДЬЯ: О чем вы писали в своих письмах?

МАРКМАН: Протестовали против незаконного осуждения Кукуя.

СУДЬЯ: Зачем вам понадобилось читать книгу Булгакова "Собачье сердце"?

МАРКМАН: По данным обллита эта книга цензурой не запрещена.

СУДЬЯ: В ваших письмах не было измышлений?

МАРКМАН: Нет.

По поводу письма в Международный союз журналистов. Текст письма не является клеветническим. Журналистка Пахомова необъективно осветила данный вопрос на страницах газеты.

СУДЬЯ: Кому вы посылали копию письма?

МАРКМАН: В ООН.

СУДЬЯ: С какой целью?

МАРКМАН: С целью добиться моральной поддержки.

СУДЬЯ: А зачем вам нужна была "моральная поддержка"?

МАРКМАН: Когда мы писали аналогичный протест по поводу статьи о Кукуе, вместо ответа нас вызывали для беседы в КГБ.

СУДЬЯ: Когда вы написали в "Уральский рабочий", предупреждали ли вас об ответственности за писание писем?

МАРКМАН: Два раза предупреждали, чтобы я не писал протестов.

СУДЬЯ: Как письмо попало в Израиль?

МАРКМАН: О письме в Израиле стало известно от Войтовецкого.

СУДЬЯ: С кем еще в Израиле вы разговаривали?

МАРКМАН: С Вернером, с Эллой Кукуй. Они спрашивали, как дела у Кукуя. Я сказал им, что имеется гражданский иск, и нужно выслать деньги, чтобы его оплатить.

СУДЬЯ: Вы ездили в лагерь к Кукую? Имели с ним свидание?

МАРКМАН: Один раз имел свидание. Он дал мне доверенность на ведение дел по надзорной жалобе. Свидание продолжалось один час.

СУДЬЯ: После этого вы еще ездили?

МАРКМАН: Ездил, но свидания нам не дали.

СУДЬЯ: О чем у вас была переписка с Кукуем?

МАРКМАН: О разных житейских вопросах, о надзорной жалобе, о различных юридических вопросах, касающихся Кукуя.

СУДЬЯ: Давали ли вы кому-нибудь читать письма Кукуя?

МАРКМАН: Давал.

СУДЬЯ: О чем вы разговаривали в компании?

МАРКМАН: Трудно вспомнить.

СУДЬЯ: Сурис бывал у вас в компании?

МАРКМАН: Один раз приходил Сурис. У меня тогда болела голова, и я ушел.

СУДЬЯ: Почему вокруг вас организовывались люди? Почему к вам ходят?

МАРКМАН: Точно также ходят и к остальным. Однако квартирные условия не позволяют мне принимать гостей.

СУДЬЯ: Вы помните показания Суриса?

МАРКМАН: Все это клевета. Такого разговора с ним я не знаю. Есть два варианта: или верить этим показаниям полностью, или не верить им вообще.

В своих показаниях Сурис заявил, что я являюсь руководителем тайной организации, в которой 15 человек. В другой раз он показал, что в организации 18 человек. Если верить этим показаниям, нужно судить всю организацию. Сурис заявил, что я собираюсь выкрасть Кукуя и переправить его за рубеж. Ваше право - верить или не верить этим чудовищным показаниям.

ЗАСЕДАТЕЛЬ: Объясните ваши отношения с товарищами? Почему они к вам приходили?

МАРКМАН: Что касается лиц, подавших заявления на выезд, у меня отношения с ними были дружескими. Мы соблюдали еврейские праздники, некоторые национальные обряды. Нас связывали общие взгляды. Другие приходили, руководствуясь праздным интересом: что с нами будет?

СУДЬЯ: Вы заявляете, что политика вас не интересует, но считаете, что великие державы не должны вмешиваться в ближневосточный конфликт. Как это понять?

МАРКМАН: Это волнует меня постольку, поскольку я хочу жить в Израиле и не хочу, чтобы там была война.

СУДЬЯ: С кем вы разговаривали о политике?

МАРКМАН: Я о политике не говорил.

СУДЬЯ: Обосновано ли обвинение вас в предательстве?

МАРКМАН: Мораль не должна расходиться с законом.

СУДЬЯ: Вам объяснили, почему вам нельзя ехать в Израиль?

МАРКМАН: Если бы эти объяснения касались всех, о них можно было бы разговаривать. А селективность делает их неаргументированными.

СУДЬЯ: Унижалось ли ваше национальное достоинство?

МАРКМАН: В детстве - да, последние 10 лет - нет.

СУДЬЯ: Это были просто детские шутки.

МАРКМАН: Не этим объясняются причины моего выезда в Израиль. Я, как еврей, не могу быть в стороне от моей нации. Несмотря на то, что я человек ассимилированный и ценю Россию и русскую культуру, я считаю отказ от своей нации недопустимым.

СУДЬЯ: Что вы можете сказать по поводу письма к Андропову?

МАРКМАН: Там заявлено, что вокруг нас создана нетерпимая обстановка и что мы будем бороться за право выезда.

СУДЬЯ /зачитывает текст письма/: В чем вы видите травлю?

МАРКМАН: Нас часто вызывали в КГБ. Там нам пересказывали обо всем, что происходило в доме.

СУДЬЯ: Почему вы подписывали письма, не касавшиеся вас непосредственно? Почему Забелыженский пишет от вашего имени?

МАРКМАН: Я не знаю по каким мотивам писал Забелыженский.

СУДЬЯ: Письмо президенту Израиля писали?

МАРКМАН: Не помню.

СУДЬЯ: оглашает протокол собрания коллектива "Проект-монтажавтоматики" и резолюцию, в которой говорится, что инженер Маркман родился и вырос в Советском Союзе, однако стал на путь клеветы и занимался клеветническими заявлениями. Понятно, какую оценку дал вам коллектив?

МАРКМАН: Я с этой оценкой не согласен.

СУДЬЯ: До вашего сознания не дошло, что это враждебная деятельность?

Далее судья зачитывает справку Внешпосылторга о денежных переводах Маркману из-за границы.

Теперь вы согласны, что характеристика соответствует действительности? Вы занимались враждебной организационной деятельностью.

МАРКМАН: Никакой организационной деятельностью я не занимался.

СУДЬЯ: Вы со всеми передачами "Голоса Израиля" знакомы? Писали приветствия сионистскому конгрессу? /Зачитывает текст приветствия, ссылаясь на записку с радиоперехвата/.

Соответствует ли выдержка действительности?

МАРКМАН: В своих письмах мы не допускали резких выражений. Вы читаете не наш текст, а ссылаетесь на радиоперехват.

СУДЬЯ: Учили ли вы еврейский язык?

МАРКМАН: Нет, не учил. Многие не знали языка и спокойно уехали в Израиль.

СУДЬЯ: Каковы же причины их выезда в Израиль?

МАРКМАН: Я хочу выехать по национальным мотивам.

ПРОКУРОР: При ваших телефонных разговорах кто-нибудь присутствовал?

МАРКМАН: Во время последнего разговора был Забелыженский.

СУДЬЯ: Он слышал вашу перебранку?

МАРКМАН: Если бы она была, он слышал бы. Вся эта история с перебранкой выдумана, чтобы посадить меня. А истинная причина - мое желание выехать в Израиль.

СУДЬЯ: Ваших друзей, которые уже там, ведь не судили. Значит ваше утверждение, что судят за желание уехать - необоснованно. И почему вы хотите ехать? Почему вы считаете свою причину уважительной, не учитывая интересы государства?

Продолжение допроса Вл. Маркмана.

ПРОКУРОР: Утверждение о том, что вы говорили об отсутствии в СССР демократии - неверно?

МАРКМАН: Да, неверно.

АДВОКАТ: Кто подписывал заявление в "Известия"?

МАРКМАН: перечисляет фамилии.

АДВОКАТ: Кто печатал на машинке?

МАРКМАН: Не знаю.

АДВОКАТ: Могли заявление передать в Израиль те, кто уехал?

МАРКМАН: Могли.

АДВОКАТ: Кто подписывал заявление в ООН?

МАРКМАН: Четверо.

АДВОКАТ: Кошаровский знал?

МАРКМАН: Не знаю.

АДВОКАТ: Не известно ли вам, как заявление попало на радиостанцию?

МАРКМАН: Нет.

АДВОКАТ: Письмо по поводу Ленинградского процесса было в копии направлено Президенту Шазару. По чьей инициативе это было сделано?

МАРКМАН: Не могу сказать.

АДВОКАТ: Как направляли письма?

МАРКМАН: Не знаю. В Москву ездил Рабинович. Как он передал - не знаю.

АДВОКАТ: Вы ездили в Москву. С кем вы там встречались?

МАРКМАН: Только с Войтовецким.

АДВОКАТ: Письмо в прокуратуру написано рукой Забелыженского. Когда оно было написано?

МАРКМАН: В июле, во время следствия.

АДВОКАТ: Забелыженский согласовывал с вами содержание?

МАРКМАН: Нет.

АДВОКАТ: Пытались ли вы установить, откуда поступали вам денежные суммы?

МАРКМАН: Во Внешпосылторге называли фирмы.

АДВОКАТ: После этого, во время разговоров, пытались ли выяснить кто выслал?

МАРКМАН: Пытался. Войтовецкий сказал, что выслали они.

АДВОКАТ: Для чего вам деньги? Почему деньги только в

ваш адрес?

МАРКМАН: Не только в мой.

АДВОКАТ: Вы разговаривали по телефону с Эйдельманом?

МАРКМАН: Да, разговаривал.

АДВОКАТ: Вы отрицаете, что получали деньги за передачу информации?

МАРКМАН: Да.

СУДЬЯ: Кто еще получал деньги?

МАРКМАН: Акс.

СУДЬЯ: А Левины получали?

МАРКМАН: Нет.

Допрос свидетеля ЧУЗО /начальника отдела/.

ЧУЗО: Маркман поступил к нам в мае 1971 г. Мы знали всю его историю. Посоветовались с главным инженером, предполагали, что одумается. В течение года Маркман работал добросовестно. Укладывался в установленные сроки, показал себя знающим и умеющим работать. Отношение к работе было сердечное. Посещал политинформации, но сидел за перегородкой.

ПРОКУРОР: Главный инженер - русский?

ЧУЗО: Да.

ПРОКУРОР: Кто был непосредственным начальником?

ЧУЗО: Я.

ПРОКУРОР: Дискриминации в отношении его не допускали?

ЧУЗО: Нет.

ПРОКУРОР: Главный инженер - коммунист?

ЧУЗО: Нет.

ПРОКУРОР: Знали ли вы причину предыдущего увольнения Маркмана?

ЧУЗО: Со слов Ушенина.

ПРОКУРОР: Что вы можете сказать о вашем разговоре с Маркманом о советской печати?

ЧУЗО: Маркман говорил, что печать тенденциозна.

ПРОКУРОР: А о преследовании евреев говорил?

ЧУЗО: Мне - нет. Говорил Ушенину.

ПРОКУРОР: Много у вас в подчинении?

ЧУЗО: 38 человек.

ПРОКУРОР: Сколько евреев?

ЧУЗО: Трое.

ПРОКУРОР: Вы их не обижали? Вам не было указаний зажимать?

ЧУЗО: Нет.

СУДЬЯ: Маркман, вы согласны с показаниями свидетеля?

МАРКМАН: Он неправильно понял слова Ушенина.

СУДЬЯ: В чем вы усматриваете гонения на евреев, если вас даже принимают на работу?

МАРКМАН: Речь идет не об одном еврее, а о группе лиц.

АДВОКАТ: Свидетель Чузо, были ли у вас разговоры, когда вы оставались втроем - Маркман, Ушенин и вы?

ЧУЗО: Нет.

АДВОКАТ: И насчет газет?

ЧУЗО: Не помню.

АДВОКАТ: Было ли у вас впечатление, что наша печать тенденциозна? Что печать лжива?

МАРКМАН: Я этого не говорил.

Допрос свидетеля Бойченко /телефонистка/.

СУДЬЯ: Вы знакомы с подсудимым?

БОЙЧЕНКО: Нет.

СУДЬЯ: Были ли разговоры с квартиры Маркмана с Израилем?

БОЙЧЕНКО: Было в апреле, в первом часу ночи. Звонили из Израиля. О чем говорили я не знаю. Маркман начал ругаться. Меня лично не оскорблял. Когда пропала связь, просил Москву.

СУДЬЯ: После предупреждения еще говорил? Ругался?

БОЙЧЕНКО: Нет. Говорил не по-матерному. Обозвал фашистами.

СУДЬЯ: С кем он говорил?

БОЙЧЕНКО: С Ильей. Много я не могла слушать. Просил выслать деньги. Говорил, что сын в больнице.

СУДЬЯ: Был разговор о вызовах?

БОЙЧЕНКО: Был. Илья сказал, что выслал вызов профессору Когану, а тот отказался. Илья просил поговорить с ним еще. Говорили еще насчет денег на иск Кукуя.

ПРОКУРОР: Лично вас Маркман оскорблял?

БОЙЧЕНКО: Нет, не оскорблял.

ПРОКУРОР: Кроме вас еще кто-нибудь отзывался на брань?

БОЙЧЕНКО: Нет, никто.

ПРОКУРОР: Вы имеете право включаться в любое время?

БОЙЧЕНКО: Да, в любое.

ПРОКУРОР: Надолго? Разговор вы слышали по частям или целиком?

БОЙЧЕНКО: Не целиком.

ПРОКУРОР: Никто не просил подключаться к разговору? Не было любопытства?

БОЙЧЕНКО: Нет.

ПРОКУРОР: Вы предупреждаете, что включилась телефонистка?

БОЙЧЕНКО: Нет.

ПРОКУРОР: Было не одно ведь ругательство? Статью из газеты Маркман читал до или после?

БОЙЧЕНКО: После.

ПРОКУРОР: А когда он ругался? В тот момент, когда связь была прервана?

БОЙЧЕНКО: Да. На другой день я написала заявление в прокуратуру.

Допрос свидетеля Шишовой /телефонистка/.

ШИШОВА: Во время разговора из квартиры Маркмана связь часто прерывалась. В это время было много возгласов. Его или не его - не знаю.

СУДЬЯ: В чей адрес?

ШИШОВА: Ни в чей адрес. Не знаю. Маркман это был или не Маркман - не знаю.

СУДЬЯ: А вы его предупреждали?

ШИШОВА: Нет, я отключилась.

СУДЬЯ: Вы можете подключиться во время разговора?

ШИШОВА: Кого интересует, тот и включается.

СУДЬЯ: Вы куда-нибудь сообщили о разговоре?

ШИШОВА: Нет.

АДВОКАТ: Как вас следователь нашел?

ШИШОВА: Следователь позвонил и спросил, слушала ли я этот разговор.

СУДЬЯ: Маркман, вы ругались по телефону?

МАРКМАН: Я мог кому-то из сидящих за столом сказать крепкое слово. Но оскорбить телефонистку...

Второй день суда - 9 августа.

Допрос свидетеля Иткина.

ИТКИН: У меня приятельские отношения с Маркманом. У нас были беседы на политические темы: о превосходстве евреев, об угнетении евреев в СССР. Маркман говорил, что правительство относится к ним, как к неполноценным. Он говорил, что у нас фашистская диктатура, но уезжать не предлагал. Он говорил, что печать пляшет под партийную дудочку, что люди занимаются не тем, чем надо.

СУДЬЯ: Расскажите о разговорах Маркмана с зарубежными странами.

ИТКИН: Он говорил, что надо туда передать о том, что у нас творится. Они всегда ждали передач из Израиля: что передадут?

СУДЬЯ: Что вы знаете о письмах и заявлениях?

ИТКИН: Он ездил в Москву, жаловался в судебные инстанции, что его притесняют. Это я слышал сам по радио.

СУДЬЯ: Вы разделяете мнение Маркмана?

ИТКИН: Я хотел разобраться. По мелочам - это есть.

СУДЬЯ: Кто еще слушал передачи?

ИТКИН: Левин и Забелыженский.

СУДЬЯ: Жена Маркмана слушала?

ИТКИН: Слушала или не слушала - не знаю, но присутствовала.

СУДЬЯ: Вы присутствовали на разговорах с Израилем?

ИТКИН: Нет.

ЗАСЕДАТЕЛЬ: Как к вам относятся на работе?

ИТКИН: Бывали мелкие стычки.

СУДЬЯ: Было ли это в связи с вашей национальностью?

ИТКИН: Были стычки по поводу субботника. Была материальная и жилищная неудовлетворенность.

ПРОКУРОР: Вы давно работаете?

ИТКИН: 9 лет.

ПРОКУРОР: Отношения с Маркманом были близкие? Кто вас познакомил?

ИТКИН: Познакомил Попов. Мы вместе были в комсомольском оперотряде.

ПРОКУРОР: Маркман у вас бывал?

ИТКИН: Да, по мелкой надобности.

ПРОКУРОР: Кто приходил первым? Приглашал ли он вас к себе? Не навязывались ли вы? Доверительно ли он к вам относился? Был ли у вас разговор о комсомольском отряде?

ИТКИН: Был разговор.

ПРОКУРОР: В 1971-72 гг. были разговоры, что вы сотрудничали в милиции, что были осведомителем?

ИТКИН: Жена Маркмана грозила мне все лицо порезать.

СУДЬЯ: Жена Маркмана, ответьте!

КИСИНА: Я сказала ему, что если будет выкручиваться, то лицо исцарапаю.

АДВОКАТ: Свидетель, в разговорах о том, что у нас фашистский режим, вы возражали когда-нибудь? Заявляли ли куда-нибудь, что Маркман ведет клеветнические разговоры? Почему вы сами не вели с ним такие разговоры? Каким образом вы хотели разобраться?

ИТКИН: Я считал, что слушая, смогу разобраться.
АДВОКАТ: Когда вы включаете приемник, вы тоже разбираетесь?
МАРКМАН: Иткин, какое у вас сложилось мнение обо мне?
ИТКИН: Плохое.
МАРКМАН: Почему же вы тогда ходили ко мне, и до ареста отношение не менялось?
ИТКИН: Если бы я знал, что дело идет к аресту...
МАРКМАН: Что заставило вас дать такие показания?
ИТКИН: Я разобрался.
МАРКМАН: К моменту ареста разобрались? Вы добровольно пришли в КГБ или вас вызвали 30 апреля?
ИТКИН: Меня вызвали.
МАРКМАН: Сейчас вы считаете мои высказывания преступными? До ареста вы так не считали?
ИТКИН: Знал, что высказывания преступные, но что будет арест, что с вами будут что-то делать - не знал.

Продолжение допроса свидетелей.

ПРОКУРОР: предлагает огласить показания СУРИСА.

АДВОКАТ: Показания не могут быть приняты во внимание, согласно статье 286 УПК, так как он мог этапироваться для дачи показаний.

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ не реагирует на замечание адвоката. Показания Суриса зачитываются, причем из них выпускается одна страница. Были зачитаны страницы 152-155, 157-158.

Изложение показаний СУРИСА: Я часто бывал у Маркмана. Маркман стал меня прощупывать, можно ли при мне откровенно говорить, показывал мне милитаристские открытки с трофейным советским оружием. Прославлял мощь израильских войск. Считал политику Советского Союза на Ближнем Востоке неправильной. 27 февраля Маркман был на еврейском празднике Пурим у Левиных. Когда выпили, Маркман разоткровенничался. Он говорил, что не боится КГБ и ругал их всячески. Стол был накрыт на 6 человек. Маркман был руководителем группы, которая занималась вербовкой и распространением антисоветской и сионистской пропаганды. В группе, по моим подсчетам, было человек 15-18. Маркман собирался освободить Кукуя и переправить его за границу. Маркман предложил мне подать заявление на выезд в Израиль. Я решил подыграть ему и сказал,

что подам. За столом говорили о разговорах по телефону с Тель-Авивом. Но содержание разговоров мне узнать не удалось.

Допрос свидетеля Забелыженского.

СУДЬЯ: Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Маркманом?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: В сентябре 1971 г. на квартире у Кошаровского, на праздновании еврейского Нового года.

СУДЬЯ: Кто присутствовал там?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Проживающие в настоящее время в Израиле супруги Акс, Войтовецкие, Маргарита Кесельман, Арье Вернер, Элла Кукуй.

СУДЬЯ: Часто ли после этого вы встречались с Маркманом и где?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Довольно часто, в основном у него на квартире.

СУДЬЯ: О чем вы с ним беседовали?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: В основном по вопросам выезда в государство Израиль. Иногда на бытовые семейные темы.

СУДЬЯ: Велись ли разговоры на политические темы?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Практически нет. Изредка обсуждалось положение на Ближнем Востоке.

СУДЬЯ: Высказывал ли Маркман в вашем присутствии какие-либо заведомо ложные сведения, порочащие советский общественный и государственный строй?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Нет, никогда.

СУДЬЯ: Распространял ли Маркман в письменной форме такие сведения?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Нет

СУДЬЯ: Вы знакомы с письмом в Англию мистеру Таджеру?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Я прошу предъявить это письмо для опознания. /После просмотра/ - Да, это письмо писал я и отправлял его сам.

СУДЬЯ: Вы давали его на подпись Маркману?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Нет, я написал его от своего имени, Маркмана и Левина, но подписывать его не давал никому. Маркман и Левин поручили мне поблагодарить мистера Таджера за присланную на праздник Пасхи мацу, что я и сделал в этом письме.

СУДЬЯ: Вы знаете, что в письме содержатся клеветнические сведения?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: В этом письме все сведения в точности соответствуют действительности и никакой клеветы не содержат.

СУДЬЯ: Вы подписывали письмо в Международный союз журналистов?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: /ознакомившись с предъявленным письмом/
Да.

СУДЬЯ: Знаете ли вы, что в нем содержатся клеветнические сведения?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Никаких клеветнических сведений оно не содержит. Вообще все, что подписывалось мной, никогда не содержало никаких измышлений - все строго соответствовало действительности.

СУДЬЯ: Вас когда-нибудь предупреждали об ответственности за распространение клеветнических измышлений?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Никогда. И в этом не было никакой необходимости.

СУДЬЯ: Разговаривали ли вы по телефону с Израилем?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Да, два раза.

СУДЬЯ: С кем и когда?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: С Ильей Войтовецким. Первый раз в январе 1972 г; второй раз - в апреле.

СУДЬЯ: Присутствовал ли при этом Маркман?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Да.

СУДЬЯ: Сам Маркман разговаривал по телефону с Израилем в вашем присутствии?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Да, разговаривал.

СУДЬЯ: О чем вы говорили с Войтовецким?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: В январе я сообщил ему, что у меня приняли заявление о выезде в Израиль, и оно рассматривается уже четыре недели. В апреле я сообщил ему, что мы направили письмо в адрес общества советско-израильской дружбы по поводу визита делегации этого общества в Израиль, состоявшегося незадолго перед этим. Разговаривали также на семейные и бытовые темы.

СУДЬЯ: О чем говорил Маркман Войтовецкому?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Во время разговора в январе Маркман говорил, что он имел свидание с Валерием Кукуем в Новой Ляле, и о своих впечатлениях о нем. В апреле, в разговоре он сказал Войтовецкому, что в газете "Вечерний Свердловск" появилась статья "Страдальцы в масках" и о том, что мы направили в газету письмо по поводу этой

статьи. Я сообщил Войтовецкому, что мне отказали в выдаче выездной визы и перечислил мотивы этого решения.

СУДЬЯ: Во время разговора в апреле прерывалась ли связь и употреблял ли Маркман при этом нецензурные выражения?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Не употреблял. Он лишь выражал крайнее неудовольствие перерывами в связи.

СУДЬЯ: Почему на предварительном следствии вы утверждали обратное? /Зачитывает показания Забелыженского, данные им на предварительном следствии/.

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: По этому поводу я направил в областную прокуратуру заявление. Имеется ли оно в деле?

СУДЬЯ: Не вы задаете вопросы, а вам. Отвечайте на поставленный вопрос:

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Ответом на этот вопрос может быть только мое заявление. Поэтому я зачитаю текст.

СУДЬЯ: Отвечайте прямо на вопрос. Нет необходимости заслушивать текст вашего заявления.

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Я все-таки зачитаю текст, поскольку он непосредственно отвечает на вопрос. /Забелыженский начинает зачитывать текст своего заявления в областную прокуратуру по поводу методов, с помощью которых были получены его показания на предварительном следствии. Копия этого заявления у Забелыженского была при себе. Судья обрывает Забелыженского на полуслове и не разрешает ему читать заявление/.

СУДЬЯ: Просил ли Маркман во время разговора выслать деньги?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Об этом он не говорил.

ПРОКУРОР: Где вы работаете в настоящее время?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: В настоящее время я работаю временно на продовольственных базах в качестве грузчика.

ПРОКУРОР: У вас высшее образование. Вы постоянно работаете не по специальности?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Нет. До ноября 1971 г. я работал ассистентом на кафедре вычислительной техники Уральского политехнического института. А до этого - старшим инженером вычислительного центра УПИ.

ПРОКУРОР: Почему вы ушли с этой работы?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Я был уволен с работы после того, как

сделал устное заявление в ОВИРе о своем желании выехать в Израиль. В то время у меня не принимали заявление и документы.

ПРОКУРОР: Какая запись была сделана в вашей трудовой книжке?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Там было записано: "Освободить от работы как несоответствующего занимаемой должности воспитателя студентов". Мне было разъяснено, что имеется статья трудового кодекса, по которой преподаватель ВУЗа может быть уволен с работы, если он совершил аморальный поступок, крайне отрицательно характеризующий его как преподавателя. На мой вопрос о том, какой же аморальный поступок я совершил, мне было сказано, что я сам знаю. Я обратился в суд с просьбой восстановить меня на работе, так как я никакого аморального поступка не совершал. Судья разъяснил мне, что если человек работает на должности, которая замещается по конкурсу, то суд не может рассматривать такие дела, и мне следует обратиться в министерство высшего и среднего специального образования. Мною было направлено письмо на имя министра. Ответа на него я не получил. После того, как я в течение месяца искал работу по специальности, я устроился на работу сначала в один магазин, а затем в другой в качестве грузчика. Из второго магазина меня уволили незаконным способом, поэтому я, обратившись в суд, добился восстановления на работе с выплатой мне зарплаты за вынужденный прогул. Работать там я уже не мог из-за ненормальной обстановки, созданной директором и уволился по собственному желанию.

ПРОКУРОР: Вот видите - когда вы обратились в суд с жалобой на незаконное увольнение, вас ведь восстановили на работе! Если бы вы добивались восстановления на работу в УПИ законным порядком, то я уверен, вы были бы восстановлены. Почему вы не добивались этого? Не для того ли, чтобы использовать это в клеветнических целях?

СУДЬЯ: Где вы работали после ухода из магазина?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: После безуспешных попыток в течение 4-х недель найти работу по специальности, я устроился на работу почтальоном, но через две недели вынужден был уйти с этой работы, так как у меня образовались язвы на

пальцах правой кисти. Некоторое время я лечился, а затем начал работать на продовольственных базах в качестве грузчика на временных работах.

СУДЬЯ: Сколько вы таким образом зарабатываете в день?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Около ста рублей в месяц.

СУДЬЯ: Какова была ваша зарплата в институте?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Ассистентская ставка составляет 105 рублей в месяц.

СУДЬЯ: Ваша жена работает?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Да.

СУДЬЯ: Кем она работает и каков ее заработок?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Она работает инженером и ее заработок составляет 120 рублей в месяц.

ПРОКУРОР: /прерывая ответ/ Почему вы считаете, что вас уволили с работы за то, что вы хотели подать заявление на выезд в Израиль?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Потому что в протоколе заседания кафедры, на котором было принято решение о моем увольнении, так прямо и сказано. Я могу зачитать текст протокола.

ПРОКУРОР: У вас на руках его копия?

ЗАБЕЛЫЖЕНСКИЙ: Нет, копия хранится в моем личном деле в отделе кадров института. Я сделал выписку из протокола.

ПРОКУРОР: Поскольку эта выписка не является официальным документом, нет никакой необходимости читать эти записи.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ПРОКУРОРА Г. ЗЫРЯНОВА

Маркман на протяжении 1971-72 гг. систематически занимался клеветническими измышлениями в письменной и устной формах. Он утверждал, что в Советском Союзе диктаторский режим и нет демократии, что в Советском Союзе существует принудительная ассимиляция, антисемитизм и судебные репрессии.

Подсудимый Маркман виновным себя не признает, утверждая, что устно и письменно он ничего не распространял, а только писал письма и заявления; то, о чем он говорил по телефону - это правдивые сведения. Он утверждает, что во всех, подписанных им документах не содержится клеветы на советский строй. Он доказывает, что поступил правильно. Между тем, в заявлении прокурору области он обязался пре-

кратить предыдущую деятельность. На основе его заявления, которое он написал в порядке чистосердечного раскаяния, можно утверждать, что признание справедливо. Голословность заявлений Маркмана видна из личных примеров. Стоило ему подать заявление - и его приняли на работу. В своих письмах и заявлениях Маркман ссылается на Левина, Забелыженского, ссылается на Кукуя, которого судили якобы за желание выехать в Израиль. Кукуй подал заявление на выезд через 20 дней после выступления газеты. Потом его арестовали. Кукуй осужден за конкретные факты. Маркман ссылается также на дело Дымшица. Но ведь среди членов большой группы Дымшица был и русский. Сам Маркман признает, что в выступлении по этому поводу автором были допущены резкие выражения. Многие люди пишут жалобы в судебные органы. Разве кто-нибудь сказал о них, что они совершают криминальные действия?

Когда у нас в стране судят, ОНИ все видят, когда в других странах - нет. Например, в ФРГ был судебный процесс за угон самолета с ранением пилота. Чехи получили 7 лет - и ничего. А стоит у нас осудить - ОНИ начинают поднимать вой.

Маркману известно, что многие уехали в Израиль. Сам он признает, что из Свердловска уехало много друзей. Их ведь за это не судили!

Из показаний свидетелей явствует, что Маркман занимается антисоветской деятельностью. Свидетель Иткин заявил, что Маркман занимался измышлениями. Свидетель Бланк подтвердил это. Будняцкий показал, что Маркман, хотя и говорил об ассимиляции, как об естественном процессе, в то же время отмечал, что существуют редкие факты антисемитизма со стороны отдельных лиц. Из показаний Суриса следует, что Маркман говорил о притеснении евреев, что советское правительство дает указание их притеснять и т.д.

Маркман утверждает, что Бланк, Сурис, Иткин его оговаривают. Другие его неправильно поняли. Однако все эти свидетели до следствия были близкими друзьями Маркмана, чего он не отрицает. Утверждения Маркмана о том, что Сурис дает такие показания, чтобы облегчить свое положение, неправильны. Нет никакой связи дела Маркмана с делом Суриса. На правдивость показаний свидетеля указывают факты, которые признает сам Маркман. Например, письмо президенту Израиля - оно ведь было написано на самом деле.

Значит нет выдумки и оговора со стороны Суриса. В отношении Иткина Маркман заявил, что тот осведомитель. Но здесь тоже видна голословность Маркмана и Кисиной. Иткин действительно состоял в оперативном отряде по работе с подростками. Между Маркманом и Иткиным была очная ставка. На вопрос: "Какие отношения у вас со свидетелем?" - он ответил: "Отношения нормальные. Личных счетов нет". Чтобы опорочить свидетеля, Маркман воспользовался броским обвинением - осведомитель. Оказывается, Маркман сам нашел Иткина. Первый проявил желание встретиться, чтобы достать продукты. Известен факт: свидетель Кисина угрожала Иткину расправой в случае дачи неугодных показаний, хотя Иткин также еврей. Он правдив, и чувствует, что ему тяжело давать показания против своего человека.

Свидетель Бланк в своих показаниях оговаривает себя. Он заявил, что разделяет взгляды Маркмана. Разве Бланк заинтересован говорить о себе такие вещи? Свидетели Ушенин и Чузо конкретно показали, что говорил Маркман.

В деле имеются сочинения клеветнического характера, соавтором которых был Маркман. В деле также имеются тексты радиопередач. Статья 190, пункт 1 доказана. В дополнительной квалификации по статье 74 я не вижу необходимости. В телефонных разговорах по международной линии Маркман допускал нецензурную брань, что доказано показаниями свидетелей Бойченко и Шишовой. Маркман не отрицал, что были перерывы в связи и что он мог допустить выражения не в телефонную трубку, а к сидящим лицам.

По этим фактам допрошен Забелыженский, который присутствовал при разговорах. В судебном деле он показал, что присутствовал при разговорах, но нецензурной брани не было, что противоречит протоколу предварительного следствия. В судебном заседании видно стремление Забелыженского облегчить судьбу Маркмана.

Действия подсудимого следует квалифицировать по ст. 206, часть 1, а не часть 2. В отношении причины преступной деятельности Маркман пояснил, что добивался выезда в Израиль, однако он признал, что через 3 года его должны были отпустить. Значит, не ради выезда он занимался этой деятельностью, а чтобы прибыть в Израиль с хорошим багажом - с клеветой на советский строй. Друзья тоже позванивали, чтобы использовать свеженькие факты. Маркман получал деньги из-за границы, помогал лицам еврейской национальности. Вот та подоплека, почему он стал на путь

преступления. При назначении наказания следует учесть, что он занимался этой деятельностью длительное время. С ним беседовали, его предупреждали, с ним возились.

С учетом вышеизложенного, прошу назначить по статье 190 п. 1 меру наказания - три года лишения свободы, по статье 206 п. 1 - один год. В совокупности - три года лишения свободы. Считаю необходимым просить суд определить ему усиленный режим.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА-АДВОКАТА В. ИВАНИ

Нетрудно понять сложности защиты, так как подсудимый отрицает свою вину. Маркман не отрицает самих фактов: он участвовал в составлении заявлений и обращений. Я должен заявить, что защита не является безнадёжной. Органы предварительного следствия не совсем точны в постановлении о предъявлении обвинения. Обвинения предъявлены в общем. Какие действия идут по одной, какие - по другой статье? Для квалификации по статье 74 доказательств, подтверждающих, что подсудимый действовал с умыслом, в деле нет. Один Иткин не мог являться объектом агитации и пропаганды. В данном конкретном случае нет состава преступления. Почему органы предварительного следствия предъявили эту статью? Все действия охватываются статьей 190 п. 1. Обвинение нашло подтверждение не в полном объеме. Свидетель Будняцкий не подтвердил обвинения в утверждениях подсудимого об антисемитизме, а также по другим вопросам. Свидетель Чузо показал, что Маркман говорил в присутствии Ушенина об отсутствии демократии и свободы личности, а также что советская печать лжива. Однако подобных разговоров втроем, в присутствии Чузо не было. Фамилии этих людей объединены искусственно. Ведь речь идет о свидетеле Чузо; с ним у Маркмана серьезных политических разговоров не было. Изъявить неудовольствие по поводу отдельных публикаций в газете или говорить о том, что советская печать лжива - разные вещи. Чузо не простил бы антисоветских разговоров. Это обстоятельство я прошу учесть. Я оспариваю обвинение в отправлении подсудимым Маркманом письма в Англию. Этот вопрос был выяснен. Его подписи под этим письмом нет. Если Забелыженскому, подписавшему письмо не предъявляют обвинения, то почему обвиняют Маркмана? Согласиться с этим нельзя.

Маркману предъявляют обвинения, что он передавал информацию на радиостанцию "Голос Израиля", получая за это денежные суммы. Я не отрицаю, что Маркман подписывал обращения, но я хочу акцентировать ваше внимание, что не он один подписывал их. Обращение в "Известия" подписали пятеро, трое из них уже в Израиле, и радиостанции достаточно было к ним обратиться за информацией. Заявление по ленинградскому процессу подписало десять человек. От кого из них оно поступило на радиостанцию - неизвестно. Однако есть такие заявления, которые мог передать и Маркман. Я их оспаривать не собираюсь. Денежные суммы Маркман получал не за передачи. Точно установить, от кого получены деньги, нельзя. Это обвинение - логическая догадка. Были два перевода из Швейцарии, один - из Дании. Обвинение пользуется логикой, а не доказательством. Свидетельские показания являются в некоторой части сомнительными. Маркман оспаривает показания Суриса, Бланка, Иткина. В отношении статьи 206 ч. 2, прокурор полагает, что обвинение нужно квалифицировать по статье 206 ч.1. Тогда почему же предъявлена статья 206 ч. 2?

26 июля следствием было подтверждено, что имел место телефонный разговор. Однако кто ругался, Шишова не знает, и органами следствия это не установлено. Здесь возможна ошибка. Маркман утверждает, что с его стороны этого не было. Если это и было так, как говорит Бойченко, то это - мелкое хулиганство. Я предполагаю, что обвинение здесь является необоснованным. Я признаю, не в полном объеме, доказанность статьи 190 п. 1.

Прокурор считает, что, поскольку действия носили длительный характер, то наказание должно быть максимальным. Обратим внимание на следующие обстоятельства: 1/ Маркман к уголовной ответственности привлекается впервые; 2/ В прошлом он хорошо работал; 3/ Имеет семью, шестилетнего сына и неудовлетворительное состояние здоровья.

Свердловский областной суд

Дело № 2-231

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ МАРКМАНА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда в составе:

Председательствующего - члена суда РУДЕНКО А.В.
Народных заседателей - БОКОВА В.А., КЛИМЕНКО А.З.
При секретаре - ГАПОНОВОЙ В.П.
С участием прокурора - ЗЫРЯНОВА Г.Т.
С участием адвоката - ИВАНИ В.Л.

в городе Свердловске 9 августа 1972 года рассмотрела в открытом заседании уголовное дело по обвинению Маркмана Владимира Ильича, родившегося 1 июня 1938 года в городе Харькове, еврея, с высшим образованием, беспартийного, женатого, имеющего семилетнего сына, несудимого, работающего руководителем группы Государственного проектного института "Проектмонтажавтоматика", проживающего в гор. Свердловске, проспект Ленина, 69, кв. 429, в преступлениях, предусмотренных статьями 74, 190 ч. 1 и 206 ч. 2 УК РСФСР. Рассмотрев собранные по делу доказательства, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Подсудимый Маркман, проживая в городе Свердловске, на протяжении 1971-72 гг. систематически распространял в устной и письменной формах заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй и совершил хулиганские действия. Так, в разговорах с гражданином Иткиным в 1971-72 гг. Маркман с клеветнической целью неоднократно утверждал, что в Советском Союзе лица еврейской национальности якобы угнетаются; что в СССР отсутствует демократия, нет свободы слова, свободы личности; что советская печать лжива; членов советского правительства обзывал нецензурными и непристойными словами; что КПСС организовала диктаторский режим, близкий к фашистскому, и ведет народ в другую от коммунизма сторону.

В разговорах с гражданином Будняцким в 1971-72 гг. Маркман заявлял, что в СССР существует ассимиляция евреев и антисемитизм; лица еврейской национальности в ряде случаев подвергаются дискриминации; советская печать осуждает факты в извращенном виде; высказывал клеветнические измышления о внешней политике на Ближнем Востоке, считая неправильной помощь СССР арабским странам.

В разговорах с гражданином Бланком Маркман заявлял, что в СССР нет демократии, существует притеснение лиц еврейской национальности, нет свободы слова; что в СССР идет принудительная ассимиляция евреев.

В разговорах с гражданами Чузо и Ушениным Маркман заявлял, что советская печать не отражает действительности, а Ушенину и то, что в СССР отсутствует демократия, свобода личности якобы притесняется и будет притесняться.

В разговорах с гражданином Сурисом в феврале-марте 1972 г. Маркман заявлял, что в Советском Союзе лица еврейской национальности подвергаются репрессиям и притеснениям, что в СССР отсутствует демократия, нет свободы слова, а советская печать лжива.

В январе 1971 г. Маркман совместно с другими лицами еврейской национальности написал письмо и направил Президенту государства Израиль по поводу ленинградского судебного процесса в отношении уголовных преступников - граждан еврейской национальности Дымшица и других, пытавшихся угнать самолет. В этом письме он заявлял, что это очередная провокация советского государства в отношении евреев. В этом письме содержится клевета на советскую действительность, социалистическую законность и правосудие.

В июле 1971 г. Маркман совместно с другими лицами еврейской национальности написал заявление в газету "Известия", и текст этого заявления передали для радиовещательной станции Израиль, в котором утверждалось, что в Советском Союзе лица еврейской национальности якобы преследуются, подвергаются репрессиям и гонениям. В этом заявлении содержится клевета на советскую действительность, социалистическую законность и правосудие.

7 апреля 1972 г. Маркман совместно с другими лицами еврейской национальности написал письмо в Международный Союз журналистов, в Комиссию по правам Человека ООН, и текст этого письма передали для радиовещательной станции Израиль, в котором утверждается, что якобы в Советском Союзе преследуются лица еврейской национальности, содержится клевета на советскую действительность. Маркман систематически по телефону в 1971-72 гг. передавал для радиовещательной станции Израиль в трансляции на русском языке клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй. В этих информациях Маркмана содержится клевета на советскую действительность, социалистическую законность и правосудие, что в Советском Союзе вокруг лиц еврейской национальности создана атмосфера страха, подозрительности, слежки, а за-

частую и самой примитивной травли; что евреи подвергаются преследованиям, репрессиям, угрозам, запугиваниям; что якобы советская печать лжива, а евреев увольняют с работы, и они вынуждены вести полуголодное существование. Кроме того, в ночь с 12 на 13 апреля 1972 г. Маркман, разговаривая по телефону с городом Тель-Авивом государства Израиль и передавая клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, совершил хулиганские действия, выражаясь нецензурной бранью в адрес телефонисток. Несмотря на предупреждения дежурной телефонистки Бойченко, он продолжал нецензурную брань и оскорбления, выражая явное неуважение и оскорбительное отношение к работникам телефонной связи.

Подсудимый Маркман вину в предъявленном ему обвинении не признал и пояснил, что действительно он участвовал в составлении заявлений и писем в адрес ЦК КПСС, в газету "Известия", председателю Комитета госбезопасности Андропову, в которых ими были отражены притеснения лиц еврейской национальности, пожелавших выехать в Израиль. Он считает, что в этих письмах и заявлениях нет измышлений и клеветы на советскую действительность, советский общественный и государственный строй, а допущены лишь некоторые резкие выражения. Вместе с другими лицами еврейской национальности он составлял телеграмму сионистскому конгрессу, но в ее содержании нет клеветнических измышлений на советскую действительность. В письме в Международный Союз журналистов, написанном в апреле 1972 г., по его мнению нет клеветы и измышлений на советскую печать. Такое же письмо направляли в ООН с целью добиться моральной поддержки. Участие в написании письма мистеру Таджеру в Англию не принимал. Его написал и отправил сам Забелыженский. В телефонных разговорах с Израилем никаких ложных измышлений не сообщал. Некоторые сведения, сообщенные им по телефону Войтовцекому в Израиль, были извращены буржуазной пропагандой. Гражданам Иткину, Сурису, Бланку, Чузе, Ушенину, Будняцкому клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, не высказывал. Был лишь разговор о редких случаях антисемитизма со стороны отдельных граждан и дискриминации лиц еврейской национальности, пожелавших выехать в Израиль. В отношении его лично никаких преследований и случаев антисемитизма или дискриминации никогда не было. Он был принят на работу в качестве руководителя группы отдела в проектный институт, хотя администрация института знала о поданном им заявлении о выезде в

Израиль. Допрошенные свидетели в отношении его дают неправильные показания. Хулиганских действий не совершал, хотя не исключено, что телефонистки могли услышать нецензурную брань по телефону.

Однако вина подсудимого Маркмана полностью подтверждается материалами следствия. Так, свидетель Иткин в суде, а Сурис на предварительном следствии пояснили, что в разговорах с каждым из них в отдельности Маркман клеветал на советский общественный и государственный строй, заявлял, что в СССР евреи преследуются и угнетаются, что это делается по указанию советского правительства. Евреев увольняют с работы, они вынуждены вести полуголодное существование. Притесняют евреев за то, что они евреи. Печать СССР лжива, радио и телевизионные передачи искажают действительность. Что Маркман в разговорах с ними называл членов советского правительства оскорбительными словами. Что в СССР нет демократии; КПСС ведет народ в другую от коммунизма сторону. Иткину Маркман говорил, что в СССР процветают обман народа и ханжество. Свидетель Бланк на предварительном следствии пояснил, что Маркман в разговорах с ним заявлял, что в СССР нет никакой демократии; что она существует только в Израиле; что в СССР существует гонение евреев, их не выдвигают на ответственные должности, выгоняют с работы, как Забелыженского и Левина; в СССР якобы идет принудительная ассимиляция евреев. Маркман рассказывал ему о своих разговорах по телефону с Израилем, с выехавшими туда в 1971 году Войтовецким, Вернером, женой осужденного Кукуя; при этом информировал их по поводу выезда в Израиль, о положении в Свердловске, т.е. обо всем, что знал и что передавалось затем по радиовещательной станции Израиля. Он, Маркман, и другие лица еврейской национальности часто слушали по радио передачи из Израиля, особенно ожидая передач, в которых содержится информация Маркмана. Эти показания Бланк подтвердил в своем письме в областную суд. Они оглашены в суде в связи с его болезнью и невозможностью явки. Свидетель Чузо пояснил, что Маркман высказывал ему недовольство по поводу извращения действительных фактов в органах печати Свердловской области. Свидетелю Ушенину Маркман заявлял, что в СССР ограничена свобода личности и демократия, евреи преследуются и притесняются; лица еврейской национальности могут чувствовать себя свободно лишь в Израиле. Работая с Маркманом в одной организации и зная его около трех лет, он никогда не наблюдал никаких притеснений или унижений в

отношении Маркмана на работе.

Свидетель Чузо пояснил, что в отношении Маркмана не только не было никаких признаков антисемитизма, а наоборот, зная, что он подал заявление о выезде в Израиль, администрация института поставила его в известность, что при добросовестном отношении к работе он может быть выдвинут на должность главного инженера проекта.

Свидетель Будняцкий пояснил, что Маркман вел с ним разговоры лишь о естественной ассимиляции евреев в СССР, говорил о редких случаях антисемитизма со стороны отдельных граждан, что в свердловских органах печати извращаются отдельные факты.

Свидетель Забелыженский на предварительном следствии пояснил, что он присутствовал при разговоре Маркмана по телефону с Израилем в апреле 1972 г. В разговоре Маркман передавал Войтовецкому содержание статьи газеты "Вечерний Свердловск" "Страдальцы в масках" и свои комментарии к ней. При этом прервалась телефонная связь; Маркман в это время выражался нецензурной бранью. В судебном заседании Забелыженский изменил свои показания и заявил, что он нецензурной брани Маркмана не слышал и запись его показаний в протоколе якобы неправильна. Однако такое утверждение Забелыженского в суде противоречит материалам дела и свидетельствует об их надуманности, ибо в том же протоколе после подачи показаний Забелыженский собственноручно написал: "Более по делу ничего не имею. Записано с моих слов правильно и лично мною прочитано". И учинил свою подпись. Показания Забелыженского на предварительном следствии о содержании разговора Маркмана с Израилем по телефону и учинении им хулиганских действий подтверждены свидетелем Бойченко. На предварительном следствии, на очной ставке с Маркманом, в суде она пояснила, что в ночь с 12 на 13 апреля 1972 г. Маркман по телефону разговаривал с Израилем. В это время прервалась связь. Маркман стал стучать по рычагу телефонного аппарата. Увидев на пульте сигналы, она включилась в линию - услышала нецензурную брань Маркмана. Предупредила его, чтобы он перестал выражаться и оскорблять работников связи. Но подсудимый не прекратил нецензурной брани и обзывал телефонисток фашистами. На следующий день она написала заявление в прокуратуру о привлечении Маркмана к уголовной ответственности. Сам Маркман подтвердил, что в эту ночь он действительно разговаривал по телефону с Израилем; были перерывы связи, он возму-

щался, но нецензурной бранью в адрес работников телефонной станции не выражался. Кроме того, вина Маркмана подтверждается его заявлением прокурору Свердловской области, в котором он осуждает свою преступную деятельность и обязуется ею больше не заниматься, а также удерживать от этого своих друзей и товарищей.

Объективно его вина подтверждается письмами и заявлениями в адрес ЦК КПСС, в газету "Известия", в Международный Союз журналистов, содержащими клеветнические измышления о советской действительности, порочащими советский общественный и государственный строй; выписками из передач радиовещательной станции Израиля, содержащими клеветнические измышления о советской действительности; справками о получении Маркманом от иностранных фирм через Внешпосылторг денежных сумм, взятыми в июле и октябре 1971 г.; письмом Маркмана Кукую, в котором содержится клевета и извращение на советскую действительность. Таким образом, вину подсудимого Маркмана в совершении хулиганских действий, выражающих явное неуважение и оскорбительное отношение к работникам городской телефонной связи, его систематическое распространение в устной и письменной формах заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, судебная коллегия находит полностью доказанной.

Его преступные действия подлежат квалифицированию по статье 206 ч. 1, статье 190 ч. 1 УК РСФСР, поскольку им совершены хулиганские действия и распространялись заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советскую действительность. Признаков злого умысла в действиях Маркмана суд не усматривает. Кроме того, его преступные действия в дополнительной квалификации по ст. 74 УК РСФСР не нуждаются, т.к. они укладываются в изложение статьи 190-1 УК РСФСР, а потому статья 74 УК РСФСР из предъявленного Маркману обвинения исключается. Утверждение подсудимого Маркмана о том, что свидетели Сурис и Иткин его оговаривают, противоречит материалам дела и опровергается выдержками из радиопередач радиовещательной станции Израиля, письмами и заявлениями, написанными Маркманом в различные органы с заведомо клеветническими измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй. Перед допросом свидетеля Иткина в суде жена подсудимого Маркмана угрожала свидетелю расправой в случае, если он даст показания, уличающие подсудимого в совершении преступления. Это подтвердил в суде не только

свидетель Иткин, но и сама Кисина.

В решении вопроса о мере наказания судебная коллегия учитывает общественную опасность и тяжесть совершенного Маркманом преступления, наличие его преступной деятельности и разлагающее воздействие на окружающих его лиц еврейской национальности. Несмотря на неоднократные предупреждения советских органов он не прекратил своей преступной деятельности до его ареста. Поэтому суд считает необходимым определить Маркману режим содержания в исправительно-трудовой колонии - строгий. Руководствуясь статьями 301-303 УПК РСФСР, судебная коллегия

ПРИГОВОРИЛА:

Маркмана Владимира Ильича признать виновным в преступлениях, предусмотренных статьями 206 ч.1 и 190 ч.1 УК РСФСР. На основании статьи 206 ч.1 УК РСФСР лишить его свободы сроком на 1 год. Его же по статье 190 ч.1 УК РСФСР лишить свободы сроком на 3 года. В силу статьи 40 УК РСФСР по совокупности совершенных им преступлений всего к отбытию определить 3 года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Меру пресечения осужденному Маркману оставить содержание под стражей в следственном изоляторе № 1 города Свердловска, исчисляя начало отбытия срока с 29 апреля 1972 г.

Приговор может быть обжалован в Верховный Суд РСФСР в течение 7 суток со дня вручения осужденному копии приговора через Свердловский областной суд.

Приговор подписали:

Председательствующий РУДЕНКО, А.В.

Народные заседатели: БОКОВ, В.А. и КЛИМЕНКО, А.З.

ПОСЛЕ ПРОЦЕССА

Письмо 60 евреев Москвы в Верховный Суд СССР
в защиту узника Сиона Вл. Маркмана

В ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР

9 августа 1972 г. судебная коллегия по уголовным делам в составе председательствующего Руденко, народных заседателей Бокова и Клименко с участием прокурора

Зырянова и адвоката Ивани приговорила к 3-м годам лишения свободы в колонии строгого режима Владимира Маркмана. Приговор, основанный на свидетельских показаниях, письмах и заявлениях Маркмана и других в адрес ЦК КПСС и газету "Известия", Международный Союз журналистов, телефонных разговорах Маркмана с Израилем, утверждает, что "Маркман с клеветнической целью неоднократно утверждал, что в Советском Союзе лица еврейской национальности угнетаются, что в СССР отсутствуют свобода слова, свобода личности и что советская печать лжива".

Вл. Маркман на суде виновным себя не признал. Для этого у него были веские основания, и обстоятельства дела подтверждают это.

Во-первых, приговор сознательно умалчивает, на наш взгляд, о том, что Вл. Маркман свыше 1,5 лет ведет трудную борьбу, борьбу за выезд в Израиль, борьбу, основанную на законе. Все письма, телефонные разговоры и просто разговоры касались этого конкретного вопроса. Никакие общие, тем более политические вопросы, в них не затрагивались. Для признания его виновным необходимо было установить, что сведения, которые он сообщал устно или письменно, были заведомо ложными, причем сам Маркман в момент сообщения этих сведений знал об их ложности. Это в суде установлено не было.

Во-вторых, если Маркман говорил о конкретном случае преследования евреев, то обвинение утверждает, что он говорил о преследовании евреев вообще. Маркман писал о нарушениях законности в отношении конкретных евреев, желающих выехать в Израиль, а суд переносит эти заявления на всех евреев СССР. На основе такой общей постановки вопроса суд инкриминирует Маркману "клеветнические измышления о советской действительности".

В-третьих, при квалификации действий Маркмана по предъявляемым статьям необходим умысел, и это отсутствует. В подтверждение можно сослаться на официальный орган свердловского обкома КПСС газету "Вечерний Свердловск" от 3.4.72г. Там в статье Пахомовой "Страдальцы в масках" приводится следующее заявление Маркмана: "Я ничего не имею против советского народа, я ничего не имею против Советского Союза, я просто хочу свободно жить и работать в Израиле. Политика - не наше дело". Газета даже не пытается подвергнуть сомнению эти простые и искренние слова, отражающие как цель, так и образ действий Маркмана.

Это, оказывается, еще ничего не значит. А что же значит? В чем же оказывается, по мнению газеты, криминал? В чем антисоветизм?

Вот что предлагает своим читателям "Вечерний Свердловск":

"Ехать на постоянное жительство в гарнизонное государство, продолжающее гнусные традиции гитлеризма - разве это не политика? Слать приветственные телеграммы по разным поводам в адрес Голды Меир и Залмана Шазара... Израиль сегодня - страна, которой правят прямые наследники фашизма. 2,5 десятилетия назад они были пособниками гитлеровцев и продавали своих братьев по крови фашистам. Они переняли у них идею расового превосходства одного народа над другим". Вполне определенно, не так ли? Выступлений свердловской прессы, аналогичных вышеприведенному, достаточно много, по одному на каждые 1-2 выехавшие семьи. Они создают вполне определенную атмосферу, ту самую, в которой живут и добиваются выезда евреи Свердловска. Ту самую, в которой проходило следствие и суд год назад над Кукуем, а теперь над Маркманом. Возникает, естественно, вопрос. Если человека до суда в печати объявляют "оголтелым националистом, предателем родины" /газета "Уральский рабочий" от 21.2.71г., статья "Где земля предков" Денисова/ или чуть ли не пособником фашистов /см. вышеприведенную цитату/, то что же делать свидетелям? Сказать, что это не так - значит поставить под сомнение правдивость советской печати и рисковать оказаться в положении арестованного Маркмана. В подобных условиях объективность показаний обеспечить невозможно, и, следовательно, уже потому суд основывается часто на вынужденных показаниях свидетелей.

Свидетель Забелыженский был допрошен в камере предварительного заключения, куда его поместили без предъявления какого бы то ни было обвинения и ордера на арест, не кормили свыше 30 часов и продержали 4,5 суток. На наш взгляд это нельзя расценить иначе, как оказание давления на свидетеля. На суде Забелыженский отказался от этих показаний, однако суд счел мотивы отказа "надуманными". Год назад на процессе Кукуя Маркман тоже был свидетелем. Тогда обвинительный приговор тоже строился на его, Маркмана, показаниях. Однако, как выяснилось впоследствии, его свидетельские показания были настолько искажены, переход от частного к общему настолько неоправдан, что

Маркман был вынужден обратиться в суд с требованием при-
влечь к уголовной ответственности виновных в злостном
искажении его показаний. Как нам известно, Маркман дошел
тогда до Верховного Суда РСФСР, но так ничего и не до-
бился. Теперь Верховный Суд, оставив в стороне заявление
свидетеля Маркмана, будет разбирать в кассационном засе-
дании дело осужденного Маркмана. В своих письмах и заяв-
лениях в различные советские и международные органы Мар-
кман не говорил о положении вообще всех евреев, а только
о положении тех конкретных лиц, кто за свое желание вые-
хать в Израиль действительно подвергался и подвергается
в настоящее время репрессиям и гонениям, вокруг которых
создается обстановка страха и запугивания. Многие из
подписавших это письмо неоднократно обращались в различ-
ные инстанции и сообщали о том же самом. Но и Маркман не
подписывал протесты в одиночку. Приговор утверждает, что
Маркман "систематически по телефону в 1971-72гг. переда-
вал для радиостанции Израиля для трансляции на русском
языке... что в Советском Союзе вокруг лиц еврейской на-
циональности создана атмосфера страха, подозрительности,
травли, что евреи подвергаются репрессиям и угрозам, что
советская печать лжива, что евреев увольняют с работы и
что они вынуждены вести полуголодное существование".
Опять - общая постановка вопроса.

Телефонные разговоры велись из Израиля человеком, не-
сколько ранее покинувшим Свердловск. Они носили личный,
частный характер и касались вопроса, связанного с выез-
дом Маркмана и его друзей. Естественный интерес челове-
ка, с большим трудом добившегося выезда в Израиль, к
проблемам и трудностям своих друзей и близких, стал, та-
ким образом, одной из основ обвинительного заключения.
Судей, по-видимому, меньше всего интересовало, что чело-
век этот, по имени Войтовецкий, к радиовещательной стан-
ции Израиля не имеет никакого отношения, что евреи, до-
бивавшиеся в Свердловске выезда в Израиль, действительно
жили в атмосфере подозрительности и самой примитивной
травли, что действительно были тенденциозные выступления
свердловской печати, увольнения с работы и факты полуго-
лодного существования.

Сколько раз вызывали Маркмана и его друзей в КГБ, на-
вешивали на них ярлыки антисоветчиков, как будто подача
заявлений на выезд - достаточный для этого повод. А за-
тем носителей этих ярлыков осуждали с помощью таких до-
водов: "Мы доведем до сведения общественности, коллектив

не сможет терпеть вас на работе, мы вас посадим¹¹. И доводили до сведения, устраивали собрания на работников со специальными резолюциями - уволить с работы, лишить дипломов, лишить отцовства, отдать под суд и т.д. Выгоняли с работы, отдавали под суд. Для проверки этих фактов не обязательно даже привлекать свидетелей и жертв этих событий - Кукуя, Кошаровского, Акса, Рабиновича, Эйдельмана, Войтовецкого, самого Маркмана и других. Достаточно посмотреть протоколы собраний, факты увольнений, многократные выступления свердловской прессы, приговоры суда.

Представить все вышеизложенное можно, сделав переход от частного к общему. Однако переход этот опять делают следствие и суд, а не обвиняемый МАРКМАН. Следствию нужен этот переход - иначе нет состава преступления. Нельзя в наше время бросить за решетку невинного человека, не нарушая закона. Раз есть нарушения - значит будут протесты. Есть протесты - значит есть возможность усмотреть в них клевету, т.е. повод для следующих процессов. Эта цепочка бесконечна, она не принесет ни славы ее создателям, ни пользы СССР. Оборвать ее сейчас, немедленно, это самое время.

Судебный процесс по делу Маркмана в Свердловске проходил в обстановке, исключающей объективное расследование. Приведенные выше обстоятельства дела показывают, по нашему глубокому убеждению, что юридическая основа обвинения несостоятельна. Осужден еврей, бескомпромиссно отстаивающий свое право выезда.

Мы надеемся, что Верховный Суд РСФСР пересмотрит дело Маркмана, отменит несправедливый приговор, и будут приняты меры по прекращению судебных преследований евреев, добивающихся лишь одного - выезда в Израиль.

Да восторжествует Закон!

Кошаровский, Польский, Коренфельд Лидия, Людмила, Илья, Престины Владимир и Елена, Гальперины Тамара и Анатолий, Слепак Владимир и Мария, Новиковы Анатолий и Изабелла, Нудель, Цитленок, Смелянский, Немчик Фира, Прусаков, Бабинский, Бельфор, Мандельцвайг, Вольдман, Айнбиндер, Рагинский, Левин, Васерман, Раевский, Лехтман Александр, Кошевой, Житин Юрий, Бабель, Рыжик Михаил, Казакевич Ольга, Писаревские Яков и Галина, Шахновский, Заславский, Белоцерковский, Гольдберг Давид, Волох Григорий,

Хазанов Борис, Файнгольд, Львовские Петр и Марк, Дубров Андрей, Маневич Алла, Файермарк, Синявская, Орловы Борис и Мария, Рутман, Коренблит Валерий, Крижак, Тумерман Алексей, Белкин Матвей, Качерга Магда, Цукерман, Блох, Бейлины Иосиф и Дина.

18 сентября 1972г.
Москва

ОПИСАНИЕ
ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР ПО РАССМОТРЕНИЮ
КАССАЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ

МАРКМАНА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА,
осужденного в Свердловске 9 августа 1972г.
по ст. 190 п. 1 УК РСФСР

Заседание судебной коллегии Верховного Суда РСФСР началось 6 октября 1972 года в 10 часов утра. К зданию Верховного Суда РСФСР за полчаса до начала заседания пришли около 30 евреев Москвы, но не были пропущены в зал суда стоящими у входа работниками милиции и "людьми в штатском". Зал суда вмещал 40 человек, и туда смогли войти специально подобранные люди с пропусками или та-кие, которые были знакомы стоящим у двери, что можно было заключить из дружеских обменов приветствиями "людьми в штатском".

Объявляется состав суда. Прокурор - Сахарова. Председатель суда - Луканов. Члены суда - Евдокименко и Шишкин. Адвокат - Юдович.

Слово предоставляется адвокату Юдовичу. Адвокат к составу суда претензий не имеет. Просьб тоже не имеет. Говорит по существу дела, т.е. ставит вопросы от имени защиты и подсудимого Маркмана.

1. По поводу обвинения по ст. 206 ч. 1 состава преступления он не видит и считает, что судом оно не доказано. Адвокат считает, что подобные действия следует квалифицировать по Указу о мелком хулиганстве и наказывать за них в административном порядке.

2. В деле фигурирует письмо мистеру Таджеру и свидетельские показания телефонистки Шишковой. Никакого определения по этим документам суд не вынес. Защита считает

это нарушением УПК РСФСР, так как подобные документы не могут свидетельствовать против подсудимого.

3. Защита считает, что свидетели Бланк, Ушенин, Сурис не были вызваны в суд. На судебном разбирательстве не были оглашены свидетельские показания Бланка и Ушенина.

Это является нарушением УПК РСФСР.

4. Руководствуясь Постановлением от 1 сентября 1972г., Маркману не может быть определен строгий режим, так как он не был судим ранее и его преступление не является опасным.

Исходя из вышеизложенного, защита считает, что дело должно быть передано на новое судебное рассмотрение.

Слово предоставляется прокурору САХАРОВОЙ:

1. Она поддерживает адвоката в части того, что в действиях Маркмана нет состава преступления, предусмотренного статьей 206 ч. 1.

2. По поводу письма мистеру Таджеру и показаний свидетельницы Шишковой суд действительно не вынес определенного решения. Но прокурор считает, что это не является существенной ошибкой, ибо эти документы не были основными и главными. По обвинению Маркмана достаточно материалов, писем, телеграмм и свидетельских показаний, которые полностью подтверждают виновность Маркмана.

3. Свидетели Бланк, Ушенин и Сурис в суде не были допрошены, но суд сделал все, чтобы их вызвать. Свидетельские показания Суриса были оглашены в судебном заседании полностью. Прокурор считает, что достаточно свидетельских показаний Иткина, Будницкого, Чузо, Суриса, а также писем и телеграмм, которые свидетельствуют о составе преступления. Прокурор поддерживает Свердловский областной суд в том, что мерой наказания Маркману должно быть осуждение на три года лишения свободы в колонии строгого режима. Прокурор цитирует определение Свердловского областного суда о назначении меры наказания.

Председатель суда спрашивает адвоката, есть ли у него дополнения и изменения. Дополнений и изменений у адвоката не имеется. Суд удаляется на совещание.

Из зала суда несутся выкрики: "Мало дали!" "Послать на урановые рудники!" Все это он делал за деньги!"

Возвращается судебная коллегия, и судебное заседание продолжается:

председательствующий оглашает определение. В определении Верховного Суда РСФСР повторяется все, сказанное прокурором. Статья 206 ч. 1 исключена. Мера наказания - три года лишения свободы в колонии строгого режима - оставлена без изменений. х/

Председательствующий
член суда Руденко А.В.

Дело № 45-с72-2 1972г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в составе:

Председательствующего - ЛУКАНОВА П.П.

Членов суда - ЕВДОКИМЕНКО А.В. и ШИШКИНА Б.И.

рассмотрела в судебном заседании от 6 октября 1972 г. дело по кассационным жалобам осужденного Маркмана В.И. и адвоката Юдовича Л.А. на приговор Свердловского областного суда от 9 августа 1972 г., которым

МАРКМАН Владимир Ильич, 1938 года рождения, уроженец города Харькова, по национальности еврей, беспартийный, женатый, имеет 7-летнего сына, работал руководителем группы Государственного проектного института "Проектмонтажавтоматика", проживал в г. Свердловске, проспект Ленина, 69, кв. 429, несудимый, -

осужден по ст. 206 ч. 1 УК РСФСР к 1 году лишения свободы, по ст. 190 ч. 1 УК РСФСР и по совокупности преступлений, на основании ст. 40 УК РСФСР к отбытию наказания определено 3 /три/ года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Заслушав доклад члена Верховного Суда РСФСР Луканова П.П., объяснения адвоката Юдовича Л.А. и заключение прокурора Сахаровой К.М., полагавшей приговор в части осуждения Маркмана по ст. 206 ч. 1 УК РСФСР отменить и дело

х/ Заседание судебной коллегии Верховного Суда описано одним из присутствовавших, фамилия которого не приводится по независящим от редакции причинам.

прекратить, в остальной части приговор суда оставить без изменения, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Маркман признан виновным в систематическом распространении в устной и письменной формах заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй и в совершении хулиганских действий.

Так, в разговорах с гражданином Иткиным в 1971/1972 гг. Маркман неоднократно утверждал, что в Советском Союзе лица еврейской национальности якобы угнетаются, что в СССР отсутствует демократия, нет свободы слова, свободы личности, что советская печать лжива, что КПСС организовала диктатуру режима, близкую к фашистской и ведет народ в другую от коммунизма сторону, оскорбительно отзывался о членах Советского правительства.

В этот же период времени Маркман аналогичного характера разговоры проводил с Сурисом, Будняцким, Бланком, Чузо и Ушениным.

В январе 1971 года Маркман совместно с другими лицами еврейской национальности написал письмо и направил президенту государства Израиль по поводу ленинградского судебного процесса в отношении Дымшица и других лиц еврейской национальности, пытавшихся угнать самолет. В этом письме он заявлял, что это очередная провокация советского государства в отношении евреев. В письме содержится клевета на советскую действительность, социалистическую законность и правосудие.

В июле 1971 года Маркман совместно с другими лицами еврейской национальности написал заявление в газету "Известия", а 7 апреля 1972 года в Международный Союз журналистов и в комиссию по правам человека ООН. Тексты заявления и письма были переданы для "радиовещательной станции Израиль". В указанных документах излагались измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Подобного рода измышления Маркман систематически на протяжении 1971, 1972 годов передавал по телефону для "радиовещательной станции Израиль" для трансляции на русском языке.

Кроме того, в ночь с 12 на 13 апреля 1972 года Маркман, разговаривая по телефону с городом Тель-Авивом и

передавая клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, учинил хулиганские действия, выражался нецензурной бранью в адрес телефонисток, несмотря на предупреждение телефонистки Бойченко.

В судебном заседании Маркман виновным себя не признал и пояснил, что он действительно участвовал в составлении заявлений и писем в газету "Известия", в Международный союз журналистов и в некоторые другие адреса, однако в этих письмах не содержится заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, в них допущены некоторые резкие выражения. Гражданам Иткину, Сурису, Бланку, Чузо, Ушенину и Будняцкому заведомо ложных измышлений не высказывал; был лишь разговор о редких случаях антисемитизма со стороны отдельных граждан. В телефонных разговорах со знакомыми, находящимися в Израиле также никаких ложных измышлений не высказывал. Некоторые сведения, сообщенные им по телефону Войтовецкому в Израиль, были извращены буржуазной пропагандой. Хулиганских действий не совершал.

В кассационных жалобах: адвокат Юдович Л.А. просит приговор суда в отношении Маркмана отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства. В жалобе указывается, что в приговоре суда нет ссылки на то, что Маркман своими действиями во время разговора по телефону, выражаясь нецензурными словами в адрес телефонисток, грубо нарушил общественный порядок. Поэтому у суда не было оснований признавать его виновным по ч. 1 статьи 206 УК РСФСР. Адвокат также считает приговор в этой части неправильным и потому, что материалами дела не установлено, что именно Маркман, разговаривая по телефону, выражался нецензурными словами в адрес телефонисток.

Адвокат в жалобе указывает, что суд при рассмотрении дела допустил нарушение некоторых норм уголовно-процессуального законодательства. В частности суд не обсуждал вопроса о виновности Маркмана по эпизодам об отправлении Маркманом письма в Англию мистеру Таджеру и об оскорблении телефонистки Шишовой, поскольку ни в описательной, ни в резолютивной части приговора не содержится упоминаний об этих эпизодах. В этом адвокат усматривает нарушение требований ст.ст. 303,309,314,315 УПК РСФСР.

По мнению адвоката приговор в отношении Маркмана постановлен также с нарушением требований ст.286 УПК РСФСР.

Как указывает адвокат, в суд вызывались свидетели Бланк, Сурис, Ушенин. Однако эти свидетели по вызову не явились и в суде допрошены не были. Суд ограничился лишь оглашением показаний некоторых из указанных свидетелей. Обвинение Маркмана по эпизодам, связанным с распространением клеветнических измышлений в разговорах с Бланком и Ушениным в суде не проверялось. Показания свидетелей по этим эпизодам обвинения не оглашались. Адвокат считает, что суд необоснованно определил осужденному Маркману отбывание наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима, поскольку в соответствии с законом он должен отбывать наказание в колонии общего режима.

Осужденный Маркман в своей кассационной жалобе приводит аналогичные доводы и просит об отмене приговора суда и прекращения дела производством за недоказанностью вины в совершении указанных в приговоре преступлений. Письма и заявления, в составлении и пересылке которых он принимал участие, а также отдельные его высказывания не содержат, по его мнению, состава преступления, предусмотренного ст. 190 ч.1 УК РСФСР.

Обсудив доводы кассационных жалоб, судебная коллегия находит обвинительный приговор суда обоснованным.

Непосредственно ознакомившись с содержанием писем и заявлений, направленных в ЦК КПСС, в газету "Известия", в Международный союз журналистов, за распространение которых осужден Маркман, судебная коллегия считает, что вывод суда о том, что указанные документы содержат заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй является правильным.

Вина Маркмана в распространении вышеуказанных измышлений помимо его объяснений подтверждается показаниями свидетелей Иткина, Бланка, Чузо, Ушенина, Будняцкого, Забелыженского и другими доказательствами, приведенными в приговоре, которым суд дал правильную оценку.

Утверждение осужденного о том, что его высказывания, письма и заявления не содержат заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, является несостоятельным и опровергается самим содержанием указанных документов и разговоров, которые он вел. Поэтому действия его по ст. 190 ч.1 УК РСФСР квалифицированы правильно.

Судебная коллегия не может согласиться с просьбой

адвоката Юдовича Л.А. об отмене приговора суда и возвращении дела на новое судебное рассмотрение по тем основаниям, что в судебном заседании не были допрошены свидетели Бланк, Ушенин и Сурис. Суд принимал меры к явке указанных свидетелей в судебное заседание, но в связи с тем, что Бланк был болен, Ушенин выехал за пределы города в отпуск, а Сурис арестован, допросить их не представлялось возможным. В соответствии с требованиями ст. 286 УПК РСФСР в судебном заседании были оглашены показания Суриса.

Как видно из обвинительного заключения Маркман обвинялся также в изготовлении вместе с другими лицами и направлении письма в Англию мистеру Таджеру, а также в совершении хулиганских действий - оскорблении нецензурными словами телефонистки Шишовой.

Отвергая это обвинение, суд не привел в приговоре мотивы своего несогласия с указанным обвинением. Однако это упущение суда не является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и поэтому просьба адвоката об отмене приговора по этим мотивам не может быть признана обоснованной.

Не усматривает судебная коллегия нарушения требований закона суда первой инстанции и при определении вида исправительно-трудовой колонии, где осужденный должен отбывать наказание. Положениями об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах установлено, что в отдельных случаях с учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления и обстоятельств дела, суд может назначить осужденному любой вид исправительно-трудовой колонии. Суд подробно мотивировал почему он пришел к выводу о направлении Маркмана для отбывания наказания в исправительно-трудовую колонию строгого режима.

Оснований для изменения приговора в этой части судебная коллегия не усматривает.

Как видно из приговора Маркман признан виновным и осужден за хулиганские действия, совершенные в ночь с 12 на 13 апреля 1972 г., по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР. Приговор в этой части является необоснованным, поскольку за нецензурные выражения в адрес телефонистки при разговоре по телефону в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. "Об усилении ответственности за хулиганство" он должен нести ответственность в

административном, а не в уголовном порядке. Поэтому приговор в этой части подлежит отмене, а дело - прекращению производством за отсутствием в его действиях состава преступления.

Наказание по ст. 190 ч. 1 УК РСФСР назначено в соответствии с законом; оснований для его снижения судебная коллегия не усматривает.

В силу изложенного, руководствуясь п. 4 ст. 339 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Свердловского областного суда от 9 августа 1972 г. в отношении Маркмана Владимира Ильича в части осуждения его по ст. 206 ч. 1 УК РСФСР отменить и дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления. В остальной части приговор о нем оставить без изменения, а кассационные жалобы - без удовлетворения.

Председательствующий - Луканов /Подпись/
члены суда - Евдокименко и Шишкин
верно: член Верховного суда Луканов /Подпись/
/круглая печать/

Справка:

1. Осужденный содержится под стражей в учреждении
ИЗ 63/1 в г. Свердловске.

2. Судом вынесено два частных определения:

1/ в адрес прокуратуры Свердловской области о
возбуждении уголовного дела в отношении
Забельженского;

2/ в адрес начальника Свердловского областного
управления связи о снятии телефонных аппаратов
на квартирах Маркмана и Левиных.

р/№ 492

1-2пр-во, 3-4-дело

5-6 СИЗО № 1 г.Свердловск

7-по-ра РСФСР, 8-9-пр-во

дело в 1 томе в пр-ру СССР

11/Х-тф

Письмо П.Маркман Генеральному Прокурору СССР Р.Руденко
в защиту сына - Владимира Маркмана

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР Р. РУДЕНКО

Вскоре после Вашего назначения Генеральным Прокурором СССР в печати была опубликована Ваша статья, в которой подчеркивалось, что "советская прокуратура приложит все усилия к тому, чтобы обеспечить строгий и неослабный контроль за точным соблюдением социалистической законности" /газета "Правда" от 5 января 1955 г./. Однако мне воочию на своем горьком опыте пришлось убедиться, что некоторые работники прокуратуры не только не осуществляют строгого контроля за соблюдением принципа законности, но и потворствуют беззаконию и произволу.

Речь идет о так называемом "деле" моего сына - инженера Владимира Ильича Маркмана - жертве необъективного, сугубо тенденциозного следствия, выводы которого были механически перенесены в судебный приговор, именем РСФСР провозглашенный судебной коллегией по уголовным делам Свердловского облсуда под председательством А.В. Руденко 9 августа 1972 г.

Позвольте мне называть вещи своими именами: истинной подоплекой "дела" Маркмана служит тот факт, что он, как и многие другие советские евреи, стремился и стремится выехать в государство Израиль, а формальным поводом для создания этого искусственного "уголовного дела" явилось следующее.

Будучи вызван в качестве свидетеля по делу свердловского еврея Валерия Кукуя, осужденного в 1971 г. тем же свердловским облсудом по той же статье 190 п.1 УК РСФСР, Владимир Маркман дал показания в пользу Валерия Кукуя.

После оглашения приговора в отношении Кукуя, когда Маркману стало известно, что его показания самым бесцеремонным образом искажены и даже положены в обоснование "вины" Кукуя, Владимир в августе 1971 г. заявил протест и обратился в судебные органы с просьбой рассмотреть вопрос об ответственности председательствующего по делу - члена свердловского облсуда Шалаева А.С. за злонамеренное искажение его свидетельских показаний.

Нужно ли говорить, что обращение Маркмана осталось без последствий, но зато вокруг его имени все больше и

Больше сгущалась определенная атмосфера травли и шельмования. Так, в газете "Вечерний Свердловск" от 3 апреля 1972 г. была опубликована явно инспирированная статья Татьяны Пахомовой "Страдальцы в масках", в которой за-долго до суда Маркман объявлялся чуть ли не "оголтелым националистом", отщепенцем, деятельность которого на-правлена против той родины, на которой он родился и вы-рос и т.д. и т.п. А 29 апреля 1972 г. Владимира Марк-мана по санкции прокурора Журавлева арестовали, и ему было предъявлено обвинение по статьям 74, 190 п.1 и 206 ч. 2 УК РСФСР.

Обвинительное заключение было утверждено прокурором Свердловской области Журавлевым, а в качестве обвинителя участвовал работник той же прокуратуры Зырянов, высту-павший в той же роли по делу Кукуя.

Однако приписанные следствием Маркману якобы совер-шенные им "преступления" по статьям 74 и 206 ч. 2 УК РСФСР носили настолько надуманный характер, что даже суд первой инстанции был вынужден /не самостоятельно, а опять-таки по предложению прокурора/ исключить обвине-ние по статье 74, а "хулиганские действия" квалифициро-вать по статье 206 ч. 1. При рассмотрении дела в касса-ционной инстанции было признано, что обвинение по ст. 206 ч. 1 УК РСФСР является необоснованным, и дело в этой части производством прекращено за отсутствием в действи-ях Маркмана состава преступления.

Я не стану останавливаться на всех аспектах этого "дела", которое может служить примером предания забве-нию основных принципов советского судопроизводства. Скажу лишь о следующем.

В руководящем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. "О судебном приговоре" подчер-кивается, что только в том случае, когда после тщатель-ной и всесторонней проверки доказательства получают свое подтверждение в судебном заседании, они могут быть поло-жены в основу судебного приговора.

Между тем в отношении Маркмана это указание высшего судебного органа страны было самым грубым образом нару-шено, в силу чего Маркман очутился в положении человека, находящегося вне закона, как будто действие советских законов и руководящих постановлений Пленума Верховного Суда СССР на него не распространяются.

Вот тому некоторые иллюстрации.

На судебное заседание вызывались для допроса в качестве свидетелей Бланк, Ушенин, Сурис, явка которых на суд не была обеспечена. Более того, показания, данные этими "свидетелями обвинения" на предварительном следствии /кроме выдержек из показаний Суриса/ даже не были оглашены.

Тем не менее автор приговора не остановился перед тем, чтобы сослаться на "разговоры" Маркмана с Бланком, Ушениным и Сурисом как на "доказательства" того, что Маркман "распространял в устной и письменной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй".

Несмотря на то, что Маркман категорически отрицал "показания" этих лиц, суд, вопреки закону, по предложению прокурора положил в основу обвинительного приговора "доказательства", не только не получившие своего подтверждения, но и вовсе не проверенные в судебном заседании.

Как это ни парадоксально, но факт остается фактом. Далее, в приговоре утверждается, что в январе 1971 г. Маркман совместно с другими лицами еврейской национальности написал и направил Президенту государства Израиль письмо по поводу Ленинградского судебного процесса, в котором "он заявил, что это очередная провокация советского государства в отношении евреев". Извините меня, Бога ради, за резкость, но в этом примитивном умозаключении нет ни грамма правды.

Суд настолько увлекся перепиской обвинительного заключения, что даже "не заметил" того обстоятельства, что в январе 1971 г. было явной бессмыслицей протестовать против приговора, вынесенного Ленинградским городским судом в отношении Дымшица, Кузнецова и других, ... ибо еще 31 декабря 1970 г. Верховный Суд РСФСР изменил приговор и вместо смертной казни Дымшицу и Кузнецову определил им наказание в виде 15 лет лишения свободы.

А ведь именно этого добивались десять граждан города Свердловска /в том числе и Маркман/, обратившиеся с заявлением вовсе не к Президенту государства Израиль, а к Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному.

Если бы суд взял на себя труд внимательно ознакомиться с содержанием этого письма, то он убедился бы, что в нем не содержится "клеветы на советскую действительность, социалистическую законность и правосудие", а ставится вопрос об отмене смертной казни осужденным по Ленинградскому делу. Подписавшие это обращение лица были объективно правы, поскольку с их точкой зрения согласился Верховный Суд РСФСР, признавший неправильным применение такой исключительной меры наказания, как смертная казнь. х/

Не подлежит сомнению, что с аналогичными заявлениями обращались многие люди доброй воли. Никто из них за это к уголовной ответственности привлечен не был. В конце письма, адресованного руководителям коммунистической партии и советского государства, его авторы, имея в виду, что подобные обращения советских граждан "не доходят по назначению", заявили, что копию своего письма они направят также Президенту государства Израиль. При таких данных следует признать, что судебный приговор находится в непримиримом противоречии с фактическими обстоятельствами, установленными по делу.

Итак, за то, что Маркман поставил свою подпись под обращением, посланным руководству партии и государства десятью жителями Свердловска, он признан виновным в "распространении заведомо ложных измышлений" и осужден к максимальному наказанию по статье 190 п. 1 с отбыванием в колонии строгого режима. Иначе как пародией на справедливость такой приговор назвать нельзя.

Нельзя пройти мимо того, по меньшей мере странного обстоятельства, что указанное письмо было направлено адресатом еще в 1970 г., и лишь через полтора года сверхбдительные свердловские "блюстители порядка" признали его "криминальным" и одного из подписавших - Маркмана - сочли за благо водворить в лагерь строгого режима.

Нет нужды опровергать и другие эпизоды "преступной деятельности", вмененной Маркману, как направление "совместно с другими лицами еврейской национальности" писем в газету "Известия", в Международный Союз журналистов и в

х/ Письмо /обращение/ 10 свердловчан см. в "Петиции, письма и обращения евреев СССР", том 1У, стр. 353.

Комиссию ООН по правам человека, поскольку никаких "измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй" в них не содержится, и именно поэтому, повторяю, никто из подписавших эти письма к ответственности не привлекался.

При вынесении приговора суд закрыл глаза на то, что Маркман в течение полутора лет безуспешно добивался осуществления своего неотъемлемого права, гарантированного как конституцией СССР, так и Всеобщей Декларацией Прав Человека, подписанной правительством СССР. Все его действия были продиктованы желанием выехать в государство Израиль. Если бы этот вопрос был положительно разрешен местными административными органами, то несомненно не возникло бы "дело Маркмана".

Достойно сожаления, что в кассационной инстанции не реагировали на серьезные отступления от принципа законности, не исправили необоснованный приговор и по предположению прокурора "узаконили" допущенные беззакония.

Таковы факты!

Человеческая совесть не может, не имеет права смириться с создавшейся по делу отца моего семилетнего внука ситуацией. Я поднимаю вопрос о судьбе безвинно и жестоко пострадавшего человека, который по неправомерному стечению обстоятельств терпит несправедливость и сейчас.

Известно, что В.И. Ленин считал преступной саму мысль о возможности пренебречь советским законом. Выступая на 24-м съезде КПСС Л.И. Брежнев сказал: "Любое отступление от закона или отход от него, чем бы это ни мотивировалось, терпимы быть не могут. Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан".

В свете этих указаний обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой восстановить грубо поправленную законность и охраняемые конституцией права человека, ибо дело касается самой идеи справедливости, принципов правосудия.

14 января 1973 г.
Свердловск

Маркман,
Полина Владимировна

К ПРОЦЕССУ ВЛАДИМИРА МАРКМАНА

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 9.8.1972 г. с изменениями, внесенными Определением Верховного Суда РСФСР от 6.10.1972 г., Владимир Маркман, 1938 года рождения, был осужден, на основании ст. 190-1 Уголовного Кодекса РСФСР, на три года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Ст. 190-1 УК РСФСР гласит:

"Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания, -

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до 100 рублей".^{х/}

Суд признал Маркмана виновным в систематическом распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй и конкретизировал эти измышления следующим образом:

1. В СССР существует антисемитизм, лица еврейской национальности угнетаются, не принимаются на работу и, зачастую, обрекаются на полуголодное существование;

2. В СССР отсутствует демократия, нет свободы слова, свободы личности, советская печать лжива, КПСС организовала диктаторский режим и ведет народ в другую от коммунизма сторону;

3. СССР ведет неправильную внешнюю политику по отношению к Ближнему Востоку /помощь арабским странам/.

^{х/} См. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.9.1966 г. - "Ведомости Верховного Совета РСФСР", 1966 г., № 38, ст. 1038.

Маркман виновным себя не признал и пояснил, что в разговорах со свидетелями и в письмах, направленных в различные организации, в т.ч. и зарубежные, он критиковал конкретные факты, имевшие место в действительности и, поэтому никаких ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, не распространял.

Таким образом, по настоящему делу между обвинением и защитой, за незначительным исключением, почти не было спора о фактах. Спор заключался лишь в том, являются ли правдивыми высказывания подсудимого или они придуманы им.

Как это видно из диспозиции ст. 190-1 УК РСФСР, состав преступления имеется тогда, когда распространяемые сведения: а/ являются ложными; б/ распространяющий знает, что они ложные; в/ эти сведения порочат советский государственный и общественный строй.

В указанном случае возникал правовой вопрос: на ком, на обвинении или обвиняемом лежало бремя доказывания /onus probandi/ лживости или правдивости распространенных сведений.

Советский закон и правовая теория решают этот вопрос совершенно определенно: обязанность доказать состав преступления, включая все его элементы, лежит на обвинителе, а гражданин считается невиновным до тех пор, пока не будет доказано судебным приговором, вступившим в законную силу, что он совершил преступление /презумпция невиновности/.

Итак, согласно ст. 14 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик /то же ст. 20 УПК РСФСР/:

"Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перелагать обязанность доказывания на обвиняемого".

Ст. 15 этих же Основ /то же ст. 68 УПК РСФСР/, отвечая на вопрос о том, что же подлежит доказыванию по уголовному делу, устанавливает:

"При производстве предварительного следствия и разбирательства уголовного дела в суде подлежит доказыванию:

1/ событие преступления...

2/ виновность обвиняемого в совершении преступления..."

Основными элементами виновности применительно к ст. 190-1 УК РСФСР бесспорно является "заведомая ложность" распространяемых обвиняемым сведений, и это должно было доказать обвинение.

Один из серьезных учебников советского уголовного процесса придерживается следующей точки зрения:

"Презумпция невиновности, как начало, лежащее в основе доказывания, означает, что в советском уголовном процессе всякий предполагается невиновным до тех пор, пока не доказано обратное, т.е. его вина... Она является, вместе с тем, отправным положением в исследовании и в разрешении вопроса о доказанности обвинения".

Проф. Строгович М.С. формулирует этот тезис еще более категорически:

"Недоказанная виновность обвиняемого равнозначна его доказанной невиновности: если не доказано, что обвиняемый виновен, - значит доказано, что он невиновен".

Обвиняемый Маркман, не признавая себя виновным, утверждал, что сообщенные им сведения соответствовали действительности, и на этом его обязанность в процессе исчерпана. Доказывание в суде обратного должен был взять на себя обвинитель, который утвердил обвинительное заключение.

Вместе с тем, ни следователь, ни прокурор, ни вслед за ними суд не пытались даже подвергнуть проверке основные положения дела: ложность или правдивость утверждений обвиняемого, а в определенных случаях - его добросовестное заблуждение, которое, в свою очередь, исключает виновность в клевете. Априори предполагалось, что все то, что говорил и писал Маркман - ложь вообще, и заведомая, в частности.

х/ См. "Советский уголовный процесс" под редакцией проф. Д.С. Карева. М., 1968 г., стр. 122.

хх/ См. М.С. Строгович, Курс советского уголовного процесса. М., 1968 г., т. 1, стр. 350.

Поскольку перечисленные должностные лица уклонились от выполнения своих процессуальных обязанностей, попытаемся сами, руководствуясь объективными данными, ответить на вопрос о том, говорил ли обвиняемый правду.

а/ Существует ли в СССР антисемитизм, а если да, то является ли он составной частью правительственной политики государственной власти?

Для проживающих в СССР не только лиц еврейской национальности, положительный ответ не вызывает сомнений. Существуют целые факультеты и даже высшие учебные заведения, в которые доступ еврейским студентам закрыт или крайне ограничен. Нет евреев-судей, секретарей районных, областных и центральных комитетов партии, председателей исполкомов, не говоря уже о высших должностях государственной и партийной администрации. Любой советский руководитель учреждения знает, а многие даже этого не скрывают, что он не вправе замещать определенные должности евреями. Евреи, подающие документы на репатриацию в Израиль, как правило, увольняются с работы, а, если получают отказы, то вынуждены скитаться без средств к существованию, зачастую подвергаясь к тому еще и судебным преследованиям за "тунеядство".

Говорил ли Маркман правду? **НЕСОМНЕННО.**

б/ Является ли советский режим демократическим?

Общеизвестно, что в СССР существует одна партия, которая решает все. Любое сомнение в правильности такой общественной и политической структуры, выраженное публично, расценивается как антисоветская деятельность и влечет судебные репрессии. Любая критика государственной и партийной власти влечет за собой такие же последствия.

Можно ли всерьез назвать такой режим демократическим и правдив ли был Маркман, говоря об отсутствии в СССР демократии, свободы слова, личности, печати? **НЕСОМНЕННО.**

в/ Маркман критиковал ближневосточную политику СССР, считая неоправданной помощь, оказываемую арабским странам. Но это же факт, которого не отрицают руководители советского государства.

В чем же ложность сведений, сообщенных Маркманом?
НИ В ЧЕМ.

Наличие судебного приговора, осуждающего гражданина

страны за то, что он, указывая на очевидные факты, критиковал их, является лучшим подтверждением тоталитарности режима. Нет лучших доказательств невиновности Маркмана, чем привлечение его к уголовной ответственности и осуждение к лишению свободы за правдивые высказывания, формально не запрещенные законом. Основная причина такого парадоксального положения кроется в редком несоответствии в СССР действительности и закона. Декларируется одно, а делается - другое, говорить же об этом категорически запрещено. Конституция провозглашает различные свободы, средства массовой информации и пропаганды, всячески их превозносят, а когда гражданин, возмущенный лживостью этих деклараций, пытается изобличить авторов, они же объявляют его нарушителем закона. Рассерженные и уверенные в собственной безнаказанности судебные власти применяют максимальные уголовные наказания и усиливают их, определяя осужденному наиболее жесткие режимы колоний.

Итак, по приговору Свердловского суда невиновный Маркман был осужден на три года лишения свободы /максимум по ст. 190-1 УК РСФСР/ с содержанием в ИТК строгого режима, хотя по закону даже виновный в совершении такого преступления должен отбывать наказание в колонии общего режима. ^{х/}

Статья 24 УК РСФСР гласит:

"Отбывание наказания в ИТК назначается мужчинам: осужденным впервые к лишению свободы за преступления, не являющиеся тяжкими, или осужденным впервые к лишению свободы на срок не свыше трех лет за тяжкие преступления, - в колониях общего режима".

Маркман осужден впервые; преступление, предусмотренное ст. 190-1 УК РСФСР, не является тяжким ^{хх/} и, поэтому суд должен был определить ему содержание в ИТК общего режима.

^{х/} Закон устанавливает четыре вида колоний по степени тяжести режима содержания: общий, усиленный, строгий и особый /см. ст. 24 УК РСФСР/.

^{хх/} Перечень тяжких преступлений содержится в ст. 7-1 УК РСФСР и в нем отсутствует ст. 190-1 УК РСФСР.

Правда, суду разрешено в исключительных случаях смягчить, а также усилить режим: "в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела", но с обязательным указанием мотивов этого решения. В данном же случае не было никаких формальных оснований для отступления от общих правил, а именно:

а/ характер и степень общественной опасности преступления определяется тяжестью наказания, предусмотренного за данное преступление. Санкция ст. 190-1, кроме лишения свободы, предусматривает также исправительно-трудовые работы и даже штраф; законодатель, устанавливая такие мягкие виды наказания, тем самым признал, что степень общественной опасности этого преступления очень невелика. Суду же не дано право в этом вопросе корректировать законодателя;

б/ личность Маркмана, судимого впервые и хорошо характеризующегося по работе, также не давала суду оснований для усиления режима колоний.

И в этом вопросе суд первой инстанции существенно нарушил закон, а Верховный суд РСФСР не исправил допущенного, хотя защитник осужденного просил об этом.

Свердловский суд допустил также следующее серьезное процессуальное нарушение:

Свидетели Бланк и Ушенин, допрашиваемые на предварительном следствии, в суд не явились; их показания не были оглашены в суде, и тем самым вообще не подверглись обсуждению. Вместе с тем, суд положил их в основу приговора. Приходя к тому или иному выводу и, ссылаясь при этом на непроверенные свидетельские показания, суд вошел в противоречие со следующими тремя основными принципами процесса: непосредственность, устность и право обвиняемого на защиту:

а/ непосредственность и устность процесса обусловлена требованиями ст.ст. 37 и 43 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, ^{х/} которые гласят:

^{х/} См. Закон СССР от 25.12.1958 г. /Ведомости Верховного Совета СССР, 1959 г., № 1, ст. 15/.

статья 37 Основ:

"Суд первой инстанции при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей..."

статья 43 Основ:

"Суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании".

Проф. М.С. Строгович по этому вопросу пишет:

"В отношении устности закон вообще не допускает никаких отступлений и ограничений: только то, что рассматривалось и устно обсуждалось на суде может иметь значение для вынесения приговора". x/

б/ Нарушение принципов устности и непосредственности неминуемо влечет за собой нарушение права на защиту /ст. 21 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, то же ст. 46 УПК РСФСР/:

невызванному в суд свидетелю подсудимый лишен возможности задавать контрольные вопросы и опровергать его показания, в т.ч. путем очных ставок с другими свидетелями.

Таков советский закон и теория уголовного процесса, но не такова практика судов 1-й и 2-й инстанций по делу Маркмана, приговор которого и не обоснован, и незаконен.

x/ См. М.С. Строгович, Курс советского уголовного процесса. М., 1968 г., том 1, стр. 165.

ПРОЦЕСС
ГРИГОРИЯ БЕРМАНА
/Одесса, 10.8.1972г./

СПРАВКА х/

БЕРМАН ГРИГОРИЙ РАФАИЛОВИЧ

Родился в 1946 году в городе Кинешма /РСФСР/. По окончании института работал в Ново-Аненском районе Молдавской ССР учителем школы. В марте 1972 года переехал в Одессу и стал собирать документы для выезда в Израиль. Когда он явился в Киевский райвоенкомат, чтобы стать на воинский учет, военный комиссар, узнав, что Берман собирается в Израиль, отказался поставить его на воинский учет, что потом подтвердил в ходе следствия.

Берман сдал документы в ОВИР города Одессы во второй половине апреля 1972 г. Вскоре после этого его несколько раз вызывали в Одесское управление КГБ по поводу писем и обращений, которые он подписывал наряду с другими одесскими евреями, и угрожали ему призывом в Советскую армию. И действительно, через некоторое время он получил повестку, по которой должен был идти на службу в Советскую армию. В военкомате Берман заявил, что не считает возможным идти в армию, так как ждет разрешения на выезд в Израиль и не состоит на учете в Одессе. Тогда Одесский военкомат вызвал работника Ново-Аненского военкомата, который должен был отвезти Бермана в Молдавию, чтобы оттуда призвать его в армию.

Берман поехал в Киев и записался на прием к начальнику ОВИРа МВД УССР Осокину на 26 июня 1972 г. на 3 часа дня. Когда он явился на прием, чтобы попытаться объяснить в республиканском ОВИРе существующую ситуацию, его поджидали два работника КГБ, которые задержали его и под конвоем доставили на самолете в Одессу, где их

х/ Справка составлена в Израиле 1.9.1972 г. другом
Г. Бермана Борисом Гарником.

встретил майор Краснов - начальник отдела по борьбе с сионизмом при Одесском управлении КГБ.

Бермана отвезли в КГБ, где продержали до ночи, допрашивали, угрожали. Ночью его отпустили и обязали явиться в 9 часов утра. Утром он пришел в КГБ, откуда его доставили в Киевский райвоенкомат города Одессы. Берман категорически заявил, что не пойдет в армию, так как желает выехать в государство Израиль и имеет на это законное право. После его отказа прокурор Киевского района города Одессы дала санкцию на его задержание, а потом на арест.

10 августа 1972 г. Берман был приговорен к 3-м годам лагерей.

БЕРМАН Григорий Рафаилович, рождения 14.5.1946г. уроженец города Кинешма, Ивановской области, образование высшее-педагогическое. Перед арестом не работал, ранее работал учителем в сельской школе МССР. Перед арестом проживал с родителями в Одессе, ул.Генерала Петрова, 4, кв.11. Родители - отец Рафаил Гершевич Берман, 66-ти лет, инженер-пищевик - пенсионер; мать - Евгения Анжелевна Миналова, 59-ти лет, работает врачом-эндокринологом; отец - участник Великой Отечественной войны. Отец и мать - члены КПСС. Сестра Григория Бермана - Краснянская Анжела выехала в Израиль в ноябре 1972 г., проживает в городе Нагария, ул. Жаботинского, 17, Мерказ Клита, отель "Эден".

Берман был арестован 26 мая 1972 г. прокуратурой Киевского района города Одессы по санкции прокурора района ПЕНЬКОВСКОГО.

Берману было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 72 УК УССР - уклонение от очередного призыва на военную службу без отягчающих обстоятельств - по ч. 2 ст 72 УК УССР.

Нарсуд Киевского района 10.8.1972 г. признал Бермана виновным лишь по ч. 1 ст. 72 УК УССР, назначив наказание три года лишения свободы в ИТК общего режима /облсуд 22. 9.1972г.- председатель ШЕВЧЕНКО, члены суда МЕШКОВА,

КИРИЛОВ, с участием прокурора РОМЕНКО, адвоката СТЕПАНОВОЙ.

Кассационные жалобы осужденного и защитника были отклонены, а приговор Нарсуда оставлен без изменений. Оставлены без удовлетворения все жалобы, адресованные Председателям облсуда и Верховного суда УССР, прокурору Одесской области и Украинской ССР.

Берман не отрицал факта неявки на призывной пункт, ссылаясь /при задержании/ на то, что он отказывается от службы в Советской армии и желает выехать в Израиль на постоянное жительство /заявление собственноручное/. Отклонил Берман и предложение органов следствия о прекращении дела производством, если он согласится служить в Советской армии. В кассационной жалобе Берман ссылается на то, что "осужден не за преступление, а за то, что он намерен выехать в Израиль".

Ввиду признания Бермана виновным и не испытывающим искреннего раскаяния, а также учитывая образование последнего, осведомленность об обязанности служить в Советской армии, облсуд отклонил и просьбу адвоката о снижении-замене Берману наказания /о назначении наказания с применением Указа от 12.6.1970г./. X/ Характерно, что и адвокат Степанова в кассационной жалобе указывала: "... суровость приговора обусловлена и в значительной степени связана с желанием выехать в Израиль".

Наказание Берман отбывал в городе Бердянске, учреждении 310-77-Д.

X/ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.6.1970 г. предусматривал направление осужденного вместо лагеря на стройки народного хозяйства.

СЛЕДСТВИЕ И СУД НАД ГРИГОРИЕМ БЕРМАНОМ

БЕРМАН Григорий Рафаилович, родился в 1946 году в городе Кинешма /РСФСР/ в семье инженера. Через несколько лет после рождения Гриши семья переехала в Одессу, где отец работал инженером на заводе, а мать - врачом.

В детстве Гриша очень много читал и на всю жизнь приистрастился к литературе, которая впоследствии стала его специальностью. После окончания школы-восьмилетки Григорий Берман поступил в вечернюю школу, а днем работал в автопарке автослесарем. После окончания вечерней школы он пытался поступить в Одесский университет им. Мечникова, но не прошел по конкурсу. На следующий год он уезжает в город Бельцы /МССР/, где поступает на отделение русского языка и литературы педагогического института им. Алеку Руссо. Берман входил в число самых способных студентов института. Особенно он выделялся своими обширными знаниями в области литературы.

Будучи студентом третьего курса, Берман по состоянию здоровья берет академический отпуск и уезжает в г. Кинешму, где он родился и где прошло его детство. Состояние здоровья Бермана с годами ухудшилось из-за постоянного ночного чтения и плохого питания. Именно в это время у него начались постоянные головные боли, и он "жил" на таблетках.

В Кинешме Берман работал по ночам сторожем, а днем по-прежнему много читал и писал стихи. Через год Берман продолжил свое образование в Бельцком педагогическом институте. Институт не мог удовлетворить его духовные запросы, ибо образование там было поставлено на очень низком уровне. Поэтому Берман все эти годы, по существу, занимался самообразованием.

Бермана очень взволновали трагические события в Чехословакии. Он был возмущен преступной политикой советских властей по отношению к любой намечающейся демократии.

Образцом человека, который воплотил в себе лучшие духовные качества, образцом писателя, чьи художественные ценности служат людям всего мира, образцом мужества для

Гриши был Борис Пастернак. Пастернак, быть может, был настоящим Учителем для Гриши. Он преклонялся перед его скромностью и трудолюбием. Мышление Пастернака, его огромная культура, богатство неповторимого русского языка оказало на Гришу громадное влияние.

Круг интересов Гриши, естественно, не ограничивался Пастернаком. Любимыми русскими писателями Гриши были Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Тютчев, Гоголь, Чехов, Достоевский, Герцен, Короленко; советской эпохи - Блок, Ахматова, Мандельштам, Цветаева, Булгаков, Бабель, Тынянов, Зощенко, Ильф и Петров и др.; Гриша очень любил "Философические письма" Чаадаева. С большим уважением относился к литературоведческим работам Тынянова, Эйхенбаума и др. Очень любил книгу Выгодского "Психология искусства". Из зарубежных авторов Берман любил Кафку, Хэмингуэя, Апдайка, Рабле, Сервантеса, Шекспира, Джойса, Твена, Диккенса, Фолкнера, Андерсена; любил стихи Рильке, Тувима, Гейне. Одно время был под большим влиянием Достоевского; христианских идей Нового Завета. Берман очень любил кино.

Окончив Бельцкий педагогический институт, он получил назначение в молдавское село Оки-Рош Ново-Ананьевского района, где целый год работал в школе учителем русского языка и литературы. Летом, приехав в отпуск домой в Одессу, Берман впервые узнал о репатриации евреев в Израиль. Будучи человеком демократичным по натуре, он добродушно отнесся к людям, уезжающим в Израиль, но сам в то время отказался от этой идеи.

Дело в том, что очень долгое время Берман не осознавал себя евреем. Воспитанный на русской культуре, родившись в самом центре России, растворившись в русской культуре и языке, он совершенно ничего не знал об евреях. Ему даже казалось, что его совершенно незаслуженно считают евреем, хотя никогда не пытался скрывать, что он еврей. Он долго думал, прежде, чем пришел к выводу, что настоящая духовная жизнь начинается с незыблемого чувства Родины, которую он, к великому счастью, может обрести.

Огромное влияние на него оказало знакомство с группой еврейской молодежи в Одессе. Он был изумлен мужеством людей, сидящих в тюрьмах СССР за то, чтобы он, Григорий Берман, получил возможность уехать на свою Родину.

Нужно сказать, что, будучи честным человеком, Берман моментально почувствовал, что он в долгу перед этими людьми. Особенное значение для него сыграла книга Эттингера "История еврейского народа", а также другая, нелегально ходившая в Одессе литература. Он вдруг почувствовал себя евреем, сам того не ожидая. Более того, в нем произошел такой духовный перелом, что все, что он читал и чувствовал, открылось ему в совершенно новом качестве, т.е. вся эта информация активизировалась в "еврейскую сторону". Даже в русской литературе он стал находить подтверждение своей вызревающей идее. В этом смысле большое влияние на него оказала книга Герцена "Былое и думы". Как-то он мне зачитал из "Евгения Онегина" строчки, где Пушкин признавался, что совсем не прочь: "под небом Африки своей скучать о сумрачной России".

На следующий учебный год Григорий Берман был назначен директором в этой же школе. Проработав 3-4 месяца, он попал в автомобильную катастрофу и сломал ногу. Три месяца он пролежал дома в Одессе. За это время он окончательно пришел к выводу, что его долг - уехать в Израиль.

На вокзале, когда мы провожали сестру Рейзы Палатник, Катю в Израиль, он попросил меня дать его данные для вызова в Израиль.

Через некоторое время он получил вызов. После этого он моментально снялся в Аненске с воинского учета и приехал в Одессу для того, чтобы подать документы на выезд.

После долгих мытарств, связанных с бюрократизмом советских чиновников, он наконец, подал документы на выезд в ОВИР УВД города Одессы.

Подав документы на выезд в Израиль, Григорий Берман обратился в военный комиссариат Киевского района города Одессы с просьбой о принятии его на военный учет, как того требуют правила. Однако военком Дубовицкий заявил Г. Берману, что в связи с тем, что он подал документы на выезд в Израиль, Советская армия больше не нуждается в его услугах и он может не становиться на воинский учет.

Григорий Берман сразу же вошел в число активистов еврейской молодежи, борющейся за выезд в Израиль. Он стал подписывать телеграммы и обращения евреев СССР. Его телефон был нами использован для связи с городом Киевом.

Через месяц после подачи документов Григорий Берман был вызван в КГБ города Одессы сотрудником Красновым. Ему был устроен допрос и инкриминировалась сионистская деятельность. На предложение дать письменные показания на евреев, желающих выехать в Израиль, Берман ответил категорическим отказом. После неудачной попытки со стороны Краснова начались угрозы. Более того, Краснов зачитал Берману целый ряд показаний одесского еврея Бориса Рубина, где было написано, что "Берман совместно с другими выражает недовольство советской властью и распространяет свои идеи среди молодежи". На это Берман заявил, что это явная ложь и что его цель заключается только в отъезде в Израиль, на свою историческую Родину, а претензий к советской власти он никогда и нигде не выражал. Посыпались новые угрозы и обещания привлечь Бермана к уголовной ответственности, если он не подчинится приказу дать показания на евреев.

Возмущенный необоснованными обвинениями Краснова и наглыми провокационными заявлениями, Берман открыто заявил ему, что он не боится никаких угроз, его ничто не остановит на пути выезда в Израиль, а различные "предложения" Краснова абсурдны, и он, Берман, вообще не желает дальше продолжать разговор. После этого Краснов заявил, что он "поможет" Берману стать на воинский учет, чтобы он был призван на службу. Берман заявил, что и это его не пугает.

Через два дня прапорщик Машинский явился на квартиру к Берману и заявил, что Берман обязан расписаться на повестке в военкомат города Аненска Молдавской ССР, куда он вызывается для призыва на военную службу. Берман отказался расписаться на повестке, заявив при этом, что уже давно не состоит на воинском учете в городе Аненске. Он также заявил, что в связи с подачей документов на выезд в Израиль, ему разрешено по месту постоянной прописки в Киевском районе города Одессы вообще не становиться на воинский учет. Машинский потребовал, чтобы Берман немедленно поехал с ним на машине в военкомат Киевского района "для выяснения". Приехав в военкомат, Берман

обратился с жалобой к военкому Дубовецкому, который месяц тому назад освободил Бермана от воинского учета. Дубовецкий теперь заявил, что Берман обязан расписаться на повестке, выдав себя буквально фразой: "у нас есть приказ взять Вас в армию". Берман отказался расписаться на повестке, считая действия военкомата незаконными. Военком пригрозил Берману передачей документов в прокуратуру, забрав паспорт и военный билет.

На другой день, утром прапорщик Мошинский снова явился к Берману, приказав немедленно сесть в машину и поехать на медицинскую комиссию, которая уже ждет Бермана. Берман подчинился приказу Мошинского и вскоре был доставлен на медицинскую комиссию, где в течение десяти минут был признан годным к службе в Советской армии. Члены медицинской комиссии злорадно улыбались и открыто заявляли Берману, что он не уедет в Израиль, а будет служить в армии. Берман, возмущенный издевательствами со стороны членов комиссии, начал протестовать, доказывая, что эти действия незаконны, утверждая, что его не имеют права признать годным к службе без сверки с предыдущей документацией, которая показывает, что здоровье Бермана в явно неудовлетворительном состоянии.

Следует отметить, что предыдущим летом по направлению Аненского районного военкомата Берман был направлен в психоневрологический диспансер, где провел два месяца. Берман был помещен туда в связи с тем, что жаловался на головные боли. О результатах обследования Берману тогда не сообщили, но, очевидно, признали его негодным к службе, так как Берман не был призван в армию в этот призыв. И вот теперь медицинская комиссия нагло пренебрегла всем этим, заявив ему, что это не будет учтено и Берман будет служить в армии. "Обследованный" Берман был отпущен до 3-х часов дня, чтобы окончательно документально оформить свой призыв в армию.

Берман немедленно разыскал нас и на квартире у Бориса Гарника написал обращение к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному, в котором описал наглые надругательства над его правом выезда в Израиль, спровоцированные КГБ города Одессы. В конце обращения Берман открыто заявил Подгорному, что если наглые провокации не будут прекращены, то он немедленно откажется от Советского гражданства.

Еще задолго до этой трагедии Берман неоднократно заявлял, что ни при каких обстоятельствах не будет служить в армии из-за своих принципиальных политических убеждений. Теперь же, когда ко всему примешалось еще и это явное надругательство властей над его правом выезда в Израиль, он попросту считал, что согласиться служить - это предать движение евреев за свободный выезд, так как на его примере постараются запугать других евреев.

Берман решил поехать в Киев, чтобы обратиться с жалобой к начальнику республиканского ОВИРа Осокину. Одной из причин была та, что после первого вызова к военному Киевского района г. Одессы, Берман обратился к начальнику Одесского ОВИРа Н.К. Сердюку с просьбой выдать ему документ, свидетельствующий о сдаче документов на выезд, который освобождал бы его от незаконного и абсурдного призыва. Но Н.К. Сердюк наотрез отказался выдать Берману такой документ. Берман оказался первым, кому не был выдан такой документ: ранее любой, подавший документы на выезд, свободно получал его на руки и освобождался от призыва.

Очень важен тот факт, что перед отъездом Берман предупредил отца, чтобы он вместо него явился в 3 часа в военкомат, так как его неявка может быть новым поводом для репрессий. Отец, разумеется, точно исполнил просьбу сына. Ему было заявлено, что дело Григория Бермана будет передано в прокуратуру.

Тем временем Берман уехал в Киев, где предполагал остановиться у проф. В.М. Барбоя или у других киевских активистов. Из Киева на другой день Берман сообщил родителям по телефону, что он будет у Осокина в республиканском ОВИРе в часы приема. На следующий день Берман был схвачен в приемной Осокина сотрудниками КГБ, доставлен на аэродром, и в этот же вечер на самолете был доставлен в Одессу. На Одесском аэродроме он был встречен сотрудниками КГБ; Краснов же поздравил своих товарищей с "удачно завершенной операцией". Берман был немедленно доставлен на машине в Одесский КГБ, где ему угрожали тюремным заключением и т.д. Ему была вручена повестка в КГБ на 9 часов утра следующего дня.

Берман утром явился в КГБ, где подвергся очередным угрозам, но он наотрез отказался подчиниться приказу идти в армию, и его из КГБ доставили в военкомат, где

Берман открыто заявил, что это провокация и, что он ни при каких обстоятельствах не пойдет в армию. Ему стали угрожать тюрьмой, но он отказался подписать приписное свидетельство. Не добившись ничего от Бермана, военком отдал приказ поместить его в камеру предварительного заключения. Это происходило в пятницу, и не было возможности получить от прокурора санкцию на арест, так как впереди было два выходных дня.

Берман был посажен в камеру предварительного заключения вместе с пьяницами, которые в понедельник были выпущены на свободу. В понедельник Берман встретился с прокурором, который сделал Берману множество предложений, заключающиеся в упразднении всего случившегося в том случае, если Берман согласится служить. Он снова ответил категорическим отказом, разоблачая совместные провокационные действия КГБ и военкомата.

Прокурор незамедлительно выдал санкцию на арест. В этот же день Берман был переведен в Одесскую следственную тюрьму, и с этого момента начался печальный отсчет времени тюремного заключения.

Мы, друзья Григория Бермана, немедленно послали телеграмму протеста Генеральному Прокурору СССР Руденко. следующего содержания: "Возмущены произволом советских властей, которые, нарушая закон о праве выезда евреев в Израиль, используют закон о воинской обязанности как меру наказания. Требуем немедленного освобождения Григория Бермана из-под стражи и выдачи ему разрешения на выезд в Израиль".

В это же время родители Григория Бермана послали жалобу прокурору Одесской области Ясинскому, в которой очень четко была показана роль сотрудника КГБ Краснова в аресте Бермана. Ясинский остался глух к требованию родителей положить конец грубым нарушениям советской юрисдикции.

В это время один из наших друзей - Борис Гарник, получив разрешение, уезжает в Израиль, и о судьбе Бермана стало известно за пределами СССР.

★

★

★

10 августа 1972 года в Народном суде Киевского района города Одессы состоялся суд над Григорием Берманом. Суд был открытый, однако мы были в полном неведении и считали, что присутствие большого количества друзей Григория Бермана может навредить ему, так как советские власти попытаются сделать суд более показательным.

Только несколько близких друзей присутствовали на суде. На суде также присутствовали родители Григория Бермана /отец был вызван в суд в качестве свидетеля/, родная сестра Анжела Берман-Краснянская с мужем Ефимом Краснянским, родственница Григория Бермана.

Во время суда часто заходил человек в штатском, наблюдавший за ходом суда.

Берман был привезен на машине, в клетке, наголо обритый, исхудавший после полуторамесячного заключения. Проходя по коридору в зал суда, он успел бросить: "Не волнуйтесь, все будет хорошо". Эти слова были обращены к родителям, стоявшим рядом и наблюдавшим за своим сыном, следовавшим в окружении милиционеров. К нему несколько раз подходила адвокат Степанова.

СУД НАЧАЛСЯ.

Судья Сергеева начинает читать обвинительный акт. Берман обвиняется в злостном уклонении от священного долга и почетной обязанности каждого гражданина СССР - службы в Советской армии /статья 72 УК УССР/. Берман также обвиняется в симуляции болезни с целью уклонения от воинского призыва по статье 78 УК Молдавской ССР.

Прокурор читает обвинение, представляющее Бермана, как злостного нарушителя законов и подонка советского общества. Прокурор неоднократно настаивала на привлечении Бермана к уголовной ответственности за, якобы, личное оскорбление, нанесенное ей обвиняемым. Как выяснилось, это оскорбление заключалось в том, что Берман в ходе следствия обвинял прокурора в содействии издевательствам со стороны КГБ. Он открыто заявлял ей, что его жизнь невозможна в условиях СССР и, что его цель заключается в скорейшем выезде на его историческую Родину. Годы же, которые прокурор предлагает провести в СССР, Берман считает пустыми и бессмысленными /безразлично где проведенными; он подсчитал, что ему "выгоднее" отсидеть

в тюрьме, чем после службы в армии получить по "военно-режимным соображениям" отказ на несколько лет/. В таком виде была изложена обида прокурора, и для того, чтобы Берман никак не "выгадал", его тем более нужно заключить в тюрьму на как можно больший срок.

На суде Григория Бермана, по сути дела, было два обвинителя. Функции второго обвинителя исполняла судья Сергеева, которая самым наглым образом акцентировала внимание на обвинении, полностью игнорируя защиту. Прилежные заседатели, верные помощники Сергеевой, задавали провокационные вопросы Берману.

Жизнь Григория Бермана подверглась скрупулезному анализу с точки зрения, актуальной тому времени - "борьбы с пьянством". Не имея доказательств этому, суд сосредоточился на уклонении Бермана от воинской повинности. Берман предстал перед судом в виде уклоняющегося от призыва с 18-тилетнего возраста. Суду вдруг /?/ стало непонятно, почему Берман не попал в армию до 26-ти лет? Совершенно не принималось в расчет то обстоятельство, что Берман учился и получал законные отсрочки от призыва. Игнорировался также и тот факт, что была возможность призвать в армию Бермана сразу же после окончания учебы. Но тогда у советской армии не было острой нужды в Бермане, так как выгодней было использовать Бермана в качестве учителя школы в заброшенном молдавском селе, где никто не хотел работать.

Берман очень умело отводил обвинение по этому поводу, доказав суду, что не было случая, чтобы он не явился по повестке в военкомат. Более того, нынешнее событие - первое столкновение Бермана с военкоматом.

Дальше суд остановился на отношении Бермана к труду. Выяснилось, что на Бермана, начиная с 15-тилетнего возраста никогда не было никаких служебных нареканий. Исключение составляет отрицательная характеристика, выданная Аненским районом Берману для предоставления в ОВИР УВД города Одессы. Вполне понятно какую характеристику выдало районо после того, как Берман заявил о своем желании уехать в государство Израиль. Эта характеристика Аненского районо фигурировала на суде в качестве главного документа, изобличающего Бермана. Судьей Сергеевой особенно подчеркивался пункт характеристики, что Берман не пригоден для работы с советскими детьми.

Берман возразил суду; чем объяснить тогда действия Аненского района, которое после одного года работы Бермана простым учителем, на второй год назначило его директором школы.

Суд перешел к разбору пунктов обвинения. В зал суда был вызван свидетель Дубовецкий - военный комиссар Киевского района. Дубовецкому два месяца назад позвонили из... "военного округа" с требованием немедленно призвать в армию гражданина Бермана. Дубовецкий с недоумением возразил, что такой гражданин не состоит у него на учете. Тогда из военного округа посоветовали немедленно найти Бермана и призвать его в армию.

Не менее "интересным" было выступление на суде другого свидетеля - прапорщика Машинского. Машинский рассказ об инциденте с Берманом, отказавшемся подчиниться приказу следовать в военкомат. Берман предварительно решил позавтракать и "перед едой долго мыл руки". Когда же они вышли, наконец, к машине, то Берман долго не соглашался садиться в машину, так как в ней, якобы грязное сиденье. Свидетелю Машинскому пришлось вскоре удалиться из зала суда, так как Берман своими ответными репликами сделал его посмешищем в глазах присутствовавших.

Следующий свидетель обвинения - врач районной поликлиники, заключение которой послужило доказательством симуляции Бермана. Такое обвинение подлежит 78-ой статье УК Молдавской ССР, которая рассчитана на привлечение Бермана к судебной ответственности на гораздо больший срок, чем 72-ая статья УК УССР. В папке прокурора было собрано большое количество материала, доказывающего виновность Бермана. Прокурор и народные заседатели немедленно переплетали доказательства симуляции с аморальным обликом обвиняемого.

Следует отметить, что очень долго судья и прокурор воздерживались от упоминания Израиля, но к концу суда они уже открыто начали строить обвинения и по поводу желания обвиняемого покинуть пределы СССР. Берману стали задавать провокационные вопросы, в том числе вопрос: собирается ли Берман служить в армии Израиля? Обвиняемый с достоинством ответил, что, считая себя гражданином Израиля, он намерен исполнить свой долг в рядах армии обороны Израиля.

На судебное заседание был вызван свидетелем отец Григория Бермана - Рафаил Берман. Рафаилу Берману прокурор начал задавать вопросы, суть которых заключалась в том, чтобы показать суду осуждение окружающих Григория Бермана за его желание выехать в Израиль, в том числе и его отца. Прокурору казалось, что отец Григория, прошедший войну и получивший ранения, член КПСС, будет повторять на суде газетные фразы о "преступных сионистах", которые завлекли в сети его сына. Рафаил Берман вел себя с большим достоинством, и его показания, данные на суде, говорили о том, что он гордится своим сыном. Рафаил Берман заявил, что он, участник войны, считает, что выезд его сына в Израиль - не предательство интересов СССР, а является законным правом каждого еврея жить на своей национальной родине. Перебивая прокурора, который заготовил множество провокационных вопросов, Рафаил Берман открыто заявил суду, что считает арест его сына незаконным.

Адвокат Степанова старалась сгладить слова Григория Бермана о том, что советские власти надругались над его правом выезда.

Полностью отрицая свою виновность по всем пунктам обвинения, Григорий Берман признал свою вину лишь в том, что он, якобы, грубил прокурору. Берман подчеркнул, что стал жертвой несогласованности официальных советских учреждений: ОБВИРа и военкомата, которые полностью игнорируют юрисдикцию СССР.

Слово берет прокурор. Он перечисляет все "злодеяния" Бермана, показывает какую опасность представляет поступок Бермана для социалистического общества.

За недостаточностью улик статья 78 УК Молдавской ССР не применима, и прокурор требует у суда лишить Бермана свободы на три года по статье 72, часть 2 УК УССР.

Адвокат Степанова в своей речи не говорит о действительных обстоятельствах заключения Бермана под стражей, не касается отказа советских властей в удовлетворении законного права - выезда в Израиль. Защита сводится к дилемме: должен ли гражданин СССР служить в армии или не должен? Степанова приводит множество доказательств, что Берман должен и хочет служить в армии, но из-за своего неведения совершил необдуманный поступок, что и привело его к суду. Адвокат Степанова считает, что нет состава

преступления Бермана по статье 78 УК Молдавской ССР. Она неожиданно просит суд учесть признание Бермана в своей вине и просит суд лишить Бермана свободы на год условно.

Берман демонстративно отказывается от последнего слова.

Суд удаляется для вынесения приговора.

Через некоторое время был зачитан приговор.

Берман был оправдан по статье 78 УК Молдавской ССР. Затем был приведен целый список преступлений Григория Бермана, свидетельствующих об опасности его поступков для советского общества. Неожиданно суд, вдруг учитывая несуществующее признание Бермана своей вины, выносит приговор о лишении свободы на... три года с отбыванием в лагере общего режима.

Через некоторое время Григорий Берман из тюрьмы написал кассационную жалобу, в которой указал несправедливость приговора и требовал немедленно пересмотреть его дело.

Берман получил право на свидание с родителями и с сестрой. Он просил родителей не волноваться, так как он ни о чем не жалеет и, если бы ему предоставилась возможность все переиграть сначала, он бы поступил точно также. В письмах, полученных от Бермана, чувствуется, что он готов к предстоящим испытаниям и, что его поступок - единственно правильное решение.

На втором свидании с родителями Берман просил использовать тот факт, что в тот же день суда над ним, состоялся суд в Ильичевском районе города Одессы по обвинению в убийстве. Обвиняемому также, как и Берману, присудили три года, и он находится с ним в одном лагере.

Через три месяца состоялось заседание судебной коллегии по кассационной жалобе Бермана. По рассказу адвоката Степановой родителям Григория Бермана, на рассмотрении Берман вел себя возмутительно. Степанова заявила, что Берман раскаивается в своем поступке и, в связи с этим можно сократить срок тюремного заключения. Берман же продолжал утверждать, что это заключение - провокация со стороны КГБ и явное надругательство над его правом выезда в Израиль.

После разбора кассационной жалобы Григорий Берман переведен отбывать заключение в город Бердянск Запорожской области с более трудными условиями заключения.

ПРИМЕЧАНИЕ: События, предшествовавшие аресту Григория Бермана, равно как и ход процесса, описаны его близким другом.

Редакция включила этот рассказ без всяких изменений, полагая, что он, отражая как факты, так и эмоциональное восприятие случившегося, поможет читателю воспроизвести атмосферу того времени. ^{x/}

^{x/} Примечание: Редакция, к сожалению, не располагает подлинными текстами судебных документов.

К ПРОЦЕССУ ГРИГОРИЯ БЕРМАНА

По приговору Народного суда Киевского района города Одессы от 10.8.1972 г. Григорий Берман, рождения 14.5.1946 г. был осужден, на основании ст. 72 ч. 1 УК Украинской ССР на три года лишения свободы в ИТК общего режима за уклонение от воинской службы в Советской армии.

Ст. 72 ч. 1 УК Украинской ССР гласит:

"Уклонение от очередного призыва на действительную военную службу - наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет".

В процессе предварительного следствия Г. Берману было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 72 УК УССР и ст. 78 УК Молдавской ССР, предусматривающих наказание за уклонение от очередного призыва на действительную военную службу путем симуляции болезни.

Суд, рассмотревший обвинение Г. Бермана, признал недоказанным инкриминированную ему предварительным следствием симуляцию болезни с целью избежания службы в армии и тем самым, на наш взгляд, признал, что отсрочки от призыва в армию, которые Берман получал в течение 8-ми лет /с 1964 по 1972 гг./ явились законными и обоснованными. x/

Изложенное обстоятельство имеет существенное значение при оценке совокупности фактов, послуживших причиной привлечения Бермана к уголовной ответственности и доказывает, что формальные признаки состава преступления /отказ Бермана от призыва на воинскую службу в 1972 году/ явились лишь прикрытием политической цели, преследуемой властями, и заключающейся в наказании Бермана

x/ В СССР призыву в армию подлежат лица по исполнению 18-ти лет, а Берману во время суда исполнилось 26 лет.

и устрашении других за желание репатриироваться в государство Израиль.

Наш вывод обоснован следующим:

1. Г. Берман в течение 8-ми лет, с того момента, когда он подлежал призыву в армию, фактически не призывался.

2. Суд, отвергая первоначальные обвинения Бермана в уклонении от призыва путем симуляций болезни, тем самым признал, что в течение всего указанного времени, т.е. 8-ми лет Берман получал отсрочки на законном основании.

3. Мы, к сожалению, не располагаем медицинской и иной документацией, послужившей основанием для упомянутых отсрочек, и поэтому попытаемся рассмотреть все предусмотренные законом причины, по которым Берман мог и должен был быть освобожден от призыва:

а/ из публикуемой в настоящих материалах справки усматривается, что отцу Григория Бермана исполнилось 66 лет, а матери - 59 лет, т.е. они оба в соответствии с законом являлись нетрудоспособными и находились на его иждивении /сестра уехала в Израиль/.

Согласно ст. 34 Закона от 12.10.1967 г. "О всеобщей воинской обязанности" /"Ведомости Верховного Совета СССР", 1967 г., № 421/:

"Отсрочка от призыва на действительную военную службу по семейному положению предоставляется тем из призываемых, которые имеют на своем иждивении:

а/ нетрудоспособных отца или мать, если они не имеют других трудоспособных лиц, обязанных в соответствии с действующим законодательством доставлять им содержание, независимо от того, проживают они вместе с родителями или отдельно.

Нетрудоспособными родителями считаются: отец старше 60-ти лет и мать старше 55-ти лет".

Таким образом, уже по этой одной причине Г. Берман не подлежал призыву в армию.

Больше того, как это видно из приводимого ниже закона, он в мирное время, при указанных семейных обстоятельствах, должен был быть вообще освобожден от

действительной военной службы и зачислен в запас.

Итак, абзац 3-й, п. "г", ст. 34 Закона от 12.10.1967 года /см. выше/ "О всеобщей воинской обязанности" гласит:

"Отсрочка по семейному положению может предоставляться призванным до 27-и летнего возраста. Если они к 27-и летнему возрасту не потеряют права на отсрочку, то в мирное время эти лица освобождаются от действительной военной службы и зачисляются в запас".

Г. Берману ко дню его призыва /1972 г./ исполнилось 26 лет, его родители были живы, т.е. он не потерял права на отсрочку и таким образом этот призыв был осуществлен с грубым нарушением Закона.

Общеизвестно и не требует доказательств, что гражданин не может быть привлечен к уголовной ответственности за невыполнение обязанностей, если согласно закону он не должен был эти обязанности выполнять, ибо подлежал освобождению от них.

б/ после окончания средней школы Г. Берман поступил в высшее учебное заведение - педагогический институт - и, окончив его, работал вначале учителем, а в последнее время директором школы.

Имеются все основания предполагать, что и по этим причинам он в течение 8-и лет не был призван на действительную военную службу. Эти предположения находят свое подтверждение в нижецитируемой статье 35-й Закона от 12.10.1967 г. "О всеобщей воинской обязанности":

Ст. 35 гласит:

"Отсрочка от призыва на действительную военную службу для продолжения образования предоставляется:

а/ студентам дневных /очных/ высших учебных заведений"...

в/ Судя по тому, что Берману первоначально вменялась в вину симуляция болезни с целью освобождения от призыва на действительную военную службу, можно также предполагать, что, в числе других причин, и эта явилась основанием для восьмилетних отсрочек от воинской службы.

Ст. 36 гласит:

"Отсрочка от призыва на действительную военную службу по состоянию здоровья предоставляется юношам, признанным временно негодными к военной службе по болезни".

"Отсрочка от призыва по болезни может предоставляться в течение трех лет, после чего, в зависимости от состояния здоровья, граждане, получившие отсрочку, призываются на действительную военную службу, или зачисляются в запас, или признаются вовсе негодными к военной службе и исключаются с военного учета".

После предоставления Берману отсрочки по болезни /если таковая была предоставлена/, прошло более трех лет, в течение которых, как это видно из публикуемых материалов, он подвергался лечению в психоневрологическом диспансере.

При таких обстоятельствах Берман по закону должен был быть переведен в запас или полностью освобожден от действительной военной службы.

Все вышеизложенные основания /п.п. а,б,в/ исключали, если бы советские власти хотели соблюдать закон, возможность призыва Бермана в армию. Мы полагаем и уверены, что так и произошло бы, если бы не подача Берманом документов на выезд в Израиль.

Военный комиссар Киевского района города Одессы Дубовецкий, вызванный в суд в качестве свидетеля, показал, что получил специальный приказ Военного округа призвать Бермана в армию. Можно не сомневаться в том, что такой приказ был инспирирован органами КГБ, которые до этого заинтересовались Берманом в связи с подачей им заявления на выезд в Израиль и началом его активных действий по поддержанию деятельности еврейских активистов, борющихся за алию /Берман подписал несколько писем протеста против произвола советских властей в этом вопросе/. А поскольку, как известно, приказы в Советском Союзе не обсуждаются, в том числе и судебными органами, то призыв Бермана в армию и его осуждение в уголовном порядке в результате его отказа от этого незаконного призыва были предрешены.

Бермана в суде формально защищала адвокат Степанова, которая не удосужилась, а возможно и не хотела, найти доводы, свидетельствующие о незаконности привлечения ее подзащитного к уголовной ответственности. Она лишь ограничилась просьбой о снижении наказания, утверждая, что Берман заслуживает снисхождения, потому что якобы признал себя виновным и раскаялся в совершенных действиях. Хотя на самом деле Берман вины своей не признал и утверждал, что его обвинение необоснованно. Адвокат в этом деле грубо нарушила свои профессиональные обязанности, возложенные на нее законом и тем самым способствовала судебному произволу.

Статья 23-я Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик /Закон от 25.12.58 г. - см. "Ведомости Верховного Совета СССР", 1959 г. № 1, ст. гласит:

"Защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь".

Бездеятельность адвоката вовсе не оправдывает суд, вынесший неправосудный приговор по этому делу, равно как и вышестоящие судебные инстанции, оставившие этот приговор без изменений, потому что по советскому закону суд не вправе оставаться сторонним наблюдателем. Ему принадлежит активная роль не только в оценке доказательств, представленных сторонами, но и обязан "принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выяснить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства".

Таков закон, который нарочито и грубо был нарушен по делу Бермана, как впрочем и по другим аналогичным делам, публикуемым в настоящем сборнике. Пропасть в СССР между требованиями закона, теорией права и судебной действительностью так велика, что подчас удивляет наивность, а

X/ См. ст. 14 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик Ведомости Верховного Совета СССР, 1959 г., № 1, стр. 15.

может быть, сознательная деятельность теоретиков, про-должающих утверждать, что суды руководствуются, как пра-вило, законом и лишь в редких случаях по недоразумению или ошибке нарушают его.

В вышедшей в 1979 г. в издании Академии наук СССР те-оретической работе по советскому уголовно-процессуально-му закону член-корреспондент АН СССР М.С. Строгович про-должает в свойственной его прежним работам манере утвер-ждать, что уголовно-процессуальный закон в СССР неизб-лем и его строгое соблюдение характерно лишь для этой страны: "Уголовно-процессуальное законодательство явля-ется основой социалистической законности и деятельности следственных, прокурорских и судебных органов при рас-следовании и разрешении ими уголовных дел". x/

Неужели эти серьезные теоретики и ученые всерьез не замечают происходящего в жизни?

Нам представляется, что все замечая и видя, они по-вседневно выполняют задание советских властей, имеющее пропагандистское значение и заключающееся в оправдании творимого на деле беззакония.

Г. Берман и другие невиновные отбыли сроки лишения свободы в советских лагерях, и история не простит ни советской власти, ни ее теоретикам того, что они твори-ли и продолжают творить.

x/ "Советский уголовно-процессуальный закон и проб-лемы его эффективности", М., изд. "Наука", 1979, стр.3.

*ПРОЦЕСС
ЛАЗАРЯ ЛЮБАРСКОГО
/Ростов-на-Дону, 31.1-2.2.1973г./*

ПЕРЕД ПРОЦЕССОМ

В редакцию газеты "Правда"

Не имея возможности обратиться в отдельности к каждому из участников пресс-конференции "группы граждан СССР еврейской национальности", состоявшейся в г. Москве 4-го марта 1970 г., просим вас опубликовать настоящее открытое письмо на страницах вашей газеты.

Приложение: вышеупомянутое письмо на 4-х листах.

/подпись/ Л. Любарский, Ростов-на-Дону, проспект
Стачки 11, кв.38

/подпись/ И. Певзнер, Ростов-на-Дону, Халтуринский
пер. 55, кв.16

г. Ростов-на-Дону, 19 сентября 1970 г.

Открытое письмо

52 гражданам СССР еврейской национальности, участникам
пресс-конференции в г. Москве от 4 марта 1970 года

Прошло уже больше полугода с того времени, когда вами, 52 видными гражданами СССР еврейской национальности, была проведена в г. Москве пресс-конференция.

На этой пресс-конференции был, в частности, затронут вопрос о национальной жизни евреев в Советском Союзе. В ваших выступлениях этот вопрос нашел такие однозначные, чуть ли не "исторические" обобщения и выводы, к которым, мы уверены, будут еще долго возвращаться.

Итак, о национальной жизни евреев в Советском Союзе.

Вопрос был поставлен на пресс-конференции в связи с тем, что в Израиле, а также в ряде других стран, в

настоящее время проводится движение за содействие переселению желающих этого евреев из Советского Союза в Израиль.

Известно, что это движение исходит из того положения, подтвержденного международными конвенциями, что каждый человек имеет право свободно избирать себе гражданство и жить в том или ином государстве и, что в Советском Союзе не существует более условий для национальной жизни евреев.

Задача пресс-конференции в этой части, вероятно, заключалась в том, чтобы опровергнуть эту точку зрения и доказать наличие как условий, так и самой национальной жизни.

Что же на самом деле доказала пресс-конференция?

- Что в Советском Союзе нет ни одной еврейской школы;
- что в Советском Союзе издаются на идиш: один центральный ежемесячный литературно-художественный журнал, одна областная газета /Дер Биробиджанер штерн/ и несколько книг в год;
- что в Советском Союзе существуют 3-4 гастрольные группы артистов /Шварцер, Гузик, Ройтман/.

Но, доказавши это, вы пытались с трибуны этой пресс-конференции доказать еще кое-что!

Описывая "богатую" национальную жизнь евреев в Советском Союзе, вы сообщили нам, что последняя еврейская школа была закрыта в 1949 году, потому что "... дети евреев и их родители в Еврейской автономной области поставили вопрос о совместном обучении евреев и русских..." /Бокар/.

Из полувекового опыта возрождения в Советском Союзе ранее угнетавшихся национальностей и народностей с их языками и национальной культурой вам должно быть известно, что национальная школа - это язык, история и культура данной нации, что, в свою очередь, является выражением наличия самой нации.

Евреи России, не говоря об их исторической связи с евреями других стран и с древней историей Израиля, имеют свою многовековую историю, на протяжении которой была создана богатая национальная культура. Эта культура ко времени победы Октябрьской революции объединяла свыше пяти миллионов евреев России и находила свое выражение в

тысячах еврейских школ, многочисленных издательств, театров и других национальных институтов /см. "Еврейскую Энциклопедию" в 16-ти томах, изданную в Петербурге/.

В последующие годы социалистическая по содержанию национальная культура евреев получила свое дальнейшее развитие. Это явилось естественным результатом освобождения от "черты оседлости", где она покоилась на общественной самостоятельной инициативе самих евреев.

И вот, "... добровольно закрыта последняя школа...".

Отныне еврейская национальная культура, как выражение еврейской национальности и ее национальной жизни в Советском Союзе, будет "доживать" лишь в памяти тех, кому она близка. Эстафету национальной культуры передавать некому. Желających ее принять в новом поколении нет.

Это ваше заявление с бесстыдной откровенностью конкретизирует И. Брагинский в статье "Классовая сущность сионизма", напечатанной в газете "Правда" в том же марте 1970 года. Он пишет: "... как показал исторический опыт, подавляющее большинство еврейского населения СССР избрало путь совместного труда и проживания в среде других советских народов. Естественно, что при этом происходит процесс ассимиляции значительных групп еврейского населения. Смешанные браки, овладение русским, украинским, белорусским языками как родными, изживание религиозных и националистических предрассудков способствовали тому, что этот процесс проходит в условиях социалистического строя абсолютно добровольно".

Вот что вы - "группа граждан СССР еврейской национальности", как вас именуют в преамбуле к вашему заявлению, - стремились доказать на пресс-конференции.

Вот что вы, люди, добровольно внушившие себе чувство принадлежности к другому народу, перенесли на остальные 2,5 миллиона евреев СССР.

Вот что вы пытались возвести в категорию объективности, predeterminedенную всем ходом развития истории.

То, перед чем тысячелетняя история гонения евреев, с крестовыми походами и инквизицией, с погромами и кампаниями тотального уничтожения, оказалась бессильной, - по вашему клятвенному заверению сделали сами евреи добровольно, в течение всего лишь каких-нибудь пятидесяти лет, т.е. на глазах одного поколения.

Таким образом, по-вашему, в условиях СССР евреи оказались нежизнеспособными в национальном отношении.

Из какого места сокровищницы марксизма-ленинизма черпали вы вдохновение и материалистическое подтверждение вашим идеям?

Позволительно спросить, почему в период полного национального расцвета всех народов СССР, когда за те же 50 лет возникли новые национальные культуры ряда народов, насчитывающих порой всего лишь несколько тысяч человек и не имевших до революции даже письменности, с евреями произошел процесс...абсолютно добровольной ассимиляции?

Не находите ли вы, что возводя все это в категорию объективного, вы на деле доказываете, что само создание Еврейской автономной области должно было подтвердить дальнейшую неспособность евреев к национальной жизни в СССР?

Возникает законный вопрос: "Зачем вам понадобилось хоронить заживо 2,5 миллиона человек, в паспортах которых еще значится слово еврей?"

Но, полно!

Хватит, академик Строгович, называть стремление желающих переселиться в Израиль - "сионистским расизмом", ибо Ваша "личная точка зрения", что не следует выпускать евреев из Советского Союза, т.е. обрекать их на дальнейшее "добровольное" национальное вырождение, есть не что иное как именно расизм!

Хватит, поэт Долматовский, говорить о том, что в литературном институте учатся евреи, ибо отныне из его стен смогут выйти лишь поэты - "евреи" по паспорту, но не еврейские поэты!

Хватит, генерал Драгунский, подменять вопрос о национальной жизни евреев, за которую отдала свою жизнь Ва-ша, священной памяти мать, - заявлениями о том, что в Советском Союзе "...нет погромов, нет черты оседлости...!!"

Хватит, колхозник Егудин, ворошить память погибших от фашизма двух миллионов советских евреев и в качестве панацеи от антисемитизма проповедывать на деле забвение своего еврейского происхождения!

Хватит, гражданин Бокор, "...выражать гневное возмущение от всех граждан еврейской национальности", так как отказавшись от еврейской школы, Вы тем самым отказались быть евреем!

Хватит, генералы, академики и народные артисты, называть себя Советскими Евреями! Ведь из еврейских деятелей мы увидели на пресс-конференции разве только Вергелиса, редактора журнала - нет, не еврейского, а только на языке идиш, не отражающего никакой еврейской национальной жизни и с таким же успехом могущего издаваться на бенгальском, непальском, китайском и, даже, тарабарском языках!

Мы считаем, что ваша пресс-конференция достигла прямо противоположных результатов:

- во-первых, она показала полное отсутствие возможности в Советском Союзе жить еврейской национальной жизнью, что является высшей формой национального угнетения - моральным геноцидом;

- во-вторых, вместо проповеди ассимиляции, она для строящих будущее евреев, прозвучала набатом, пробуждающим их национальное самосознание.

Таким образом, того не желая, вы оказали огромную услугу многим евреям, которые до недавнего времени подвергали себя "абсолютно добровольному процессу ассимиляции", и которым вы, ценою личного позора, вернули эмоциональное и духовное счастье считать себя евреями.

Заканчивая свое письмо, мы можем со всей откровенностью констатировать, что мы не видим никакой разницы между вами и теми громилами с "водкой и луком", для защиты от которых в темное царское время создавались героические отряды еврейской самообороны.

/подпись/ Л. Любарский

/подпись/ И. Певзнер

г. Ростов-на-Дону, 19 сентября 1970 г.

Любарский Лазарь Моисеевич
Проспект Стачки, 11, кв. 38

Певзнер Иосиф Давидович
Халтуринский переулок, 55, кв. 16

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

Ростов-на Дону

28 сентября 1970 г.

Ст. следователь по особо важ. дел. Управления КГБ СМ СССР по Ростовский области капитан Бабушкин, нач. отделения УКГБ майор Калмыков и ст. о/уполном. капитан Бейлин с участием понятых Орехова Владимира Петровича, проживает г. Ростов, ул. Островского 62, ком. 219, Пшунова Михаила Асламбековича, прожив. ул. Островского № 62, ком. 115 и в присутствии Любарского Лазаря Моисеевича по поручению следотдела УКГБ по Ленинградской области с соблюдением требований ст.ст. 168, 170-177 УПК РСФСР произвел обыск в квартире Любарского Лазаря Моисеевича, проживающего в гор. Ростов-на-Дону, проспект Стачки, дом 11, кв. 38.

В соответствие со ст.ст. 135 и 169 УПК РСФСР выше перечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий. Понятым, кроме того, разъяснена их обязанность удостоверить факт, содержание и результаты обыска.

Обыск начат в 12 час. 50 мин.

Перед началом обыска следователем было предъявлено постановление об этом от 24 сентября 1970 г., после чего гр. Любарскому Л.М. было предложено выдать отыскиваемые предметы, документы и ценности самоиздатовскую и сионистскую литературу, ценности.

Из литературы Любарский выдал копию письма, напечатанного на машинке, адресованного У Тану, после чего был произведен обыск.

В результате обыска обнаружено:

1. Копия письма Генеральному секретарю Организации Объединенных наций господину У Тану, отпечатанная на пишущей машинке на 2-х страницах стандартной бумаги серого цвета. Указанное письмо выдано Любарским.

2. Три листа стандартной бумаги серого цвета с записями на одной стороне каждого листа фиолетовым красителем. На первом листе первая строчка написана красным красителем и начинается словами "Мы помним обвинения...", заканчивается словами: "...законность в СССР на". Второй лист начинается словами: "Сегодняшний день", оканчивается

словами: "...национально сознающую себя часть -". Третий лист начинается словами: "Это зло", оканчивается: "Новосибирск 73, ул. Блюхера 61, кв. 60".

3. Желтая папка для бумаг, картонная с белыми тесемками. В папке находится различная переписка: письмо в белом конверте с маркой в правом верхнем углу. Марка сиреневого цвета. На конверте адрес: "Ув. Любарскому Л.М. Ростов-на-Дону, пр. Стачки 11, кв. 38 СССР. В конверте вложены три листа белой бумаги, один лист начинается словами: "Тель-Авив 18/8 1970", заканчивается словами: "Ваш навеки друг Соломон". Текст письма исполнен синим красителем. Другой лист белой бумаги в линейку исполнен, по заявлению Любарского, на еврейском языке. Запись на листе с обеих сторон. Третий лист представляет собой половину стандартного листа, исписанного синим красителем с обеих сторон, начинается словами: "У них теперь" и заканчивается на обороте: "И мы переживем".

4. Конверт желтого цвета с адресом "Любарский Лазарь Мойсеевич г. Ростов до востребования, РСФСР, далее надпись идет на иностранном языке". В нижнем левом углу марка голубого цвета с изображением крылатого оленя. В конверте находятся десять цветных почтовых открыток. Открытки на оборотной стороне надписей не имеют, в этом же конверте имеются пять цветных почтовых открыток, на обратной стороне которых имеются тексты писем. На четырех открытках эти письма исполнены синим красителем и начинаются словами: "Дорогой Леня". На пятой открытке текст письма исполнен красным красителем и начинается словами: "Родная Роза". Фоторепродукция подсвечника с семью свечами. На обороте карточки поздравление Лени с новым годом.

5. Семь конвертов без вложений, адресованных Любарскому Л.М.; на конвертах много марок иностранного производства.

6. 14 фотографий групповых и одиночных, изображающих мужчин и женщин, а также две репродукции с картин художника Кузковского.

7. Два листа стандартной белой бумаги, заполненные с обеих сторон текстом на иностранном языке, один лист помечен датой 6.У, а второй датой 14.У. На обороте второго листа приписка на русском языке начинается словами: "Дорогой Леня", оканчивается словами: "Жму лапу, Галя".

8. Три листа белой бумаги в линейку, два исписаны синим красителем, один красным. Текст исполнен на иностранном языке.

9. Половина стандартного листа серой бумаги с текстом на иностранном языке. Текст исполнен синим красителем.

10. Листок из перекидного календаря от 8.П.1969г. На обороте листа синим красителем перечислены наименования городов и населенных пунктов.

11. Клочок газеты, на котором фиолетовым красителем написаны шесть имен.

12. Две фотографии 9х12 см., на одной изображен старик со старухой, а между ними девочка, на второй фотографии изображена группа в 7 человек в комнате.

13. Фотография одноэтажного дома, на переднем плане два дерева.

14. Полоска белой бумаги шириной 5 см., на которой красным красителем написаны еврейские имена.

15. Сборник песен в зеленом переплете на 298 пронумерованных страницах. Книга издана в США в 1961 году под редакцией Самуила Бугача. Книга на еврейском языке.

16. Пасхальное поздравление. На лицевой стороне нарисована семья за праздничным столом. Внутри надпись: "А фрейлахн песах. Желаем Вам радостную и веселую пасху. Евреи США - евреям СССР. Мы вас не забыли". Ниже этой надписи - надпись синим красителем на иностранном языке.

17. Песенник на еврейском языке, изданный в Израиле в 1967 году. Песенник на 29 печатных страницах в мягкой белой картонной обложке. На лицевой стороне обложки написано: "Песенник" и слово на еврейском языке.

18. Книга в черном переплете на 140 страницах на древнееврейском языке.

19. Книга в темнозеленом переплете на 139 страницах. Книга обернута в красную бумагу. Рамбам. Его жизнь, научная и философская деятельность. Сочинение Елина. Издана в Варшаве в 1898 г.

20. Открытое письмо 52 граждан ^{х/} СССР еврейской национальности, участникам пресс-конференции в г. Москве 4.Ш.70г. Письмо исполнено на четырех листах белой стандартной бумаги на печатной машинке. Подписано Любарским и Певзнер. Препроводительная к этому письму в редакцию газеты "Правда" подписана Любарским и Певзнер. Препроводительная также отпечатана на пишущей машинке. Первые экземпляры письма и препроводительной отсутствуют.

21. Молитвенник в черном хлорвиниловом переплете на еврейском языке на 802 страницах.

22. Книга в черном дермантиновом переплете на английском языке, издана в Нью-Йорке в 1925 г. Книга на 399 страницах.

23. Книга в черно-зеленом переплете на еврейском языке. Название книги написано и на русском языке: "Гаасиф. Еврейский историко-литературный и промышленный сборник". Издан в Варшаве в 1884 г.

24. Блокнот в клеточку размером 8,5х19 см. в зеленоватой картонной обложке на 45 листах. Первые 8 листов исписаны карандашом и синим красителем. Последние два листа записаны синим красителем. Остальные листы чистые.

25. Общая тетрадь в линейку в коричневом дермантиновом переплете. 28 листов тетради исписаны синим и фиолетовым красителем. 56 листов чистых. В тетрадь вложены различные листы бумаги с записями синим, зеленым и красным красителем. Всего в тетрадь вложено 14 исписанных листов.

26. Общая тетрадь в коричневом дермантиновом переплете на 72 листах в клеточку. 23 листа исписаны синим, фиолетовым и черным красителем. Остальные листы чистые. В тетрадь вложены три листа бумаги, исписанные зеленым и синим красителем, а также вложены две вырезки из газет.

27. Полоска белой бумаги размером 29х2 см. с написанным адресом: "Сорокауская 23, кв. 3 Лейбошиц Рахиль Израилевна".

^{х/} В тексте протокола обыска ошибка.
Должно быть - Открытое письмо 52-м гражданам...

28. Половина стандартного листа белой бумаги с адресом: Москва Б-76, ул. Стромынка 7, кв. 61 Круковец Майя Миша тел. 268-20-29.

29. Пять различных листов бумаги с записями синим, фиолетовым и зеленым красителем, а также отрывок от конверта "авиа" с обратным адресом: Кишинев 28, ул. Демократическая 6/1, кв. 3 Чумаченко Я.Б.

30. Книга в мягком дерматиновом переплете коричневого цвета. Название книги: "Пятикнижие Моисеево", издано Вильна 1914 г. Книга на еврейском и русском языках на 560 страницах.

31. Алфавитный блокнот 6х11 см. в голубом хлорвиниловом переплете, на многих страницах блокнота имеются адреса.

32. Блокнот в желтом хлорвиниловом переплете размер 10х17 см. В блокноте имеются записи на русском и еврейском языках.

33. Блокнот в темнокоричневом дерматиновом переплете размер 7х9,5 см. В блокноте записи синим и фиолетовым красителем.

34. Три фотопленки в фабричной упаковке, на 2 коробках надпись "Фото-130", на одной - "Фото-65". По заявлению Любарского фотопленки не экспонированы.

35. Две фотографии размером 9х12 см., на которых изображены линии высоковольтных электропередач.

36. Двадцать четыре кассеты с магнитофонной лентой. Лента на кассетах намотана не равномерно. Кассеты пронумерованы с № 1 по № 24, на конце магнитной ленты Любарский расписался шариковой ручкой, поставил дату 28.9.70г. и номер кассеты. 16 кассет рассчитаны на 350м. магнитной ленты, 1 кассета на 500м. ленты, 5 кассет на 250 метров и 2 кассеты по 180м.

Найденные предметы /документы/, ценности, перечисленные в протоколе с № 1 по № 36 были предъявлены понятым и присутствующему при обыске Любарскому Лазарю Моисеевичу, опечатаны в один сверток печатью № 525 КГБ Кирг.ССР и изъяты для последующего осмотра и приобщения к делу.

На имущество принадлежащее - наложен арест.

При обыске фотографирование не производилось.

Жалобы, заявления, претензии по поводу произведенного обыска - не поступило.

Протокол нам прочитан. Записано правильно. Замечания для внесения в протокол - не имеются.

Обыск окончен в 19 часов 10 минут.

Ст. следов. по ос. важ. д. УКГБ при СМ СССР
по Ростовской области

капитан /подпись/ /Бабушкин/

Начальник отдела УКГБ при СМ СССР
по Ростовской области

майор /подпись/ /Калмыков/

При обыске присутствовали:

Ст. о/уполн.

капитан /подпись/ /Бейлин/

/подпись/ /Орехов/

Понятые:

/подпись/ /Пшунов/

При обыске присутствовал и копию протокола обыска
получил

/подпись Любарского/ /подпись/

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
тов. ПОДГОРНОМУ Н.В.

Копия: НАЧАЛЬНИКУ УМВД РОСТОВСКОЙ ОБЛ.

12-го февраля с.г. Начальник ОВИР УМВД по Ростовской области сообщил мне решение начальника УМВД об отказе мне в выезде на постоянное место жительства в гос. Израиль.

Настоящим обращаюсь к Вам для пересмотра моего заявления и его положительного решения в соответствии с основами советского законодательства и всемирно признанной Декларацией Прав Человека.

Дальнейшая длительная задержка в Советском Союзе лиц, возбудивших ходатайство о выезде в гос. Израиль, не имеет никакого смысла, как для этих лиц, так и для Советского Союза.

Более того, такая задержка наносит, в первую очередь, прямой ущерб государству по следующим основным причинам.

1. Люди, принимающие решение о выезде в гос. Израиль, немедленно лишаются доверия по месту работы; круг вопросов, которыми они занимаются, резко сокращают и сужают; эффективность их производственной деятельности ограничивают.

2. Такие люди оказываются окруженными, с одной стороны, атмосферой презрения /несмотря на то, что вопросы изменения гражданства юридически законны и не противоречат марксистско-ленинской теории и Международному коммунистическому движению/, а с другой стороны, возбуждают к себе повышенный интерес, симпатии, любопытство в отношении исхода дела.

И действительно, советский человек, воспитанный в духе равноправия в отношении условий для национальной жизни, объективно в состоянии расценить стремление евреев, желающих выехать из Советского Союза /где в настоящее время нет ни одной еврейской школы/ в гос. Израиль также естественно, как репатриацию "запорожцев за Дунаем" из Турции в Советский Союз или переезд, в свое время, немцев из бывшей Восточной Пруссии в Германию.

3. Люди, которым отказывают в выезде в гос. Израиль, сразу становятся в поле зрения как наиболее прогрессивной демократической мировой общественности, так и экстремистских кругов, настроенных враждебно к Советскому Союзу.

В первом случае страдает престиж Советского Союза, вследствие отказа евреям в законном стремлении к их национальным идеалам.

Второй случай, который правительство Израиля официально и решительно осудило, влечет за собой большие неприятности для отдельных советских лиц и коллективов, а порой даже осложнения между Советским Союзом и другими государствами.

4. Стремление в гос. Израиль вызвано естественной необходимостью в национальной жизни, такой жизни, какой живут во всех национальных автономиях Советского Союза, когда постоянно обеспечивается как текущее национальное развитие, так и преемственность нации, во всей ее исторической взаимосвязи.

Отсутствие условий для такой жизни у евреев, для которых ассимиляция неприемлема, вынуждает их самостоятельно, во имя самосохранения изучать еврейский язык, всемирную историю евреев, ее многотысячелетнее культурное наследие.

Все это часто отождествляется, к сожалению, с наиболее реакционным антисоветским настроением, что чревато постоянной опасностью быть обвиненным в "пропаганде сионистских идей", "клевете на Советский Союз" и др.

Имеющие место случаи отчаянного поведения отдельных евреев приводят их иногда в психбольницу или на скамью подсудимых. Однако их стремление в гос. Израиль от этого только усиливалось /единичные отступления слабовольных и беспринципных людей не могут восприниматься всерьез/.

Само собой разумеется, что государство не может в одно мгновение решить вопрос о выезде иногда даже одной семьи. Но и другой крайности также не должно быть, особенно когда она необъективна: например, отказ мне в выезде к двоюродному брату, т.е. не к прямому родственнику, - в то время как во многих других городах такие выезды разрешаются.

Стремление советских евреев в гос. Израиль, происходящее в настоящее время, войдет в мировую историю страницей самоотверженной борьбы за самосохранение, и будет всегда изучаться грядущими поколениями мира в тесной взаимосвязи с условиями, в которых это движение происходило.

Священный долг Советского Союза способствовать этому историческому движению.

Любарский Лазарь Моисеевич /подпись/

г. Ростов-на-Дону,

пр. Стачки 11,

кв. 38

февраль 1971г.

В КОМИТЕТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

Прошло уже полгода с тех пор, как в результате обыска, у меня были изъяты 24 магнитофонных пленки с записями еврейских песен, ряд художественных книг на языке иврит, два еврейских песенника и др. До настоящего времени эти материалы мне не возвращены. В выезде в Израиль мне отказано. Мало того, что в Ростове-на-Дону не имеется никаких условий для еврейской национальной и культурной жизни, изъяты у меня материалы, тщательно собираемые и хранимые в течение десятилетий, полностью лишили меня и мою семью возможности жить той, хотя-бы, внутренней национальной еврейской культурной жизнью, без которой жизнь становится вообще немыслимой.

В связи с изложенным, прошу вашего содействия в разрешении мне скорейшего выезда в Израиль и возвращении всех материалов, изъятых у меня при обыске.

Любарский Лазарь Моисеевич
Ростов-на-Дону, пр. Стачки 11, кв.38.

22 марта 1971 г.

03-3 СССР

Управление Комитета
государственной безопасности при
Совете Министров СССР

РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

21 марта 1971 г.

г. Ростов-на-Дону

ПРОКУРОРУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА
ГОРОДА РОСТОРА НА ДОНУ

товарищу СИДОРОВУ В.А.

Здесь

Копия: ГРАЖДАНИНУ ЛЮБАРСКОМУ Л.А.,
проживающему гор.Ростов, пр.Стачки
дом 11, кв.38

При этом направляется по принадлежности заявление
гражданина ЛЮБАРСКОГО от 22.3.71г.

ПРИЛОЖЕНИЕ: заявление.

ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ КГБ

(В.ЗАБАСУРОВ)

ПРОКУРОРУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ
тов. СМРНОВУ В.А.

от Любарского Л.М., прожив.
г. Ростов, пр. Стачки 11, кв. 38

В связи с проходящим в настоящее время еврейским национальным праздником освобождения - Пасхи - вторично прошу вернуть мне материалы, необходимые для соблюдения исторических традиций, связанных с этим праздником, в т.ч.: Библию, Легенду о пасхе и др.

Указанные материалы были у меня изъяты незаконно 28 сентября 1970 г. во время обыска, произведенного у меня на квартире по так называемому "Ленинградскому делу", к которому я не имел никакого отношения, что и подтвердилось результатами обыска.

Праздник Пасха продолжается до 17 апреля.

Любарский /подпись/

13.4.71 г.

Вручено 13.4.71 г.

В НАРОДНЫЙ СУД ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА г. РОСТОВА-НА-ДОНУ

Истец: Любарский, Лазарь Моисеевич, прожив.
г. Ростов, пр. Стачки 11, кв. 38

Ответчик: Смирнов, Владимир Андрианович, прокурор железнодорожного района города Ростова-на-Дону.

Об оскорблении, выразившимся в
умышленном унижении чести и достоинства.

Заявление

В распоряжении тов. Смирнова В.А. имеется ряд моих личных вещей, относящихся главным образом к материалам еврейской национальной культуры. В связи с еврейским праздником Пасхи, имевшим место с 10 по 17 апреля с.г., я обратился к тов. Смирнову 8 апреля устно, а 13 апреля письменно с просьбой выдать мне Библию и Легенду о Пасхе, необходимые мне для соблюдения исторических традиций, связанных с этим праздником.

В ответ тов. Смирнов заявил мне, что ничего страшного, если я не отмечу этот праздник в этом году и что такой праздник будет еще в будущем году. Мое заявление тов. Смирнову о том, что Библия и Легенда о Пасхе не имеют никакого отношения к делу, по которому мои личные вещи находятся в его распоряжении, а также о том, что его отказ является сознательным национальным оскорблением, - не возымело никакого действия.

Отказ в выдаче мне указанных материалов является сознательным актом, приведшим к срыву проведения Пасхи в нашей семье. При этом ответ тов. Смирнова глубоко оскорбил мое национальное достоинство и осквернил историческую двухтысячелетнюю национальную святыню моего народа, праздник Пасхи.

Действия тов. Смирнова полностью подпадают под ст. 131 УК РСФСР - об оскорблении, т.е. умышленном унижении чести и достоинства личности, - в связи с чем прошу привлечь его к судебной ответственности.

К настоящему заявлению прикладываю копию вышеупомянутого заявления на имя тов. Смирнова от 13 апреля с.г.

Любарский /подпись/

21.4.71 г.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ТОВАРИЩУ ПОДГОРНОМУ Н.В.**

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР ТОВАРИЩУ РУДЕНКО

28 сентября 1970 г. в результате обыска, произведенного в моей квартире, у меня был изъят ряд материалов, относящихся, главным образом, к материалам еврейской национальной культуры, в т.ч.:

- 24 магнитофонных пленок с записями преимущественно еврейской музыки;
- несколько книг на языке иврит;
- 2 еврейских песенника;
- Библия на языках иврит и русском и др.

Обыск был произведен у меня вскоре после подачи заявления для получения разрешения на выезд в Израиль. Основанием для обыска явилось так называемое "Ленинградское

дело¹¹, к которому я не имел никакого отношения, что и подтвердилось результатами обыска. Однако до настоящего времени изъятые материалы мне не возвращены, что грубо лишило меня и мою семью возможности жить традиционной еврейской культурной жизнью.

В разрешении на выезд в Израиль мне уже дважды отказано. Изъятие у меня материалы полностью лишили меня и мою семью отметить традиционные исторические еврейские праздники - Ханука, Пурим и Песах /пасха/, праздники, которые уже более двух тысячелетий евреи отмечают как праздники свободы и непоколебимой веры в будущее.

В январе и марте с.г. я обращался устно, а 23 марта в письменной форме в УКГБ по Ростовской области по поводу возвращения мне изъятых материалов. В полученном мною 7 апреля письменном ответе сообщается, что мое заявление направлено прокурору Железнодорожного района города Ростова н/Д. "по принадлежности".

На мое двукратное обращение к прокурору о возврате мне хотя бы части материалов, необходимых для проведения традиционного, начинающегося 10 апреля, праздника Песах, мною получен отказ.

В связи с тем, что Библия общепризнанно относится к ценнейшим сокровищам как еврейской национальной, так и общемировой культуры и не может рассматриваться как "антисоветчина", отказ в ее выдаче к празднику я расцениваю как умышленный акт, направленный на срыв проведения этого праздника, как издевательство над запросами еврейской национальной культуры. Этот акт глубоко унижает мое национальное достоинство, оскверняет историческую двухтысячелетнюю национальную святыню - праздник Песах, и в целом представляет собой ничем неприкрытый акт национальной дискриминации и притеснения.

В связи с изложенным, выражаю резкий протест и требую немедленного возвращения изъятых материалов.

Со своей стороны, учитывая нанесенное мне, ничем не оправданное, тяжелое оскорбление, подпадающее под статью 131 УК РСФСР, "об оскорблении, т.е. умышленном унижении чести и достоинства личности", я счел необходимым обратиться в народный суд о привлечении прокурора Железнодорожного района к судебной ответственности.

Одновременно прошу пересмотреть немотивированные отказы в разрешении на выезд в Израиль, полученные мной уже дважды и разрешить мне и моей семье выехать в Израиль в ближайшее время.

/подпись/ /Л. Любарский/

21.4.71г.

Любарский Лазарь Моисеевич - г.Ростов-на-Дону, 34
пр.Стачки,11, кв. 38.

ПРОКУРОРУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА г.РОСТОВА-НА-ДОНУ
тов. СМИРНОВУ В.А.

от подозреваемого в преступлении по
ст.190-1 УК РСФСР Любарского Л.М., про-
живающего г.Ростов-на-Дону, пр.Стачки,
11, кв. 38

Заявление

1-го июня 1971 г. во время допроса в качестве подозреваемого следователем тов. Андросовым был мне показан перевод моего письма, написанного мной на языке иврит моему родственнику, проживающему в Израиле. Письмо датировано 15-ым августа 1970 г. и отправлено в тот же или на следующий день, т.е. за месяц и 12-13 дней до произведенного у меня обыска.

Прошу дать объяснение по поводу факта нарушения тайны переписки, неопровержимо вытекающего из вышеуказанного.

Любарский /подпись/

1.6.71г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
тов. ПОДГОРНОМУ Н.В.

от Любарского Лазаря Моисеевича, г.Ростов-
на-Дону, пр. Стачки, 11, кв. 38

Я обращаюсь к Вам в связи с преследованием, которому я и моя семья подвергаемся со стороны органов КГБ и прокуратуры вот уже около года. Началось это после моего обращения в ОВИР по вопросу выезда в Израиль.

28-го сентября 1970 г. последовал обыск с санкции Ленинградского прокурора по "Ленинградскому делу". В результате обыска были изъяты исключительно материалы еврейской национальной культуры, которые до настоящего времени не возвращены. С тех пор я являюсь "подозреваемым в преступлении" по статье 190-1 УК РСФСР.

Два судебных процесса, проведенных по "Ленинградскому делу" в декабре 1970 г. и мае 1971 г. подтвердили мою полную непричастность к этому делу.

Я подвергался допросу по "Рижскому делу". Прошедший в мае 1971 г. Рижский процесс говорит о моей непричастности также и к "Рижскому делу".

Я подвергался допросу по "Кишиневскому делу", по которому судебный процесс еще не начинался. Но какая-либо причастность моя к Кишиневскому делу также не обнаружена.

Что же установлено в результате обыска, десятков допросов и бесед в органах КГБ, Прокуратуры, военкомате, партийных инстанциях?

Установлено неукротимое желание выехать в Израиль, жить вместе со своей семьей в сфере еврейской национальной культуры. Но об этом я сам заявлял в своих неоднократных заявлениях на выезд в Израиль в соответствии с советскими и международными законами.

Почему же возникшее недоразумение с "пришитым" мне ярлыком "подозреваемого в уголовном преступлении" в конце концов не исправить и извиниться за столь длительные и огромные переживания, доставленные мне и моей семье? Почему с упорством, достойным лучшего применения, продолжают угрозы, устраиваются ловушки на допросах, твердят, что еврейские песни типа "Золотой Иерусалим" являются антисоветскими?

Почему изо дня в день вся переписка моей семьи, в том числе и исходящая, подвергается постоянному наблюдению в нарушение охраняемой государством тайны переписки, что неопровержимо установлено и доказано мной в прокуратуре? /Заявление в прокуратуру прилагается/

Почему все мои преследования распространяются на мою двадцатилетнюю дочь, которой уже неоднократно отказано в самостоятельном выезде в Израиль?

Обращаюсь к Вам с просьбой положить конец преследованиям, которым моя семья подвергается столь длительное время. Наше стремление в Израиль не сокрушат никакие преследования и лишения.

Выпустите меня и мою семью в Израиль!

Любарский /подпись/

Июнь 1971 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ о прекращении уголовного дела

г.Ростов-на-Дону

28 июля 1971 г.

Следователь прокуратуры Железнодорожного района г.Ростова-на-Дону Котовский, рассмотрев материалы уголовного дела № 18868 в отношении Любарского Лазаря Моисеевича,

УСТАНОВИЛ:

1. В сентябре 1970 года Любарский изготовил текст открытого письма 52 гражданам СССР еврейской национальности, участникам пресс-конференции в городе Москве от 4-го марта 1970 года. В данном письме сообщается, что в Советском Союзе не существует более условий для национальной жизни евреев. Кроме того, сообщается, что свыше 5 млн. евреев в царской России имели все возможности для культурной жизни - это выразилось в тысячах еврейских школ, многочисленных издательствах, театрах и других национальных институтах.

В настоящее время полностью отсутствует возможность в Советском Союзе жить еврейской национальной жизнью, что является высшей формой национального угнетения - моральным геноцидом.

2. Любарский Л.М. с радиозэфира "Голоса Израиля" изготовил магнитофонную запись обращения к Генеральному Секретарю ООН У Тану, в котором говорится, что евреи, оказавшиеся по воле исторической случайности в СССР и стремящиеся жить на земле Израиля, годами бесплодно бьются в глухую стену, взывая: "Отпустите нас домой". Подобную запись ЛЮБАРСКИЙ изготовил в письменном виде.

3. ЛЮБАРСКИЙ Л.М. изготовил запись на листе бумаги на языке идиш,^{х/} в которой говорится, что Советы хотели обмануть евреев со всего света образованием еврейской национальной области, чтобы евреи со всего света добровольно дали бы советской власти деньги. Чтобы евреи ехали в далекий Биробиджан выстроить для советского рая Питом и Рамзей. Хотя Советы и писали, что все имеют одинаковые права, однако евреи остались проклятыми рабами "Фараона". Евреи бедствуют со всеми мучениями, никто из них не знает еврейской письменности.

То есть ЛЮБАРСКИЙ Л.М. совершил преступление, предусмотренное ст. 190-1 УК РСФСР.

Учитывая, что деяние ЛЮБАРСКОГО Л.М. потеряло характер общественной опасности, руководствуясь ст. 6 УПК РСФСР -

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Уголовное дело в отношении ЛЮБАРСКОГО Лазаря Моисеевича - ПРЕКРАТИТЬ.

2. Выдать гр-ну ЛЮБАРСКОМУ следующие предметы, как не имеющие никакого отношения к данному делу:

1. Три фотографии, сборник песен издательства США, 1961 года.

2. Песенник на еврейском языке, изданный в Израиле в 1957 году.

3. Книга в черном переплете на 140 стр. на древнееврейском языке.

4. Книга - сочинение Елина, издано в Варшаве в 1898г.

5. Молитвенник на еврейском языке.

6. Книга, изданная в Нью-Йорке в 1925 году.

7. Книга на еврейском языке - Варшава, 1884 год.

^{х/} Стихи смотри на следующей странице.

8. Книга "Пятикнижие Моисеево", изд. Вильна, 1914г.
 9. Алфавитный блокнот.
 10. Три фотопленки: "ото-130", "фото-64", "фото-130".
3. Остальные вещественные доказательства хранить при уголовном деле № 18868.

Следователь прокуратуры
Железнодорожного района
г.Ростова-на-Дону

/подпись//Котовский/.

אוי מיר ווייסן און מיר ווייסן

וואס פון דעם, אוי, איז געווארן
ווייסן אלע דאך,
אווה פארלאפן זיינען יארן
מיט א גרויסן בראך.

כאטש סאוועט האט אנגעשריבן
ס'האבן אלע רעכט,
זיינען מיר נאך אלץ געבליבן
פרעה'ס וויסע קנעכט.

און מיר בידעווען, אוי אלע
ביי דעם אלדאס ביז,
מען טאר נישט וויסן פון קיין אלעף
און וואס איז א ביח.

ווערן קינדערלעך דערצויגן
אוי מיט גוים גלייך,
ווער זיי זיינען - נאר די אויגן
זיי באדייען אייך.

ס'האבן אלע אונדז געשלאגן,
אוי פארגאס, פארברענט,
ווער קען וויסן, ווער קען זאגן
ווען א סוף דאס נעמט.

אוי מיר ווייסן און מיר ווייסן
אוי דעם פשט פון דעם
דער סאוועט, אוי האט געהייסן
אונדז קיין בירא גיין.

בירי-בירי-בירי-באס...

זאגט, ווער קען דעם זין פארהוילן
און דעם מיין דערפון,
דער סאוועט האט אונדז באפוילן
"טראגט זיך אפ אהין".

מען האט געוועלט גענארן יידן
פון דער גאנצער וועלט
זיי זאלן געבן, אוי מיט גוטן
די סאוועטן - געלט.

ס'זאלן יידן זיך פאיהווען
אין דעם ווייסן קראי
פחוס רעמסס אויפצובויען
פאר סאוועטסקי ראי.

האבן זיי זיך נישט געריסן
אין דעם ווייסן ארט
ציונס אלטע שטאט, זאלסט וויסן
אז מיר האלטן ווארט.

ПРОКУРОРУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА г. РОСТОВА-НА-ДОНУ
СМИРНОВУ В.А.

от Любарского Л.М., проживающего
проспект Стачки, 11, кв. 38

9 августа 1971 года следователь Котовский объявил мне постановление о прекращении уголовного дела по ст. 190-1 УК РСФСР, возбужденного против меня после обыска, произведенного на моей квартире в сентябре 1970 года. При этом часть изъятых у меня при обыске материалов возвращается, а остальная часть - приобщается для хранения при уголовном деле. В качестве основания для прекращения дела прокуратурой принята статья 6 УПК.

Таким образом, из решения прокуратуры и как это записано в статье 6 УПК явствует, что в прошлом я совершал общественно опасные деяния, а в настоящее время, вследствие изменения обстановки, я перестал быть лицом общественно опасным.

Я категорически отвергаю какие-либо обвинения в свой адрес в незаконных деяниях, подпадающих под действие какой бы то ни было статьи Уголовного Кодекса. Ответственно заявляю, что никаких изменений в образе моих мыслей и действий за истекшее время не произошло.

Уголовное преследование, которому я подвергался в течение года, являлось результатом моего стремления в Израиль и проводилось исключительно по материалам еврейской национальной культуры и истории, изъятых у меня при обыске.

Единственным основанием для прекращения уголовного дела против меня может и должно быть отсутствие состава преступления.

Категорически протестую также против решения прокуратуры о невозвращении и хранении при моем уголовном деле двух общих тетрадей с еврейскими стихами и выписками из еврейской истории, а также 24-х магнитофонных пленок. Среди этих пленок, наряду с записями еврейской народной и классической музыки, имеются также две пленки с записями речи и песен в исполнении моей дочери в процессе ее развития от 2 и до 8 лет, т.е. вплоть до изъятия материалов при обыске.

Я требую постановления о прекращении уголовного дела против меня из-за отсутствия состава и возвращения всех изъятых при обыске вещей.

/подпись/ /Любарский/

9.8.71г.

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Отдел

гор. Ростов-на-Дону

„6“ *сентября* 1971 г.
№ *7-1183-20*

При ответе сослаться на и-№ и дату

Гр. ЛЮБАРСКОМУ Л.М.

г. Ростов н/Дону, пр.Стачки, 1 кв.38

По поступившей из прокуратуры СССР Вашей жалобе нами были проверены материалы уголовного дела расследованного прокуратурой железнодорожного района г. Ростова н/Дону.

Противоправности в действиях работников прокуратуры не усматривается.

ПРОКУРОР СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
М. Советник милиции

Зде (ЛАГУТИНА).

РРМ 10 300.118 - 10 000

ПРОКУРОРУ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА г.РОСТОВА-НА-ДОНУ
СМИРНОВУ В.А.

от Любарского Лазаря Моисеевича
г. Ростов, пр. Стачки, 11, кв. 38

Вторично выражаю Вам свое возмущение по поводу не-
возвращения материалов еврейской национальной культуры,
изъятых у меня при обыске в 1970 г., и решения о хране-
нии этих материалов при моем уголовном деле № 18868.
Незаконность этого решения очевидна из того, что стихи
еврейских поэтов и записи еврейской народной музыки не
могут иметь какого-либо отношения к "Ленинградскому де-
лу", по которому у меня был произведен обыск. Поэтому
невозвращение этих материалов я рассматриваю как непри-
крытый акт расовой дискриминации с Вашей стороны, на-
правленный на лишение возможности жить внутрисемейной
национальной жизнью.

В связи с приближающимися еврейскими праздниками, я
требую немедленной выдачи мне всех материалов. В про-
тивном случае я буду вынужден предпринять соответствую-
щие меры по изобличению антисемитской сущности Вашего
решения.

Любарский /подпись/

20.9.71г.

Гр-ну ЛИБАРСКОМУ Лазарю Моисеевичу,
проживающему по адресу: г.Ростов-на-Дону,
пр.Стачки, дом 11, кв.38.

По поручению Президиума Верховного Совета СССР Ваше заяв-
ление рассмотрено. Ваши претензии к органам госбезопасности
и прокуратуры, изложенные в заявлении, являются необоснован-
ными.

ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ КТБ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Х. Коровейников
(КОРОВЕЙНИКОВ)

"27" сентября 1971 г.

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА "ТЕАТР"

К ВОПРОСУ О ЕВРЕЙСКОМ КОНЦЕРТЕ

6-го июня 1971 г. в зале Ростовской-на-Дону филармонии должен был состояться еврейский спектакль "Колдунья" в исполнении гастрольного драматического коллектива под руководством В. Шварцера.

Производилась предварительная продажа билетов. Многие евреи ожидали спектакль как праздник. Ведь в последний раз в Ростове живое еврейское слово прозвучало со сцены два года назад, в мае 1969 года. Тогда во втором отделении концерта певица Клементина Шермель исполнила несколько еврейских песен...

Задолго до назначенного часа начала собираться публика. Шли пожилые люди, с трепетом в душе предвкушая увидеть сцены из еврейской жизни, которую они еще помнили из своего далекого прошлого. Шла молодежь, уже не заставшая на своем веку ни еврейских школ, ни еврейского театра, ни еврейской национальной жизни. Редко кто из этих молодых людей знал еврейский язык. Но и молодежь испытывала волнение от предстоящего еврейского вечера, от ожидания общения с еврейской аудиторией, от соприкосновения с отражением еврейской жизни прошлого...

Но... спектакль не состоялся "из-за неприбытия артистов" /?!\.

Билеты были возвращены в кассу. В недоумении и с неохотой расходились люди, унося с собой чувство непомерной горечи и обиды за отнятое у них свидание с прошлым, за то, что их лишили возможности соприкоснуться хотя бы на миг с тем, чего они в Советском Союзе никогда не увидят больше - с еврейской национальной жизнью.

Нет необходимости доказывать, что для тяжело переживающих неизбежную ассимиляцию евреев несостоявшийся спектакль - это издевательство типа "иди сюда - пошел вон", с отнятием того, что не может быть уже ничем восполнено, потому что другого еврейского эквивалента больше нет.

Неэтичность и оскорбительность этого случая очевидны. Имеют ли право партийные и советские органы допускать такое отношение к полностью лишенным условий национальной жизни евреям?

Невольно хочешь понять взгляды устроителей подобных "культурных мероприятий". Их мысли мне представляются в следующем виде:

- Кому это нужно, чтобы в наши дни со сцены звучало еврейское слово, чтобы это слово напоминало евреям об их происхождении, вызывало у них ассоциации с Израилем и напоминало им о том, что они обречены на геноцид - национальную смерть.
- С точки зрения официальной платформы в отношении евреев и Израиля это не нужно и может иметь лишь пагубные последствия.

Если таковы их мысли, а упрямые факты говорят, что они, вероятнее всего, таковы, то это страшно, но не только для евреев, а также и для того общества, которое проводит подобные "мероприятия".

Л. Любарский

Ростов-на-Дону, пр. Стачки,
11-38

5 марта 1972г.

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

г. Ростов н/Д.

18 июля 1972 г.

Помощник следователя прокуратуры Железнодорожного р-на г. Ростова н/Д. Андросов с участием понятых Кузнецовой Татьяны Моисеевны, проживающей г. Ростов н/Д., Калинина, 27-а, кв. 54 и Домбради Ольги Валентиновны, проживающей г. Ростов н/Д., Русская, 38 и в присутствии Любарского Лазаря Моисеевича и инспектора службы Железнодорожного РОВД ст. л-та милиции Егорова с соблюдением требований ст.ст. 169-171, 176 и 177 УПК РСФСР произвел обыск у Любарского Лазаря Моисеевича в квартире № 38 дома № 11 пр. Стачки г. Ростов н/Д. с целью отыскания и изъятия материалов, имеющих значение по делу.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных действий. Понятым, кроме того, разъяснена на основании ст. 135 УПК РСФСР их обязанность удостоверить факт, содержание и результаты обыска.

Обыск начат в 15 час. 30 мин., окончен в 18 час. 45 мин.

Перед началом обыска следователем было предъявлено постановление об этом, от 18 июля 1972 г., после чего Любарскому Лазарю Моисеевичу было предложено выдать материалы клеветнического содержания на советский государственный и общественный строй. Любарский Л.М. заявил, что таких материалов у него нет и ему нечего давать.

В связи с этим был произведен обыск у Любарского Л.М. в квартире № 38 дома 11 пр. Стачки г. Ростова н/Д.

При обыске обнаружено и изъято: Два альбома с фотографиями в светло-сером переплете; тетрадь 206х143, запись в тетради начинается "18 мая 1972 г." оканчивается "... такие натиски"; общая тетрадь /в клетку/, запись в тетради начинается "Я. Вы говорите", оканчивается "существование"; общая тетрадь /в клетку/, запись начинается "В настоящее", оканчивается "Ленина 42". Две общих тетради - листы разлинованы в клетку, обложка песочного цвета; три конверта, 4 письма; письмо, адресованное Ивану Романовичу на 8 листах, конверт; корешки листов нетрудоспособности с № 043809 по 043818 - всего 10 штук. Удостоверение № 149 на имя Любарского Л.М.; записная книжка в переплете голубого цвета.

Дописанному "обложка" верить
/три подписи/

Заявления и замечания, сделанные понятыми и присутствующими - нет.

Протокол оглашен следователем, записано правильно.

Понятые /подпись/ /подпись/

Присутствующие /подпись/

Пом. прокурора /подпись/

Копию протокола получил 18 июля 1972 г.

Любарский /подпись/

"УТВЕРЖДАЮ"
ПРОКУРОР РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ГО-
СУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
Ш КЛАССА

47

/ПЕРЦЕВ/

20 декабря 1972 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по уголовному делу № 18868 сс по обвинению **ЛЮБАРСКОГО**
Лазаря Моисеевича по ст. 190-1, 75 ч. 1 УК РСФСР

1 апреля 1971 года прокуратура Ростовской области
возбудила уголовное дело в отношении **ЛЮБАРСКОГО** Лазаря
Моисеевича по признакам ст. 190-1 УК РСФСР.

28 июня 1971 года прокуратура Железнодорожного района
г. Ростова-на-Дону прекратила уголовное дело по ст. 6
УПК РСФСР.

26 июня 1972 года прокуратура Ростовской области по-
становление о прекращении данного уголовного дела отме-
нила и уголовное дело направила прокурору Железнодорож-
ного района г. Ростова-на-Дону для окончания расследова-
ния.

Расследованием установлено:

В течение 1970-1972 годов обвиняемый **ЛЮБАРСКИЙ** Лазарь
Моисеевич в силу сионистских убеждений систематически
распространял в устной форме заведомо ложные измышления,
порочащие советский государственный и общественный строй,
а также изготавливал и распространял произведения такого
же содержания.

В сентябре 1970 года в г. Ростове н-Д. **ЛЮБАРСКИЙ** Ла-
зарь Моисеевич совместно с **ПЕВЗНЕРОМ** Иосифом Давидовичем
изготовил текст открытого письма 52 гражданам СССР ев-
рейской национальности, участникам пресс-конференции в
г. Москве, содержащее клеветнические измышления, пороча-
щие национальную политику Советского Союза. Текст письма
ПЕВЗНЕР размножил в 4-х экземплярах на пишущей машинке,
затем он и **ЛЮБАРСКИЙ** подписали их и направили два экзем-
пляра в редакцию газеты "Правда", а по одному экземпляру
оставили себе.

В сентябре 1970 года в г. Ростове-на-Дону у себя на квартире ЛЮБАРСКИЙ Л.М., слушая передачи радиовещательной станции Израиля, записал с эфира на магнитофонную пленку обращение к Генеральному секретарю ООН, содержащее клеветнические измышления о внутренней советской национальной политике.

Затем ЛЮБАРСКИЙ с магнитофонной записи изготовил рукописный текст обращения, ознакомил с ним ПЕВЗНЕРА и дал ему его размножить.

В 1970 году в г. Ростове-на-Дону ЛЮБАРСКИЙ Л.М. из передачи радиовещательной станции Израиля на магнитофонную пленку записал на языке идиш стихотворение о Биробиджане клеветнического содержания о советской внешней и внутренней национальной политике.

В январе 1972 года в г. Москве ЛЮБАРСКИЙ Л.М. совместно со СЛЕПАКОМ, ЯХОТОМ, ФИНКЕЛЬШТЕЙНОМ и другими подписал письмо, адресованное межпартийному комитету членов английского парламента по защите советского еврейства и содержащее клеветнические измышления, порочащие внешнюю и внутреннюю национальную политику СССР. Текст письма был передан на русском языке 23 января 1972 года радиовещательной станцией Израиля.

В октябре 1971 года в г. Ростове ЛЮБАРСКИЙ Л.М. совместно с ПОЛЬСКИМ, ЯХОТОМ, СЛЕПАКОМ и др. подписал текст письма, адресованного Председателю Президиума Верховного Совета СССР и содержащего клеветнические измышления о советской внутренней национальной политике. Текст письма был передан на русском языке радиовещательной станцией Израиля 23 декабря 1971 года.

В октябре 1971 года в г. Москве ЛЮБАРСКИЙ совместно с ПОЛЬСКИМ, ПОЛЬСКОЙ, РУТМАНОМ подписал текст письма, адресованного президенту Израиля, еврейской общественности всех стран, 28-му всемирному сионистскому конгрессу, содержащее клеветнические измышления о советской внутренней национальной политике. Текст письма был передан на русском языке 17 января 1972 года радиовещательной станцией Израиля.

В январе 1972 года в г. Москве ЛЮБАРСКИЙ совместно с ЯХОТОМ, БЕГУНОМ, ШАПИРО и другими подписал текст письма, адресованного в Политбюро ЦК КПСС, содержащее клеветнические измышления о советской внутренней национальной политике. Текст письма был передан 10 мая 1972 года

радиовещательной станцией Израиля на русском языке.

В августе 1971 года в мае-июне 1972 года в г. Ростове-на-Дону у себя на квартире ЛЮБАРСКИЙ Л.М. изготовил рукописные тексты клеветнического содержания о внешней и внутренней национальной политике СССР /т.2, л.д. 86-87; т.1, л.д. 245,247; т.2, л.д. 169,170, 172-176/.

В течение 1971-72 годов ЛЮБАРСКИЙ Лазарь Моисеевич в г. Ростове-на-Дону в южном отделении "Энергосетьпроект", среди работников этого отделения в устной форме распространял клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Работая в южном отделении "Энергосетьпроект" и имеющий по работе доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, ЛЮБАРСКИЙ Л.М. 18 июля 1968 года в гор. Ростове-н/Д, в южном отделении "Энергосетьпроект", из помещения, где хранятся эти сведения, вынес документ с содержанием сведений, составляющих государственную тайну и ознакомил с этим документом МОВСЕСЯНА В.А., заведомо зная, что он не имеет доступа к секретным работам и документам.

В мае-июне 1971 года в квартире № 38 дома № 11 по пр. Стачки в г. Ростове-на-Дону ЛЮБАРСКИЙ Л.М. в своем личном блокноте записал сведения, составляющие государственную тайну, а затем эти записи прочитал гр-ке ПАЛЬЧИК С.Г., заведомо зная, что она не имеет доступа к секретным работам и документам. Кроме того, заведомо зная, что члены его семьи не имеют доступа к секретным работам и документам, оставив указанный блокнот с данными записями без присмотра в своей квартире, тем самым дал возможность своей жене ПЕВЗНЕР Г.Я. ознакомиться с содержанием записей блокнота, в которых имелись сведения, составляющие государственную тайну.

Привлеченный в качестве обвиняемого по ст. 190-1, 75 ч.1 УК РСФСР, ЛЮБАРСКИЙ Лазарь Моисеевич виновным себя не признал, но показал, что:

В сентябре 1970 года в г. Ростове-на-Дону он совместно с ПЕВЗНЕРОМ И.Д. изготовил текст открытого письма к 52 гражданам СССР еврейской национальности, участникам пресс-конференции в г. Москве. Текст этого письма ПЕВЗНЕР размножил на пишущей машинке, а затем, подписав вместе с ним /Любарским/ два экземпляра, отправили в редакцию газ. "Правда" и по одному экземпляру оставили для себя.

В 1970 году у себя на квартире, слушая передачи радиовещательной станции Израиля, с эфира записал на магнитофонную ленту стихотворение о Биробиджане на языке идиш. Затем текст этого стихотворения переписал на лист бумаги. Все это он делал без какой-либо цели.

В сентябре 1970 года у себя на квартире, слушая передачи радиовещательной станции Израиля, записал на магнитофонную ленту обращение к Генеральному секретарю ООН. Затем изготовил рукописный текст этого письма и, ознакомив с ним гр-на ПЕВЗНЕРА И.Д., передал ему для размножения. Звукозапись и рукопись он изготовил только с одной целью - лучше осмыслить содержание.

В январе 1972 года и в октябре 1971 года в г. Москве совместно с евреями, желающими выехать в Израиль, он подписал тексты писем, адресованных Председателю Президиума Верховного Совета СССР, в Политбюро ЦК КПСС, президенту Израиля, еврейской общественности всех стран, 28-му всемирному сионистскому конгрессу. Эти письма он подписал для того, чтобы тем самым оказать содействие в смягчении меры наказания в отношении евреев, привлеченных к уголовной ответственности в Ленинграде, Риге, Кишиневе, ускорить получение разрешения на выезд в Израиль.

В августе 1971 года у себя на квартире он изготовил рукописный текст, начинающийся словами: "После войны наступление против еврейства носило уже неприкрытый ликвидационный характер" /т. 2, л.д. 86-87/. Эту рукопись он составил бесцельно, вспоминая свое пребывание в гор. Гори.

В мае 1972 года у себя на квартире он изготовил рукописные тексты, начинающиеся словами: "Я решительно протестую и довожу до Вашего сведения" "28/5-72 Подгорному". В этих записях он изложил свое мнение об аресте 8-ми евреев города Москвы, действия которых исходили исключительно из их национальных соображений.

В июне 1971 года у себя на квартире он изготовил рукописный текст, начинающийся словами: "Я. Зачем Вы искажаете действительность..." /т. 2, л.д. 172-176/. Эту запись он сделал, чтобы еще раз пережить содержание разговора, при котором он находился в состоянии возбуждения. Считает, что содержание этой записи, сделанной им в тетради, утрированное и не до конца объективное.

В мае-июне 1971 года у себя на квартире он сделал запись в блокноте, содержание которой по заключению комиссии представляет государственную тайну. Блокнот с этими записями у него находился на письменном столе и в шкафу. ПАЛЬЧИК С.Г. эту запись не читал, не знает, знакомилась ли его жена ПЕВЗНЕР Г.Я. с содержанием этого блокнота.

18 июля 1968 года он, заведомо зная, что МОВСЕСЯН не имеет доступа к секретным работам и документам, показал ему секретный документ. Он это сделал для того, чтобы получить консультацию у МОВСЕСЯНА по интересующему его вопросу, связанному с содержанием этого документа /т.4, л.д. 111-123, 149-160/.

Вина обвиняемого ЛЮБАРСКОГО Л.М. по делу доказана полностью: показаниями свидетелей, вещественными доказательствами, заключением комиссий, заключением криминалистической экспертизы.

Допрошенный в качестве свидетеля СЛЕПАК В.С. показал, что в 1971-1972 годах в г. Москве он подписывал коллективные письма, адресованные Председателю Президиума Верховного Совета СССР, в Политбюро ЦК КПСС, президенту Израиля, еврейской общественности всех стран, 28-му всемирному сионистскому конгрессу. Он считает, что так как эти письма коллективные, то все, кто их подписывал, являются соавторами /т. 2, л.д. 244-253, 254-261/.

Аналогичные показания /показаниям СЛЕПАКА В.С./ дали свидетели: ПОЛЬСКИЙ В.Г. /т. 2, л.д. 265-271/, ПРЕСТИН В.М. /т. 2, л.д. 276-286/, РУТМАН Р.Ш. /т. 2, л.д. 287-291/, КОРЕНФЕЛЬД Л.М. /т. 2, л.д. 292-297/.

Кроме того, факт подписания ЛЮБАРСКИМ коллективных писем клеветнического содержания подтверждается выписками из передач радиовещательной станции Израиля /т.1, л.д. 267, 268-269, 270-271, 272-273/, магнитофонными записями этих передач /кассета № 25/.

Из показаний свидетелей ШАРИКОВА В.Н. /т.3, л.д.190-191/, КЛЕВЛЕЕВА М.З. /т.3, л.д.192-193/, НЕЧЕПУРЕНКО В.И. /т.3, л.д.194-196/, ТАРНОПОЛЬСКОГО Г.М. /т.3, л.д. 197-198/, БУРОВА И.Я. /т.3, л.д. 199-200/, ШИЯНОВА А.Т./т.4, л.д.82-83/, СЛЮСАРЕВА В.И. /т.4, л.д. 91-92/ явствует, что обвиняемый ЛЮБАРСКИЙ Л.М. в 1971-1972 годах в южном отделении "Энергосетьпроект" среди сотрудников распространял в устной форме клеветнические измышления, порочащие

внешнюю и внутреннюю национальную политику Советского государства.

Факт изготовления ЛЮБАРСКИМ открытого письма 52 гражданам СССР еврейской национальности клеветнического содержания о внутренней национальной политике Советского Союза подтверждается протоколом обыска /т.1, л.д.9-13/, протоколом осмотра предметов, изъятых при обыске /т.1, л.д.14-60/, двумя сопроводительными письмами в редакцию газеты "Правда" /т.1, л.д. 103,104/, двумя письмами с обращением к 52 гражданам СССР еврейской национальности /т.1, л.д. 105-112/, объяснением ПЕВЗНЕРА И.Д., из которого явствует, что указанное письмо изготовлено им совместно с Любарским Л.М. /т.1, л.д. 76-78/.

Факт изготовления ЛЮБАРСКИМ звукозаписи и рукописи обращения к Генеральному секретарю ООН и факт распространения этого обращения, в котором содержится клеветническое измышление на внутреннюю национальную политику Советского Союза, подтверждается: протоколами обыска /т.1, л.д. 9-13/, протоколом осмотра изъятых предметов /т.1, л.д. 14-60/, магнитофонной записью /кассета № 14/, магнитофонным текстом обращения /т.1, л.д. 101-102/.

Факты изготовления ЛЮБАРСКИМ рукописного текста в августе 1971 года, мае-июне 1972 года, в которых содержатся клеветнические измышления о внешней и внутренней национальной политике Советского государства и записанные в общих тетрадях и блокноте /т.2, л.д. 86-87,163,170, 172-176; т.1, л.д. 245,247/, подтверждаются протоколом обыска /т.2, л.д. 2-3/, протоколом осмотра предметов, изъятых при обыске /т.2, л.д. 14-18/, общими тетрадями и блокнотом с записями, изъятymi при обыске на квартире ЛЮБАРСКОГО /т.2, л.д. 14-200/; заключением криминалистической экспертизы /т.2, л.д. 251-254/, из которой явствует, что текст, содержащийся в трех общих тетрадях и блокноте написан обвиняемым ЛЮБАРСКИМ Л.М.

Из заключений комиссий при южном отделении "Энергосетьпроект" и при Министерстве энергетики и электрификации СССР усматривается, что в записях, сделанных ЛЮБАРСКИМ в личном блокноте и в документе, с которым он ознакомил МОВСЕЯНА, имеются сведения, составляющие государственную тайну /т.3, л.д. 259-260,265/.

Кроме того, это подтверждается перечнем сведений, составляющих государственную тайну по МЭ и Э СССР /т.3, л.д. 267/, справкой о содержании разглашенного документа /т.3,

л.д. 221/. Согласно заключению криминалистической экспертизы, все записи в блокноте произведены обвиняемым ЛЮБАРСКИМ Л.М. /т.3, л.д. 251-254/.

Факт разглашения сведений, составляющих государственную тайну, обвиняемым ЛЮБАРСКИМ подтверждается показаниями свидетелей: МОВСЕЯНА В.А. /т.3, л.д. 189/, ЧЕРНОЖУКОВОЙ Н.В. /т.3, л.д. 178-180/, КОРНЕЕВОЙ М.Г. /т.3, л.д. 181/, ПЕВЗNER Г.Я. /т.4, л.д. 76-81/, ПАЛЬЧИК С.Г. /т.3, л.д. 183-188/, следственным экспериментом /т.4, л.д. 73-75/.

На основании изложенного: ЛЮБАРСКИЙ Лазарь Моисеевич, года рождения 1926, 9 мая, уроженец города Бельцы, Молдавской ССР, еврей, б/п., образование высшее, женат, работал ст. инженером в 10-ом отделении "Энергосетьпроект", в/обязанный, не судим, прож. г. Ростов н/Д., пр.Стачки, 11, кв. 38.

Обвиняется в том, что он в течение 1970-72 годов систематически распространял в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а также изготавливал и распространял произведения такого же содержания, так:

В сентябре 1970 года в г. Ростове н/Д. он совместно с ПЕВЗNERом Иосифом Давыдовичем изготовил, размножил и распространил текст открытого письма 52 гражданам СССР еврейской национальности, участникам пресс-конференции в г. Москве от 4 марта 1970 года, в котором содержатся клеветнические измышления, порочащие национальную политику Советского Союза.

В сентябре 1970 года в г. Ростове н/Д. он изготовил звукозапись обращения к Генеральному секретарю ООН, содержащее клеветнические измышления, порочащие внешнюю и внутреннюю национальную политику Советского Союза. Затем с звукозаписи он изготовил рукописный текст этого стихотворения, ознакомил с ним ПЕВЗNERа и дал ему возможность размножить этот текст.

В 1970 году в г. Ростове н/Д. у себя на квартире он изготовил рукописный текст стихотворения о Биробиджане на языке идиш, содержащего клеветнические измышления, порочащие внешнюю и внутреннюю национальную политику Советского Союза.

В январе 1972 года в г. Москве он совместно со

СЛЕПАКОМ, ЯХОТОМ, ФИНКЕЛЬШТЕЙНОМ и другими изготовил текст письма, адресованного межпартийному комитету членов английского парламента по защите советского еврейства, содержащего клеветнические измышления, порочащие внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. Текст этого письма был передан на русском языке 23 января 1972 года радиовещательной станцией Израйля.

В октябре 1971 года в г. Москве он совместно с ПОЛЬСКИМ, ЯХОТОМ, СЛЕПАКОМ и др. изготовил текст письма, адресованного Председателю Президиума Верховного Совета СССР, содержащего клеветнические измышления, порочащие внутреннюю национальную политику Советского Союза. Текст этого письма был передан на русском языке радиовещательной станцией Израйля 23 декабря 1971 года.

В октябре 1971 года в г. Москве он совместно с ПОЛЬСКИМ, ПОЛЬСКОЙ, РУТМАНОМ и другими изготовил текст письма, адресованного президенту Израйля, еврейской общечественности всех стран, 28-му всемирному сионистскому конгрессу, содержащего клеветнические измышления, порочащие национальную политику Советского Союза. Текст этого письма был передан на русском языке 17 января 1972 года радиовещательной станцией Израйля.

В январе 1972 года в г. Москве он совместно с ЯХОТОМ, БЕГУНОМ, ШАПИРО и другими изготовил текст письма, адресованного в Политбюро ЦК КПСС, содержащего клеветнические измышления, порочащие внутреннюю национальную политику Советского Союза. Текст письма был передан на русском языке 10 мая 1972 года радиовещательной станцией Израйля.

В августе 1971 года в г. Ростове н/Д. у себя на квартире он изготовил рукописный текст, начинающийся словами: "После войны наступление против еврейства носило уже неприкрытый ликвидационный характер..." и заканчивающийся словами: "... и продолжающийся и сейчас" /т.2, л.д. 86-87/. В данном тексте содержатся клеветнические измышления, порочащие внутреннюю национальную политику Советского Союза.

В мае 1972 года в г. Ростове н/Д. у себя на квартире он изготовил рукописные тексты, начинающиеся словами: "Я решительно протестую", заканчивающиеся словами: "23/5-72г. Любарский", начинающиеся словами "Довожу до Вашего сведения...", заканчивающиеся словами: "... раз-

решения на выезд в Израиль. 25/5-72. Любарский" /т.1, л.д. 245,247; т.2, л.д. 163/ и текст, начинающийся словами: "28/5 Подгорному", заканчивающийся словами: "... общепринятых международных законах. Любарский" /т.2, л.д. 170/. В данных текстах содержатся клеветнические измышления, порочащие внешнюю и внутреннюю национальную политику Советского Союза.

В июне 1972 года в г. Ростове н/Д. у себя на квартире он изготовил рукописный текст, начинающийся словами: "Я. Зачем Вы искажаете действительность...", заканчивающийся словами: "... который отсидел 3 года" /т.2, л.д. 172-176/. В тексте содержатся клеветнические измышления, порочащие внешнюю и внутреннюю национальную политику Советского Союза.

В течение 1971-72 годов в г. Ростове н/Д. в южном отделении "Энергосетьпроект" среди работников этого учреждения: ШАРИКОВА, КЛЕВЛЕЕВА, НЕЧЕПУРЕНКО, ТАРНОПОЛЬСКОГО и др. распространял клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 190-1 УК РСФСР.

Квалифицирующими признаками совершенного ЛЮБАРСКИМ преступления являются: систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй; изготовление и распространение произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

ЛЮБАРСКИЙ Л.М., являясь работником южного отделения "Энергосетьпроект" и имеющий на работе доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, 18 июля 1968 г. в г. Ростове н/Д. в южном отделении "Энергосетьпроект", из помещения, где хранятся эти сведения, вынес документ, в котором содержались сведения, составляющие государственную тайну, и ознакомил с этим документом гр-на МОВСЕЯНА, заведомо зная, что он не имеет доступа к секретным работам и документам.

Кроме того, в мае-июне 1972 года в квартире № 38, д. № 11, по пр. Стачки в г. Ростове н/Д. Любарский в своем личном блокноте записал сведения, составляющие государственную тайну, а затем эти записи прочитал гр-ке ПАЛЬЧИК С.Г., заведомо зная, что она не имеет доступа к секретным документам. А также, заведомо зная, что члены

его семьи не имеют доступа к секретным работам и документам, оставив указанный блокнот с указанными записями без присмотра в своей квартире, тем самым дал возможность своей жене ПЕВЗНЕР Г.Я. ознакомиться с содержанием записей блокнота, в которых имелись сведения, составляющие государственную тайну.

Таким образом, ЛЮБАРСКИЙ Л.М. нарушил существующую ведомственную инструкцию ст.ст. 5,7"а", "б"; ст. 8 "д", "р" и разгласил сведения, составляющие государственную тайну, согласно ст.ст. 20,22,34 перечня сведений, составляющих государственную тайну, подлежащих засекречиванию по МЭ и Э СССР и подведомственным ему организациям, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 75 ч. 1 УК РСФСР.

Настоящее дело на основании ст. 36 УПК РСФСР подсудно Ростовскому областному суду.

Обвинительное заключение составлено на основании ст. 205 УПК РСФСР в г. Ростове н/Д. 20 декабря 1972 г.

Помощник прокурора железнодорожного района

г. Ростова н/Д.

/подпись/ /Андросов/

"Согласен"

Прокурор

Железнодорожного р-на г. Ростова н/Д.

Советник юстиции

/подпись/

/Смирнов/

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

ЛЮБАРСКОГО ЛАЗАРЯ МОИСЕЕВИЧА

/Краткий очерк/

Дело Лазаря Любарского слушалось 31.1.1973 г. в Ростовском областном суде в закрытом судебном заседании.

Состав судебной коллегии:

Председательствующий	- ТРОСТ Р.М.
Народные заседатели	- ВИНЮКРОВА Е.А.и НЕЧЕСОВ А.С.
Обвинение поддерживал	- прокурор ЗАКИН И.П.
Защитник Любарского Л.	- адвокат КАМЫНИНА О.Д.

По делу было допрошено на следствии 16 свидетелей: 9 сотрудников по работе, 5 человек из Москвы /В. Польский, В. Престин, Слепак, Коренфельд и Рутман/, жена Любарского Певзнер Галина и знакомая Пальчик Света из Ростова.

Адвокат Любарского - Ольга Дмитриевна Камынина из Ростова имела специальный допуск для ведения секретных дел. Она получила возможность ознакомиться с делом только при подписании Любарским статьи 203 УПК РСФСР, т.е. после окончания следствия.

Адвокат заметила, что в деле отсутствует так называемый секретный документ, в рассекречивании которого обвиняется Любарский. Ее неоднократная просьба предоставить ей возможность повторно ознакомиться с делом была отклонена. Она также ходатайствовала о вызове в суд свидетелей из Москвы В. Польского и В. Престина, но и в этом ей было отказано.

Суд был назначен на 31 января 1973 года на 8 часов утра и продолжался в течение трех дней. Свидетельские показания были заслушаны на второй день. Среди девяти человек - сотрудников Любарского, которые были вызваны в качестве свидетелей, был Владимир Мовсесян - зав. сметного отдела института. Это единственный свидетель, который показывал на следствии о том, что Любарский говорил о каком-то секретном документе.

Во время суда, когда был впервые показан секретный документ и заключение экспертизы этого документа, Мовсесян заявил, что он не знаком с этим документом, т.к. разговор с Любарским шел о другом документе и совершенно другом объекте. Был ли секретным тот документ - он не знает.

Другим свидетелем из числа сотрудников была зав. отдела, где работал Любарский, Корнеева. Она давала совершенно путанные показания: то она говорила, что знает об этом документе, то - что она ничего не знает.

У других свидетелей спрашивали, допускал ли Любарский антисоветские высказывания. Никто из свидетелей не подтвердил, что Любарский высказывался против советской власти. Обвинение в антисоветских высказываниях отпало.

Следующим свидетелем была жена Любарского - Галина Певзнер.

ВОПРОС: Почему Вы хотите уехать в Израиль?

ОТВЕТ: Я хочу уехать, так как хочу, чтобы мои дети знали свою историю, свой язык, свою культуру, пели свои песни на родном языке, как это бывает у всех других народов.

ВОПРОС: Почему Вы раньше не хотели выехать в Израиль, а потом надумали?

ОТВЕТ: Я раньше тоже хотела выехать, но у меня были тяжелые обстоятельства: больные родители и др.

ВОПРОС: Но ведь у Вас и сейчас тяжело больные родители?

ОТВЕТ: Я это окончательно решила после первого обыска 28 сентября 1970 г. Для меня стало совершенно очевидным, что я обязана уехать - другого выхода нет, и для меня не существовало никаких других проблем.

ВОПРОС: Знаете ли Вы, что Ваш муж подписывал письма?

ОТВЕТ: Я знаю, что нам давали постоянно необоснованные, ничем не мотивированные отказы, и это вынуждало обращаться во все вышестоящие инстанции.

ВОПРОС: Согласны ли Вы, что в Советском Союзе существует опасность дискриминации лиц еврейской национальности?

ОТВЕТ: Я знаю только факты дискриминации. С тех пор, как мы подали просьбу о выезде, за нами установлены постоянные слежки. Мой муж Любарский неоднократно был арестован на срок от недели и более без всяких к тому оснований. Здесь, у здания суда присутствуют двое людей, которые хотели быть свидетелями по делу. Они вместе с моим мужем неоднократно незаконно задерживались и хотели об этом рассказать. Но несмотря на обоснованную просьбу адвоката допустить их, в качестве свидетелей, они не были допущены. ^{х/} Я также прошу их выслушать, если Вас действительно интересует эта проблема.

ВОПРОС: Показывал ли Ваш муж свой блокнот, в котором находилась запись беседы с начальством?

ОТВЕТ: Я не читаю личных блокнотов, у меня не было времени читать чьи либо записи, так как у нас

^{х/} Престин и Польский, которых суд отказался допросить в качестве свидетелей, все три дня находились около здания суда, а также присутствовали во время оглашения приговора.

дома много детей, и я еле успевала складывать их тетради.

ВОПРОС: Рассказывал ли Вам Ваш муж о своих служебных делах?

ОТВЕТ: Я не только не спрашивала мужа о его служебных делах, но даже толком не знала, чем он занимается.

Адвокат требовала полного оправдания Любарского по обоим, предъявленным ему обвинениям, мотивируя свою просьбу следующим:

- а/ что касается его жалоб, то ему не давали мотивированного ответа на отказы и он, как каждый советский человек, имел право обжаловать решения нижестоящих организаций в вышестоящую;
- б/ обвинение по статье 75 УК РСФСР совершенно не доказано, так как отсутствует первоначальный, якобы секретный, документ и, следовательно, нет заключения экспертизы о характере этого документа; поэтому неизвестно был ли он секретен. Документ, который был предъявлен на суде, - это совершенно другой документ, и он не опознан даже единственным свидетелем этого эпизода В. Мовсесяном.

Прокурор, который говорил 15 минут, утверждал, что все обвинение доказано заключением экспертизы и свидетельскими показаниями.

Суд вынес обвинительный приговор, по которому Любарский был осужден к 4-м годам лишения свободы.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

2 февраля 1973 года.

Судебная коллегия по уголовным делам Ростовского
Областного суда

в составе:

Председательствующего	- ТРОСТА Р.М.
Народных заседателей	- ВИНУКUROVой Е.А. и НЕЧЕСОВА А.С.
При секретаре	- ИВАНЧЕНКО Л.П.
С участием прокурора	- ЗАИКИНА И.П.
и адвоката	- КАМЫНИНОЙ О.Д.

в закрытом судебном заседании в городе Ростове н/Дону, рассмотрев уголовное дело по обвинению ЛЮБАРСКОГО Лазаря Моисеевича, 9 мая 1926 года рождения, уроженца гор. Бельцы Молдавской ССР, еврея по национальности, исключенного из членов КПСС, образование высшее, военнообязанного, не судимого, работавшего старшим инженером Южного отделения института "Энергосетьпроект", проживавшего в гор. Ростове н/Дону, проспект Стачки, дом № 11, кв. 38 в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 75 ч. 1 и 190-1 Уголовного кодекса РСФСР, -

УСТАНОВИЛА:

Подсудимый ЛЮБАРСКИЙ, будучи недовольным своим личным положением в советском обществе, в течение 1970-72 гг. занимался изготовлением и распространением в письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. В качестве способов распространения заведомо ложных измышлений им применялось изготовление и распространение письменных документов в виде писем, а также звукозапись.

В сентябре 1970 года подсудимый ЛЮБАРСКИЙ при содействии ПЕВЗНЕРА И.Д. изготовил текст открытого письма 52 гражданам СССР еврейской национальности и в целях распространения направил его в редакцию газеты "Правда" /л.д.л.д. 105-108, т.1/;

В сентябре того же года ЛЮБАРСКИЙ первоначально записал с эфира на магнитофонную пленку текст "обращения" к Генеральному секретарю ООН с заведомо ложными измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй, а затем при содействии ПЕВЗНЕРА И.Д. отпечатал его на пишущей машинке и распространил. Себе лично он оставил один экземпляр, а другие остались у ПЕВЗНЕРА /л.д.л.д. 101-102, т.1/;

В 1970 году подсудимый ЛЮБАРСКИЙ принял с эфира стихотворение "О Биробиджане" на языке "идиш", переданном радиостанцией Израиль. Впоследствии он изготовил рукописный текст вышеуказанного стихотворения, в котором содержались заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй /л.д.л.д. 131-132, т.1/;

Примерно в августе 1971 года ЛЮБАРСКИЙ в г. Ростове н/Дону, у себя на квартире изготовил рукописный текст с заведомо ложными измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй /л.д. 86-87, т.2/;

28 мая 1972 года ЛЮБАРСКИЙ также у себя на квартире изготовил текст письма, в котором содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй /л.д. 170, т.2/;

В конце июня 1972 года ЛЮБАРСКИЙ в своем блокноте изготовил текст письма с заведомо ложными измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй /л.д. 172-176, т.2/;

23 и 25 мая 1972 года подсудимый изготовил два текста с клеветническими измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй /л.д.л.д. 245 и 247, т.1, 163-обор., т.2/ и распространил их.

В октябре 1971 года и в январе 1972 года подсудимый ЛЮБАРСКИЙ вместе с другими лицами подписал коллективные письма на имя президента Израиля /л.д. 270-271, т.1/, а также советских органов /л.д. 268-269, 272-273, т.1/, в которых содержались заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Впоследствии вышеуказанные письма были переданы за границу, а 23 декабря 1971 года, 17 января и 10 мая 1972 г. их тексты на русском языке ретранслировались радиовещательной станцией Израиля.

По своему характеру изготовленные и распространенные подсудимым заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, сводились к клеветническим измышлениям о якобы существующей в СССР дискриминации граждан еврейской национальности;

18 июля 1968 года подсудимый ЛЮБАРСКИЙ, являясь главным инженером проекта Южного отделения института "Энергосетьпроект", предал огласке сведения, составляющие государственную тайну сослуживцу института МОВСЕСЯНУ, не имевшему допуск к секретным работам и документам /л.д. 221, т.3/;

26 мая 1972 года он же внес в свой блокнот также сведения, составляющие государственную тайну /л.д. 167 - оборот, т.2/.

Допрошенный в судебном заседании подсудимый ЛЮБАРСКИЙ в предъявленном ему обвинении по ст. 190-1 УК РСФСР виновным себя не признал, но не отрицал, что письмо на имя 52 граждан СССР еврейской национальности он изготовил и направил через редакцию газеты "Правда" с целью опровержения отдельных доводов участников пресс-конференции по национальному вопросу в отношении евреев; письма на имя президента Израиля, а также советских органов, которые впоследствии ретранслировались радиовещательной станцией Израиля, он подписывал; отдельные обстоятельства, изложенные в них его лично не касались, но так как они являлись коллективными, подписывал такие в полном объеме; "обращение" на имя Генерального секретаря ООН, а также стихотворение "О Биробиджане" с клеветническими измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй он принял с эфира, воспроизвел звукозапись и изготовил рукописные тексты, которые хранил у себя, но не знал, что за такие действия наступает уголовная ответственность; черновые записи у себя в тетрадях производил, но никуда их не направлял, так как не был убежден в объективности изложенных обстоятельств. Подсудимый подтвердил, что все действия он совершал только с целью ускорить разрешение его личного вопроса в соответствующих советских органах.

В предъявленном обвинении по ст. 75 ч.1 УК РСФСР подсудимый виновным себя не признал и показал, что кратковременная беседа с МОВСЕСЯНОМ по поводу полученного секретного письма об изменении объема капитальных вложений по отдельным объектам, а также произведенная им

запись в блокноте не привели к разглашению государственной тайны. ЛЮБАРСКИЙ утверждает, что его действия не могли привести к разглашению государственной тайны, так как по объекту, о котором давалось указание в разглашенном письме, а также произведенной им записи в блокноте по данному объекту, типовые проекты, сводный сметно-финансовый расчет составляются не секретно, а только по соответствующему шифру.

Он же показал, что содержание письма на имя межпартийного комитета английского парламента не знает и не помнит, чтобы подписывал такое письмо.

Проверив и оценив все собранные по делу доказательства, судебная коллегия пришла к выводу о виновности подсудимого ЛЮБАРСКОГО в изготовлении, распространении в письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а также в разглашении государственной тайны.

Вина ЛЮБАРСКОГО в изготовлении и распространении в письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй подтверждена следующими доказательствами:

личными показаниями подсудимого, которыми он подтвердил, что письмо 52-м гражданам СССР еврейской национальности изготовлено им и направлено в редакцию газеты "Правда"; что он произвел звукозапись "обращения" к Секретарю ООН, а также стихотворения "О Биробиджане" и изготовил рукописные тексты к ним; что он подписал письма на имя президента Израиля, а также советских органов; что он произвел у себя в тетрадях отдельные записи о национальной политике в Советском Союзе;

судебно-криминалистической экспертизой /л.д. 251-253, т.3/, которой установлено, что рукописные тексты писем /л.д. 86-87, 170 и 172.176, т.2/ выполнены подсудимым;

вещественными доказательствами: открытым письмом 52-м гражданам СССР еврейской национальности, сопроводительными письмами в двух экземплярах к нему /л.д.л.д.103-112, т.1/, копией письма "обращения" к Генеральному секретарю ООН, обнаруженной на квартире /л.д. 101-102, т.1/, текстом стихотворения "О Биробиджане" на языке "идиш", изготовленным подсудимым /л.д.131, т.1/, магнитофонной пленкой, на которой воспроизведена запись "обращения"; личными письмами подсудимого /л.д. 245 и 247, т. 1/;

выписками из передач радиовещательной станции Израиля /л.д. 268-273/.

Свидетели ШАРИКОВ, НЕЧЕПУРЕНКО, ШИЯНОВ, ТАРНОПОЛЬСКИЙ, БУРОВ подтвердили, что при проведении беседы с подсудимым ЛЮБАРСКИМ, последний утверждал, что передаваемые радиовещательной станцией Израиля письма, он действительно подписывал. В беседе подсудимый утверждал о фактах дискриминации евреев в Советском Союзе.

Свидетель ПЕВЗНЕР подтвердила, что она слышала содержание отдельных писем, передаваемых радиовещательной станцией Израиля, под которыми значилась фамилия ее мужа подсудимого ЛЮБАРСКОГО. При этом подсудимый утверждал, что такие письма подписывал с целью ускорения своего личного вопроса в советских органах.

Обстоятельства разглашения подсудимым сведений, составляющих государственную тайну подтверждены в судебном заседании следующими доказательствами:

записью, выполненной ЛЮБАРСКИМ в своем блокноте /л.д. 167-обор., т.2/ о назначении соответствующего объекта;

заключением судебно-криминалистической экспертизы, из которого видно, что рукописный текст в блокноте выполнен ЛЮБАРСКИМ.

Свидетель МОВСЕЯН подтвердил в судебном заседании, что летом 1968 года подсудимый ознакомил его с содержанием секретного письма, но в связи с чем и при каких обстоятельствах - не помнит. Свидетель показал также, что примерно через неделю после ознакомления с содержанием секретного письма, подсудимый сообщил, что получил за это взыскание, и по этому поводу ЛЮБАРСКОМУ было выражено соболезнование. Об объективности показаний свидетеля МОВСЕЯНА свидетельствуют следующие обстоятельства. Из материалов дела видно, что ЛЮБАРСКИЙ ознакомил МОВСЕЯНА с секретным письмом 18 июля 1968 года /л.д.217-218/, а взыскание на подсудимого наложено 23 июля 1968 года /л.д. 219, т.3/, с чем ЛЮБАРСКИЙ ознакомился 25 июля 1968 года.

Свидетель ЧЕРНОЖУКОВА подтвердила в судебном заседании, что подсудимый ЛЮБАРСКИЙ документ, который был разглашен, получил 18 июля 1968 года и удалился с ним за пределы места, отведенного для ознакомления с секретной

документацией. О том, что ЛЮБАРСКИЙ исследованный документ получил 18 июля 1968 года дважды свидетельствует журнал приема-сдачи секретной документации, который был предметом обозрения в судебном заседании. Никакие другие документы в спецчасти 18 июля 1968 года ЛЮБАРСКИЙ не получал.

Свидетель КОРНЕЕВА показала, что лично подсудимый сообщил ей, как начальнику отдела о том, что он нарушил Инструкцию по секретному делопроизводству и ознакомил с секретным документом МОВСЕСЯНА. Свидетель подтвердила, что впоследствии ей стало известно, что подсудимый ЛЮБАРСКИЙ разгласил соответствующее решение Главцентроэнерго, касающееся изменений объема капитальных вложений по ряду объектов. За поступок ЛЮБАРСКОГО ей в то время также было строго указано.

Вина подсудимого ЛЮБАРСКОГО в разглашении государственной тайны подтверждена также заключением комиссии Министерства энергетики и электрификации СССР /л.д.265, т.3/. Из данного заключения усматривается, что сведения, записанные в тетрадях ЛЮБАРСКИМ, а также изложенные в соответствующем решении Главцентроэнерго, утвержденного Зам. Министра энергетики и электрификации СССР, составляют государственную тайну.

Судебная коллегия считает, что действия подсудимого ЛЮБАРСКОГО подлежат квалификации по ст. 190-1 УК РСФСР по признакам изготовления и распространения в письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Обозрев в судебном заседании разглашенный документ в совокупности с записями, выполненными подсудимым в своем блокноте /л.д. 167-оборот, т.2/, судебная коллегия пришла к выводу, что сведения, разглашенные ЛЮБАРСКИМ в соответствии с п. 8 Постановления Совета Министров СССР от 28 мая 1956 года "Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону", составляют государственную тайну. Ведомственным положением /л.д. 267, т.3/ подтверждено, что сведения, содержащиеся в решении Главцентроэнерго /л.д. 221, т.3/, составляют государственную тайну.

В связи с вышеизложенным, его действия подлежат квалификации по ст. 75 ч. 1 УК РСФСР.

Судебная коллегия находит, что предъявленное подсудимому обвинение в систематическом распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй в устной форме подлежит исключению по следующим основаниям. То обстоятельство, что подсудимый ЛЮБАРСКИЙ в процессе проведенных с ним бесед в коллективе Южного отделения института "Энергосетьпроект" давал соответствующие объяснения по вопросу изготовленных и подписанных им различных писем, в том числе переданных по радиовещательной станции Израиля, то оно не может расцениваться как распространение заведомо ложных измышлений в устной форме. Подлежит также исключению эпизод о распространении ЛЮБАРСКИМ заведомо ложных измышлений по письму, направленному межпартийному комитету членов английского парламента /л.д. 267, т.1/, так как подсудимый не помнит содержания данного письма и не знает подписывал ли он его вообще, а другие объективные доказательства в судебном заседании не добыты.

Судебная коллегия не может согласиться с доводами адвоката, что ЛЮБАРСКИЙ не может нести ответственность за воспроизводство звукозаписи "обращения" к Генеральному секретарю Организации Объединенных наций и стихотворения "О Биробиджане" с последующим изготовлением рукописных текстов по следующим основаниям: то обстоятельство, что подсудимый не является автором "обращения" и стихотворения, в которых содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, никакого значения не имеет, так как изготовление заключается не только в выработке текста или содержания, но и в оформлении произведения, и, в частности, воспроизводстве звукозаписи или рукописного текста, что и было сделано ЛЮБАРСКИМ.

Мотив совершения преступления, в том числе чувство личной обиды, желание улучшить свое положение и тому подобные причины, также значения не имеет и может служить только основанием для квалификации содеянного по ст. 70 или 190-1 УК РСФСР. Не могут служить основанием для исключения эпизодов изготовления ЛЮБАРСКИМ ряда писем в своих тетрадях /л.д.л.д. 86-87, 170, 172-176, т.2/ только по той причине, что подсудимый выполнил тексты в черновых набросках, так как форма и способ изготовления произведений, названных в ст. 190-1 УК РСФСР не имеют значения для ответственности.

Не убедительны утверждения адвоката, что подсудимый заблуждался в оценке некоторых вопросов, а поэтому ошибочно освещал их. Из исследованных в ходе судебного следствия изготовленных и распространенных документов в письменной форме усматривается, что ЛЮБАРСКИЙ умышленно распространял заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, и только с корыстной целью. Добытые в судебном заседании доказательства свидетельствуют также о том, что совершая преступление, предусмотренное ст. 190-1 УК РСФСР, подсудимый признавал, что своими действиями он изготовлял и распространял измышления, что распространяемые им сведения являются ложными, и по содержанию эти измышления порочат советский государственный и общественный строй.

Доводы подсудимого ЛЮБАРСКОГО о том, что 18 июля 1968 года он вынес за пределы спецчасти не решение Главцэнтроэнерго, а другой секретный документ, опровергается следующими доказательствами:

во-первых, из представленного в судебное заседание для обозрения специального журнала видно, что ЛЮБАРСКИЙ дважды получал 18 июля 1968 года для исполнения только решение Главцэнтроэнерго;

во-вторых, свидетель МОВСЕЯН подтвердил, что после обозрения в судебном заседании решения Главцэнтроэнерго он восстановил в памяти, что ЛЮБАРСКИЙ читал ему содержание данного решения, так как это касалось соответствующего объекта Саратовэнерго;

в-третьих, свидетель КОРНЕЕВА показала, что, когда стало известно, что ЛЮБАРСКИЙ нарушил Инструкцию по декретному делопроизводству, то речь шла именно о разглашении решения Главцэнтроэнерго.

То обстоятельство, что МОВСЕЯН как главный специалист по сметам и без подсудимого ЛЮБАРСКОГО знал о капиталовложениях по объектам, так как сводный сметно-финансовый расчет составляется не секретно, а только по соответствующему коду, никакого значения не имеет, так как разглашение государственной тайны имеет место и тогда, когда ответственное за ее сохранение лицо допустило к секретным документам кого-либо из не имеющих права пользоваться такими документами. Равным образом ответственность по ст. 75 УК РСФСР наступает и в том случае, когда лицо, имеющее доступ к государственной тайне, записало

секретные сведения в личном блокноте. Тот факт, что сведения, записанные в блокноте ЛЮБАРСКОГО, не стали достоянием посторонних лиц, значения не имеет, так как состав разглашения государственной тайны образуется и в том случае, когда такого рода сведения лишь могли стать достоянием других лиц. Для состава разглашения государственной тайны, предусмотренного ч. 1 ст. 75 УК РСФСР, не требуется наступления последствий. Преступным и наказуемым признается само по себе действие или бездействие виновного.

При определении подсудимому ЛЮБАРСКОМУ наказания судебная коллегия учитывает общественную опасность совершенных преступлений, а также обстоятельства, смягчающие ответственность, что он ранее к уголовной ответственности не привлекался, имеет на иждивении двух малолетних детей, а также престарелых родителей, что он положительно характеризуется по работе.

Руководствуясь ст.ст. 301-303 УПК РСФСР, судебная коллегия

ПРИГОВОРИЛА:

ЛЮБАРСКОГО Лазаря Моисеевича признать виновным и подвергнуть наказанию в виде лишения свободы: по ст. 75 ч. 1 УК РСФСР сроком на два года, по ст. 190-1 УК РСФСР сроком на два года. На основании ст. 40 УК РСФСР путем полного сложения назначенных наказаний окончательно определить к отбытию наказания - четыре года лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Срок отбытия наказания исчислять с 18 июля 1972 года. Мера пресечения ЛЮБАРСКОМУ Л.М. оставить - содержание под стражей.

Вещественное доказательство хранить при деле.

Приговор судебной коллегии может быть опротестован и обжалован в течение семи суток со дня его провозглашения, а ЛЮБАРСКИМ в тот же срок со дня вручения ему копии приговора в Верховный Суд РСФСР с подачей протеста и жалоб через Ростовский областной суд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ-
НАРОДНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ:

Круглая печать.

Приговор изготовлен на пиш.машинке
в совещат.комн.председательствующим

Копия верна:

Член Ростовского
Обл.суда /подпись/

ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Недавно в Ростове-на-Дону судили Лазаря Любарского, 47 лет, ходатайствующего о разрешении на выезд в Израиль. Однако стало известно, что Любарский не признал себя виновным и адвокат требовал его полного оправдания. Свидетели не могли подтвердить своими показаниями обвинения, предъявленные Любарскому. На этом основании мы можем предположить, что суд не мог доказать вину подсудимого.

Несмотря на это, он был осужден на 4 года лишения свободы. Это - вопиющее нарушение Декларации прав человека и неприкосновенности личности. Эта жертва является дополнением к уже томящимся в исправительно-трудовых лагерях Советского Союза евреям, связанным с желанием выехать в Израиль, в страну, которую они считают своей Родиной. Какой же смысл было подписывать Декларацию прав человека, которую можно систематически нарушать?

Мы требуем пересмотра дела Любарского Верховным Судом РСФСР и его освобождения.

Полтинников Исаак	Берковский Юрий	Зайднер Иосиф
Полтинникова Виктория	Берковская Анна	Бернштейн Ирма

10 февраля 1973 г.
Новосибирск

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР Р. РУДЕНКО

Требуем отмены несправедливого приговора, вынесенного еврею Лазарю Любарскому, вся вина которого заключается в его желании выехать на Родину, в Израиль. Где бы мы ни находились, мы не прекратим ходатайствовать за освобождение Лазаря Любарского.

Меламед Зиновий, Тартаковский Юлий, Сороко Юрий,
Фельдман Александр, Гольдфарб Игорь, Гольдфарб
Анатолий, Раслин Саул, Монастырский Ян, Рухман
Семен, Лейбенгруб Роман.

Февраль 1973 г. Киев.

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

В дни, когда волею Верховного Суда РСФСР должна решиться судьба нашего товарища Лазаря Любарского, мы призываем Верховный Суд РСФСР отменить жестокий и несправедливый приговор и не допустить судебной расправы над человеком, отстаивающим свои гражданские права.

Польский Виктор, Польская Елена, Престин Владимир, Престина Елена, Нашпиц Марк, Нашпиц Ида, Свечинский Григорий, Айнбиндер Борис, Орлова Марианна, Слепак Владимир, Слепак Мария, Слепак Александр, Вассерман Савелий, Вассерман Мириам, Вассерман Юрий, Орлов Борис, Орлова Мария, Гендин Лев, Бабель Михаил, Крижак Валерий, Крижак Валерия, Темкин Александр, Тейтельбаум Григорий, Бельфор Моисей, Либов Лев, Токер Гирш, Абрамович Павел, Балашинская Марта, Бегун Иосиф, Вагнер Владимир, Раевский Виталий, Файнгольд Натан, Файнгольд Юлия, Кошевой Леонид, Михайлова Ирина, Левич Вениамин, Лернер Александр, Саясов Юрий, Азбель Давид, Горюхов Вениамин, Писаревский Яков, Гальперин Анатолий, Коренфельд Илья, Кошаровский Юлий, Мандельцвайг Виктор, Лунц Александр, Браиловский Виктор, Маш Владимир, Нудель Ида, Рыжик Михаил, Ратнер Евсей.

март 1973 г.

Москва

Предс. тов. Трост

Дело № 41-с73-3

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в составе:

Председательствующего - ГАВРИЛИНА М.А.

Членов суда - ЕВДОКИМЕНКО А.В., ШИШКИНА Б.И.

рассмотрела в судебном заседании от 22 марта 1973 г. дело по кассационным жалобам осужденного Любарского Л.М. и в его защиту адвоката Камыниной О.Д. на приговор Ростовского областного суда от 2 февраля 1973 г., которым -

ЛЮБАРСКИЙ Лазарь Моисеевич, 1926 года рождения, уроженец гор. Бельцы, Молдавской ССР, еврей, исключен из членов КПСС, образование высшее, несудимый, работал старшим инженером Южного отделения института "Энергосетьпроект" в г. Ростове, -

осужден к лишению свободы: по ст. 75 ч. 1 УК РСФСР сроком на два года; по ст. 190-1 УК РСФСР на два года.

На основании ст. 40 УК РСФСР путем сложения наказаний окончательно назначено четыре года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Заслушав доклад члена суда Евдокименко А.В., объяснение адвоката Камыниной О.Д., заключение прокурора Сахаровой К.М., полагавшей приговор оставить без изменения, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Любарский осужден за систематическое изготовление и распространение в письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а также за разглашение сведений, составляющих государственную тайну.

Преступления совершены, как указано в приговоре, при следующих обстоятельствах.

Любарский, будучи недовольным своим личным положением в Советском Союзе, изготовил и распространил ряд писем, содержащих 'заведомо клеветнические измышления, порочащие государственный и общественный строй СССР.

В сентябре 1970 года при содействии Певзнера И.Д. изготовил текст открытого письма 52-м гражданам СССР еврейской национальности и в целях распространения направил его в редакцию газеты "Правда" /т.1, л.д.105-108/;

В сентябре того же года Любарский записал с эфира на магнитофонную пленку текст "обращения" к Генеральному секретарю ООН с заведомо ложными измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй, а затем при содействии Певзнера И.Д. отпечатал его на пишущей машинке и распространил. Оставил себе один экземпляр, а другие остались у Певзнера /л.д.101-102, т.1/;

В 1970 году Любарский принял с эфира стихотворение "О Биробиджане" на языке "идиш", переданном радиостанцией

Израиль. Впоследствии изготовил рукописный текст этого стихотворения, в котором содержались клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй /т.1, л.д. 131, 132/.

Также им были изготовлены письма и произведены записи в тетрадях, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй: в августе 1971 года /т.2, л.д. 86/; 23, 25 и 28 мая 1972 года /т.2, л.д. 170 и л.д. 163 об.; том 1, л.д. 245, 247/.

В конце июня 1972 года изготовил текст письма в своем блокноте /т.2, л.д. 172-176/.

В октябре 1971 года и январе 1972 года Любарский вместе с другими лицами подписал коллективные письма на имя президента Израиля /т.1, л.д. 270-271/, а также советских органов /т.1, л.д. 268-269, 272-273/, содержащие заведомо клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Впоследствии эти письма были переданы за границу, а 23 декабря 1971 года, 17 января и 10 мая 1972 года их тексты на русском языке транслировались радиовещательной станцией Израиля.

18 июля 1968 года Любарский, являясь главным инженером проекта Южного отделения института "Энергосетьпроект", предал огласке сведения, составляющие государственную тайну, работнику института, не имевшему допуска к секретным работам и документам /т.3, л.д. 221/.

26 мая 1972 года он внес в свой блокнот сведения, составляющие государственную тайну /т.2, л.д. 167 об./. Любарский вину не признал. Не отрицая, что им совершены те действия, за которые он осужден по ст. 190-1 УК РСФСР, в суде пояснил, что он при этом руководствовался целью добиться быстрее разрешения на выезд в Израиль; что письмо на имя 52-х граждан еврейской национальности он изготовил и направил в редакцию газеты "Правда" с целью опровержения точки зрения участников пресс-конференции по национальному вопросу в отношении евреев. "Обращение" на имя Генерального секретаря Организации Объединенных наций, а также стихотворение "О Биробиджане" он записал на магнитофонную пленку, понимая, что в них содержатся заведомо ложные измышления о советском государственном и общественном строе, затем написал

текст "обращения" и этого стихотворения, хранил их, не зная, что эти действия уголовно наказуемые.

В разглашении государственной тайны вину не признал, пояснил, что документ секретный он Мовсисяну не показывал, а его беседы с Мовсисяном по поводу полученного секретного письма об изменении объема капитального вложения по отдельным объектам, а также его запись в блокноте об объекте № 30-34, не привели к разглашению государственной тайны.

В кассационной жалобе Любарский приводит те же доводы, считает осуждение по ст. 75 ч. 1 УК РСФСР необоснованным, что эксперты дали неправильное заключение о том, что сведения, содержащиеся в его записи в блокноте, составляют государственную тайну, исходя при этом из задач сооружения объекта.

По эпизоду с письмом за нарушение инструкции по обращению с секретными документами он уже понес "административное" наказание, что исключает уголовную ответственность.

При назначении наказания по ст. 190-1 УК РСФСР указывается в жалобе, суд не учел, что он ранее к уголовной ответственности не привлекался, имеет 2-х малолетних детей и престарелых родителей, по работе характеризуется положительно, является участником Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Адвокат Камынина в кассационной жалобе просит об отмене приговора и прекращения дела производством.

Считает вывод суда о виновности Любарского в разглашении государственной тайны ошибочным, ссылаясь на то, что материалами дела не подтверждается, что Любарский нарушил инструкцию об обращении с секретными документами именно в отношении решения "Главцентроэнерго" от 10 августа 1968 года, более того, указывается в жалобе, материалами дела опровергается вывод суда о том, что сведения, содержащиеся в решении "Главцентроэнерго", составляют государственную тайну. При этом адвокат ссылается на показания Мовсисяна и на то, что сводный сметно-финансовый расчет, в котором указана общая стоимость объекта, не является секретным документом, и Мовсисян ранее знал общую сумму капитального вложения на объект.

В связи с тем, что записи, сделанные осужденным в блокноте об объекте № 30-34, никто не читал, следовательно, в этом случае разглашение государственной тайны не наступило, но и содержание этой записи не свидетельствует о том, что в ней отражены сведения, составляющие государственную тайну, поскольку объект № 30/34 является убежищем с пультом управления, узлом связи с указанием количества рабочих мест, с указанием возможного использования его для укрытия населения и что проект сделан по заданию гражданской обороны, согласован с комитетом Гражданской обороны СССР /т. 4, л.д. 240/.

Далее, в кассационной жалобе адвокат указывает, что выводы суда о виновности Любарского в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй также не подтверждается материалами дела.

Любарский утверждает, что он в момент составления этих документов был уверен в существовании тех положений, о которых он высказывался. Говоря о дискриминации лиц еврейской национальности, он вкладывал лишь тот смысл, что в СССР отсутствует база для развития еврейской культуры.

Ошибочная оценка им этих обстоятельств не дает оснований для утверждения в приговоре, что он писал с умыслом оклеветать советский государственный и общественный строй.

Подписывая письма в октябре 1971 года, январе 1972 года на имя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и президента Израиля, он руководствовался желанием ускорить свой выезд в Израиль.

Письмо, адресованное в редакцию "Правда" на имя 52-х граждан еврейской национальности, является чисто полемическим; письмо, адресованное Председателю Президиума Верховного Совета СССР /т.2, л.д. 170/, не было отправлено, следовательно осужденный добровольно отказался от изложенных в нем мыслей; записи в блокнотах им сделаны для себя, - при таких данных в его действиях не содержится состава преступления, предусмотренного ст. 190-1 УК РСФСР.

Не отрицая, что в изготовленных звукозаписях-стихах о Биробиджане и "обращении к У Тану" содержатся клеветнические измышления, порочащие советский государственный

ный и общественный строй, но поскольку осужденный эти записи только хранил, не имея цели распространения, то и в этих действиях его не содержится состава преступления.

Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационных жалоб, судебная коллегия находит приговор законным и обоснованным.

Вина Любарского в изготовлении и распространении в письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, подтверждается: объяснением самого осужденного, не отрицавшего факт изготовления и распространения писем, указанных в приговоре суда; заключением почерковедческой экспертизы, установившей, что рукописные тексты писем /т.2, л.д. 86,87,170,172,176/ выполнены Любарским; имеющимися в деле письмами на имя 52-х граждан еврейской национальности и сопроводительными письмами к ним, адресованным редакции газеты "Правда"; копией письма "обращения к Генеральному секретарю ООН", обнаруженной в квартире Любарского, и другими доказательствами, указанными в приговоре.

Показаниями свидетелей Шарикова, Нечепуренко, Бутова, Шиянова и других установлено, что Любарский в беседе с ними признал, что он подписывал письма, текст обращения, которые впоследствии были кем-то отправлены в Израиль и содержание их передавалось радиостанцией Израиля.

Вина Любарского в разглашении государственной тайны подтверждается записью, выполненной им в блокноте /т.2, л.д. 167 об./ об объекте № 30/34; заключением почерковедческой экспертизы о том, что эта запись исполнена Любарским; показаниями свидетелей Черножуковой и Корнеевой о том, что осужденный разгласил содержание решения "Главцентроэнерго", касающегося изменений объема капитальных вложений по объекту, за что на него директором института было наложено взыскание; показаниями свидетеля Мовсисяна, заявившего в суде, что летом 1968 года Любарский ознакомил его с содержанием секретного письма, за что на последнего было наложено взыскание, и другими материалами дела.

Заключением комиссии Министерства энергетики и электрификации СССР подтверждается, что сведения в отношении объекта № 30/34, содержащиеся в решении "Главцентроэнерго" от 10 июля 1968 года, а также записанные осуж-

денным в блокноте, составляют государственную тайну. Доводы, приведенные в кассационных жалобах в обоснование отмены приговора и прекращения дела производством, являются необоснованными.

Ссылка в кассационной жалобе на то, что Любарский, составляя документы, указанные в приговоре, или распространяя их, был уверен "в существовании тех положений", которые суд признал клеветническими, порочащими советский государственный и общественный строй, является несостоятельной и опровергается самим характером клеветнических измышлений, свидетельствующими об их заведомой ложности для Любарского и умышленном изготовлении, распространении этих документов.

Приведенные Любарским мотивы, которыми он руководствовался при этом, не могут служить основанием к освобождению его от уголовной ответственности.

В связи с тем, что по ст. 190-1 УК РСФСР предусмотрена ответственность за изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, поэтому суд обоснованно признал, что действия Любарского по изготовлению звукозаписи "обращения к Генеральному секретарю ООН" и стихотворения о Биробиджане с последующим изготовлением их рукописных текстов, изготовлением писем в блокнотах, образуют состав преступления, предусмотренный данным законом.

Ссылка в жалобе адвоката на то, что материалами дела, якобы, не установлено, что Любарский нарушил инструкцию об обращении с секретными документами именно в отношении решения "Главцентроэнерго", опровергается доказательствами, приведенными в приговоре.

Так, показаниями свидетелей Корнеевой, Мовсисяна и Черножуковой установлено, что 18 июля 1968 года Любарским было получено для ознакомления и уточнения некоторых данных решение Главцентроэнерго и, как показал Мовсисян, Любарский прочитал ему содержание секретного документа, в котором шла речь об изменении капитального вложения по объектам.

Суд, обзрев записи в журнале приема-сдачи секретной документации, убедился, что Любарский 18 июля это решение Главцентроэнерго получал дважды, что признал и осужденный

/т.4, л.д. 243 об./ . Как видно из протокола судебного заседания, Черножуковой в суде было предъявлено два документа, имеющих в наряде на л.д. 72 и 64, и она указала на документ на л.д. 64, который она выдавала 18 июля осужденному, и последний вынес этот документ из спецчасти. Этот документ на л.д. 64 и есть решение "Главцентрэнерго".

То обстоятельство, что сведения, содержащиеся в этом решении, а также записанные осужденным в блокноте в отношении объекта № 30/34, составляют государственную тайну, подтверждается заключением комиссии Министерства энергетики и электрификации СССР, состоящей из лиц, компетентных в этой области, и правильность выводов комиссии сомнений не вызывает.

Более того, суд, ознакомившись с решением "Главцентрэнерго" от 10 июля 1968 года, пришел к выводу, что в соответствии с п. 8 Постановления Совета Министров СССР от 28 мая 1956 года "Об установлении Перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону", сведения, содержащиеся в этом решении, составляют государственную тайну.

Ссылка Любарского на то, что наложение на него дисциплинарного взыскания директором института исключает уголовную ответственность по данному эпизоду, является необоснованной.

Судебная коллегия, учитывая конкретные обстоятельства по настоящему делу, не может согласиться с доводом адвоката о том, что действия Любарского по эпизоду внесения им в свой блокнот сведений, составляющих государственную тайну, не образуют состава преступления.

Юридическая оценка действиям Любарского областным судом дана правильная.

Просьба Любарского о снижении ему наказания не может быть удовлетворена, поскольку таковое назначение с учетом характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, а также обстоятельств дела, отягчающих и смягчающих его ответственность.

На основании изложенного и руководствуясь п. 1 ст. 339 УПК РСФСР, Судебная коллегия, -

ОПРЕДЕЛИЛА:

Приговор Ростовского областного суда от 2 февраля 1973 года в отношении Любарского Лазаря Моисеевича оставить без изменения, а кассационные жалобы - без удовлетворения.

Председательствующий - Гаврилин
Члены суда - Евдокименко, Шишкин

Верно: Член Верховного суда РСФСР /подпись/Евдокименко

Справка: Любарский содержится в Новочеркасске Ростовской области, учреждение - 398/о -3

Заверено круглой печатью

1-2-пр-во; 3-4-дело; 5-6-СИЗО № 1 г.Ростов
7-Пр.РСФСР,26.3.72г.
р/№ 157 ар

СПРАВКА

1. Место совершения преступления - г.Москва,г.Ростов н/Д
2. Преступление совершено в 1970-72 годах.
3. Обвиняемый Любарский Лазарь Моисеевич - содержится под стражей с 21 июля 1972 года, задержан в порядке ст. 122 18 июля 1971 года.
4. Личные документы обвиняемого Любарского при деле в пакете № 1, № 2, т.4.
5. Гражданского иска по делу не заявлено.
6. Вещественные доказательства при деле:
 - а/ Два сопроводительных письма в редакцию газеты "Правда" т.1, л.д. 103,104.
 - б/ Два открытых письма 52 гражданам еврейской национальности т.1,л.д.105-108, 109-112.
 - в/ Письмо Любарского Рут Александрович,т.1,л.д.116-117.
 - г/ Стихотворение о Биробиджане на языке идиш, т.1, л.д. 131.
 - д/ Выписки из передач радиочестательной станции Израиля, т.1, л.д. 253-274.
 - ж/ Три общих тетради и блокнот, т.2, л.д. 14-203.
 - з/ Письмо Генеральному секретарю ООН У Тану, т. 1, л.д. 101-102.
 - и/ Кассеты с магнитофонными записями № 7,9,14,15,16, 17,18,19,21,22,23 - при деле в пакете № 3.

к/ Магнитофонные записи передач радиовещательной станции Израиля - при деле в пакете № 3, кассета № 25.

7. Перевод с языков идиш и иврит на русский язык произведен Бюро переводов при Прокуратуре СССР.
8. Заключение о степени секретности дано комиссией Министерства энергетики и электрификации СССР - город Москва, Китайский пр. 7; комиссией при Южном отделении "Энергосетьпроект" - город Ростов н/Д. улица Литвинова, 4.
9. Предварительное следствие начато 1 апреля 1971 года, окончено 20 декабря 1972 года.

Пом. Прокурора - /подпись/ /Андросов/

К ПРОЦЕССУ ЛАЗАРЯ ЛЮБАРСКОГО

По приговору Ростовского областного суда от 2.2.1973г. Лазарь Любарский был осужден по ст. 75 ч. 1 Уголовного кодекса РСФСР на два года лишения свободы, по ст. 190-1 УК РСФСР на два года лишения свободы, а всего путем сложения наказаний - на четыре года лишения свободы с содержанием в ИТК общего режима.

Вышеуказанные статьи УК РСФСР гласят:

Ст. 75 ч. 1 -

"Разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны по службе или работе, при отсутствии признаков измены Родине или шпионажа -

наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет".

Ст. 190-1 -

"Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания -

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей".

Разбирательство дела происходило в закрытом судебном заседании, что в данном случае не противоречило закону, ибо предметом обсуждения явился секретный документ, ^{х/} в разглашении которого якобы был повинен Любарский.

^{х/} Ст. 18 Уголовного процессуального кодекса РСФСР гласит: "Разбирательство дел во всех судах открыто, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны".

1. Обвинение в "разглашении государственной тайны" сводилось к следующему:

а/ 18.7.1968 г. Любарский, являясь главным инженером проекта Южного отделения института "Энергосетьпроект" предал огласке сведения, составляющие тайну, своему сослуживцу по институту Мовсисяну, не имеющему допуска к секретным документам.

б/ 26.5.1972 г. он же внес в свой блокнот сведения, составляющие государственную тайну.^{х/}

Любарский не признал себя виновным в разглашении государственной тайны и показал, что кратковременная беседа / около пяти лет до слушания дела/ с сослуживцем Мовсисяном, а также запись в блокноте касались сводного сметно-финансового расчета, который составляется не секретно, а только по соответствующему шифру.

Суд, не отрицая того, что Мовсисян, как главный специалист по сметам и без Любарского знал об объеме капиталовложений по объектам, так как сводный сметно-финансовый расчет составляется не секретно, а только по соответствующему шифру, вместе с тем счел, что это обстоятельство не имеет значения с точки зрения уголовной ответственности Любарского, ибо последний формально не имел права ознакомить Мовсисяна с секретным документом. Что касается записи Любарского в блокноте, с которой никто посторонний не был ознакомлен, то и это, по мнению суда, является уголовным преступлением, предусмотренным ст. 75 ч. 1 УК РСФСР, ибо для наличия этого преступления не требуется наступления последствий^{хх/}

Вышеуказанная точка зрения суда, хотя ее и разделяют некоторые советские комментаторы,^{ххх/} на наш взгляд, не только не является бесспорной, но вызывает существенные возражения.

^{х/} Блокнот был обнаружен при обыске у Любарского.

^{хх/} См. приговор по делу Любарского

^{ххх/} "Комментарий к УК РСФСР". М., 1971г., стр.172-173.

Материалами обсуждаемого дела, в частности самим приговором, установлено, что ознакомление Любарским Мовсесяна с документом, равно как и запись его содержания в личном блокноте, не только не привело, но и не могло привести к каким-либо вредным последствиям, так как Мовсесян и без этого ознакомления по долгу службы знал об объеме капиталовложений по объектам. Уже в июле 1968 года, сразу после формального нарушения Любарским должностной инструкции, руководство института, которому об этом доложил сам Любарский, признало, что в его действиях имеется лишь состав дисциплинарного проступка, а не уголовного преступления. На Любарского было наложено дисциплинарное взыскание.

Красной нитью по всему советскому уголовному законодательству проходит мысль о том, что привлечению к уголовной ответственности подлежат только лица, действия которых привели к общественно-опасным последствиям. х/

Последний абзац ст. 7 УК РСФСР в этой связи гласит:

"Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности."

Общественная опасность преступления - это не только форма, она должна найти еще и обязательное выражение в причинении существенного ущерба общественным отношениям, охраняемым законом. хх/

Проступок Любарского явился лишь формальным нарушением, не приведшим к общественно-опасным последствиям.

Критерий общественной опасности и вредных последствий деяния является признаком, определяющим различие между преступлением и дисциплинарным проступком.

Автор Курса советского уголовного права член-корреспондент АН СССР А.А. Пионтковский по этому поводу пишет:

х/ См. статьи 7, 51, 52 Уголовного Кодекса РСФСР.

хх/ См. "Комментарий УК РСФСР". М., 1963 г., стр. 15 и "Комментарий к УК РСФСР". М., 1971 г., стр. 19.

"При отграничении преступления от дисциплинарного проступка и административного проступка, в частности, необходимо учитывать наличие или отсутствие общественно-опасных последствий в связи с совершенным действием, а также тяжесть наступивших последствий." х/

Утверждение о том, что ст. 75 ч. 1 УК РСФСР является "формальным" преступлением противоречит, как нам представляется, самому содержанию этой статьи УК. Обратное вытекает из ее текстуального и смыслового толкования, а именно:

Ст. 75 УК РСФСР имеет две части. Первая ее часть предусматривает уголовное наказание за "Разглашение сведений, составляющих государственную тайну". Часть вторая этой же статьи гласит:

"То же деяние, если оно повлекло тяжкие последствия".

Из сопоставления обеих частей статьи 75 УК РСФСР, а в частности, из содержания части второй вытекает, что и действия, предусмотренные частью первой, могут повлечь уголовную ответственность лишь в случае наступления или возможности наступления последствий, правда не тяжких, а просто последствий.

В противном случае законодатель в части второй не употребил бы слово "тяжкие", а написал бы просто последствия, и это означало бы, что часть первая статьи 75 УК РСФСР образует состав "формального" преступления. В данном же случае законодатель предвидел и решил, что разглашение сведений, составляющих государственную тайну при наличии не тяжких последствий наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет, а при наступлении тяжких последствий, - на срок от пяти до восьми лет.

Вот почему мы не можем согласиться как с описательной частью приговора по делу Любарского, так и с теми теоретиками, которые придерживаются такого же, как суд, мнения.хх/

х/ См. "Курс советского уголовного права". М., 1970г., том 2, стр. 41.

хх/ См. "Курс советского уголовного права". М., 1970г., том 2, стр. 153.

Видный советский ученый-правовед А.Н. Трайнин придерживается по этому вопросу точки зрения, аналогичной нашей. Он утверждал, что уголовный закон охраняет соответствующие объекты от посягательства на них; посягнуть же на объект всегда означает - причинить ему ущерб, который и является необходимым элементом состава каждого преступления. x/

Таким образом, при правильном толковании закона и теории права следует придти к выводу, что в действиях Любарского отсутствовал состав преступления, предусмотренный ст. 75 УК РСФСР, а наличествовал лишь состав дисциплинарного проступка, за который он уже понес наказание в 1968 году.

Непривлечение, поэтому, Любарского к уголовной ответственности в период с 1968 по 1972 годы, нельзя признать случайным или ошибочным.

Какова же истинная причина такого запоздалого /на грани срока давности/ вменения Любарскому преступления, предусмотренного ст. 75 ч.1 УК РСФСР? По нашему глубокому убеждению, основанному на объективном сопоставлении и тщательном анализе фактов, советские власти решили строго наказать Любарского за его активную борьбу за право репатриации в Израиль и за его высказывания в защиту евреев Советского Союза. Документ, с которым Любарский ознакомил Мовсисяна, явился лишь предлогом, прикрывающим истинную цель.

2. Не менее надуманным и необоснованным явилось обвинение Любарского по ст. 190-1 УК РСФСР, т.е. за клевету на советский государственный и общественный строй.

Приговор перечисляет целый ряд писем и записей, составленных Любарским в период 1970-72 годов, в которых якобы содержались ложные измышления, порочащие советский строй. Содержание этих документов суд стыдливо умалчивает, ссылаясь лишь на соответствующие листы дела и бездоказательно констатируя их несоответствие действительности.

x/ А.Н. Трайнин. "Общее учение о составе преступления", стр. 137-141.

Подытоживая существо писем, суд в приговоре написал:

"По своему характеру изготовленные и распространенные подсудимым заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, сводились к клеветническим измышлениям о якобы существующей в СССР дискриминации граждан еврейской национальности".^{х/}

И в этом вся вина Любарского. Императивная форма приговора, предопределяющего заведомую ложность утверждения о дискриминации евреев СССР, без попытки анализа общеизвестных фактов государственного антисемитизма, весьма характерна для советской пропаганды. Но одно дело пропаганда, а другое - обвинение в клевете, где бремя доказывания лежит на обвинительной власти, которая, не будучи в состоянии опровергнуть бесспорные обстоятельства лишения евреев ряда прав, предусмотренных Конституцией СССР, предпочитает о них умалчивать.

В числе доказательств виновности Любарского фигурирует в деле изготовленное им и Певзнером открытое письмо 52-м гражданам СССР еврейской национальности, участвовавшим в известной всему миру пресс-конференции в Москве 4 марта 1970 года.

Мы считаем своей обязанностью проанализировать лишь некоторые мысли, содержащиеся в этом письме в газету "Правда", дабы ответить на все тот же основной тезис приговора о клеветническом характере этого документа.

Авторы письма цитируют высказывания участников пресс-конференции и полемизируют с ними. Все вопросы этой полемики сводятся к выяснению причин почти полной ликвидации в СССР условий для развития еврейской национальной культуры. Никто не отрицал того факта, что последняя еврейская школа в СССР была закрыта в 1949 году. Разница во взглядах полемизирующих заключалась лишь в том, что участники пресс-конференции считали этот процесс ассимиляции евреев естественным, а авторы письма полагали, что 2,5 миллиона евреев, обладателей древней богатой национальной культуры, не могли добровольно обречь свой народ, его традиции, его язык и национальные богатства на добровольное вымирание.

^{х/} См. приговор, стр. 159 настоящего издания.

Кто из спорящих сторон прав, а кто ошибается? Нам представляется, и это известно любому исследователю, что, если бы не организованное массированное наступление советской власти на малейшие признаки еврейской национальной культуры, она продолжала бы процветать, как процветают в СССР культуры многочисленных народов и наций, заселяющих эту страну. Еврейская культура составила исключение, причиной которого является всенаправляющая и всеорганизуемая воля советской власти, без санкции которой невозможно ни открытие школ, ни печатание литературных произведений, ни процветание театрального искусства. Еврейский театр покойного Михоэлса в Москве был всегда полон. Кому же понадобилось его закрытие? Только не зрителям, а тем, которые решили ликвидировать и театр, и его руководителя.

Где же клеветнические измышления Любарского, без которых невозможно его осуждение по ст. 190-1 УК РСФСР? Их нет и не было.

Нельзя в этой связи не упомянуть постановление следователя прокуратуры Железнодорожного района города Ростова, которым еще 28.7.1971 г. было прекращено уголовное дело против Любарского, первоначально обвиненного в сочинении вышеупомянутого письма и ряда других документов аналогичного содержания. х/

В отличие от приговора, который лишь ссылается на документы, постановление следователя вкратце излагает их содержание, хотя и допуская передержки. Его автор, однако, в резолютивной части приходит к выводу, что:

"Деяние Любарского Л.М. потеряло характер общественной опасности",

а посему уголовное дело против него должно быть прекращено.

Следователь несомненно прав в своем мнении, что критика Любарского отдельных проявлений советской действительности не должна быть признана общественно-опасной и уголовно-наказуемой. Ведь ст. 125 Конституции СССР /1936/ провозгласила гарантируемую законом свободу слова, а ст. 49 Конституции СССР /1977г./ пошла еще дальше, предусматривая, что:

х/ См. постановление на стр. 135 настоящего издания.

"Преследование за критику запрещается. Лица, преследующие^{х/} за критику, привлекаются к ответственности".

В данном случае не преследующие Любарского были привлечены к ответственности, как этого требует закон, а критикующий Любарский.

Возникает вопрос, почему действия Любарского, которых он не скрывал и которые в июле 1971 г. были официально признаны не являющимися общественно-опасными, вдруг через год, т.е. в июле 1972 г. послужили основанием для его ареста и последующего осуждения?

А потому, что Любарский не смирился, не склонил головы перед карательными органами, а продолжал последовательно отстаивать свое право на репатриацию в Израиль и право еврейского народа на развитие своей национальной культуры.

В жалобе на имя прокурора от 20.9.1971г., уже после прекращения дела, Любарский писал:

"Вторично выражаю Вам свое возмущение по поводу невозвращения материалов еврейской национальной культуры, изъятых у меня при обыске в 1970г. ... Невозвращение этих материалов я рассматриваю как неприкрытый акт расовой дискриминации... В связи с приближающимися еврейскими праздниками, я требую немедленной выдачи мне всех материалов. В противном случае я буду вынужден предпринять соответствующие меры по изобличению антисемитской сущности Вашего решения".^{хх/}

Такого неповиновения и "дерзости" власти очевидно не могли стерпеть, и в ответ на это через некоторое время последовал арест. Любарскому вспомнили секретный документ четырехлетней давности, его письма, ранее признанные ненаказуемыми, и, собрав все вместе, приговорили к четырем годам лагерей.

^{х/} См. "Конституция /основной закон/ СССР". М., 1977 г., стр. 19

^{хх/} См. стр. 140 настоящего издания.

Определенное судом окончательное наказание в четыре года лишения свободы по совокупности инкриминированных Любарскому преступлений путем сложения /по каждой из статей УК отдельно он был осужден к двум годам/, заслуживает особого внимания. Здесь закон формально не был нарушен, потому что ст. 40 УК РСФСР допускает принцип сложения наказаний, однако в судебной практике СССР этот метод почти не применяется и допускается в исключительных случаях, когда такое усиление наказания обусловлено особо отрицательным прошлым подсудимого или повышенной общественной опасностью содеянного.

Комментаторы Уголовного кодекса РСФСР рекомендуют следующим образом решать вопрос о порядке назначения наказания по совокупности совершенных преступлений:

"Определяя наказание за все совершенные преступления по совокупности, суд оценивает преступную деятельность виновного в целом, учитывает характер и степень общественной опасности этих преступлений, роль виновного в их совершении, обстоятельства, при которых они были совершены. Следует также обратить внимание на промежуток времени, в течение которого совершены все преступления. Как правило, более строгий подход при назначении наказания оправдан в отношении лица, которое совершило несколько преступлений в короткий срок" ^{x/}

Ни одного из перечисленных отягчающих признаков в деле Любарского не было.

Констатируя в приговоре обстоятельства, смягчающие ответственность Любарского, в частности:

"Что он ранее к уголовной ответственности не привлекался, имеет на иждивении двух малолетних детей, а также престарелых родителей, что положительно характеризуется по работе" ^{xx/}

т.е. все то, что в соответствии со ст. 37 УК РСФСР обязывает определить минимальное наказание, суд в то же время, противореча самому себе, применяет принцип сложения

^{x/} См. "Комментарий к УК РСФСР". М., 1971, стр. 106

^{xx/} См. приговор стр. 165 настоящего издания.

ния наказаний, свидетельствующий о максимальном ожесточении санкций.

Мы полагаем, что решение суда продиктовано отнюдь не соображениями советского закона, а политической местью за то, что Любарский осмелился дезавуировать пропагандистское лицемерие властей.

Дело Любарского - одно из многочисленных доказательств полного подчинения советского суда политическому диктату, оформленное судебным приговором.

ПРОЦЕСС

НИКОЛАЯ ЯВОРА

/Ленинград, 2.4.1973г./

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА

Н. ЕРМАКОВУ

Мы обращаемся к Вам в надежде на то, что Ваше вмешательство восстановит социалистическую законность, с вопиющим нарушением которой мы столкнулись. Речь идет о судебном преследовании Николая Явора за "хулиганство" и предшествовавших этому событиях.

Выпускник ЛГУ, математик Явор был обвинен в том, что 20 января 1973 года около 19ч.30м., будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, отправлял естественные надобности на детской площадке во дворе дома № 31 по Бассейной улице /в одной минуте ходьбы от дома, в котором он живет/. Обвинение опиралось на показания свидетелей Смирнова и Чеботаренко, задержавших Явора и доставивших его в отделение милиции. Явор свою вину категорически отрицал, утверждая, что при входе в проходной двор, ведущий к дому, был остановлен и без всяких оснований задержан Смирновым и Чеботаренко, уже некоторое время следовавшими за ним. Свидетели Голубев и Плискин, расставшиеся с Явором за 20 минут до задержания, показали на суде, что он не был пьян.

Оба свидетеля обвинения показали, что при задержании Явор сопротивления не оказал. В остальном их показания не согласуются друг с другом ни в отношении места происшествия, ни в отношении обстоятельств задержания. Адвокат Хейфец вскрыл несостоятельность показаний свидетелей обвинения и поставил вопрос об оправдании Явора за недоказанностью обвинения, указав одновременно, что приписываемые Явору действия нельзя квалифицировать по статье 206 часть 1 /хулиганство/.

Однако Московский районный народный суд города Ленинграда осудил Явора на один год лишения свободы, что является максимальным наказанием по данной статье.

Напомним, что несколько ранее на основании тех же показаний Смирнова и Чеботаренко, Явор был наказан в административном порядке "за мелкое хулиганство" заключением на 10 суток и отбыл этот срок.

Что же побудило прокурора г. Ленинграда, а вслед за ним и Московский районный народный суд /судья Потехин, народные заседатели Сильванович и Цветков/ счесть это наказание чересчур мягким?

Здесь нельзя не остановиться на том, что нам кажется предисторией этих событий. Николай Явор собирается уехать из СССР. В самом этом поступке нет ничего противозаконного. За последние несколько лет многие лица получили разрешения на выезд за границу на постоянное жительство. Тем не менее, Явору с самого начала чинились всяческие препятствия. Он неоднократно получал на свои заявления с просьбой разрешить ему выезд из СССР отказы, не имевшие серьезной аргументации. Когда, наконец, ему было разрешено уехать, вступил в силу закон о выплате возмещения за высшее образование. Явор вместе с женой, окончившей Ленинградский горный институт, должен был выплатить 15 тысяч рублей. Считая для себя невозможным /при зарплате в 130 рублей и заработке жены в 60 рублей/ собрать эту сумму и полагая, что закон о выплате к нему неприменим, Явор обратился в различные советские инстанции с соответствующими заявлениями.

По свидетельству Голубева, Плискина и других знакомых Явора, он за несколько часов до задержания утверждал в беседе с ними, что накануне, 19 января 1973 г. его вызвали в ОВИР, где с ним беседовал начальник ОВИРа Боков, инспектор Писковацкая и отказавшийся представиться сотрудник УВД. Последний угрожал Явору арестом на 15 суток в случае, если тот не прекратит настаивать на отмене оплаты за высшее образование и не уедет до 7 февраля. Явор продолжал настаивать на законности своих требований. На следующий день он был арестован.

Мы надеемся, что Вы подойдете к этому делу с должной объективностью и исправите ошибку судебных и следственных органов. Явор должен быть оправдан, а виновники этой возмутительной истории - понести заслуженное наказание.

Подписи 35-ти евреев Ленинграда.

Апрель 1973 г.

ДЕЛО НИКОЛАЯ ЯВОРА В ИЗЛОЖЕНИИ ЕГО ДРУГА

Письмо в защиту Н. Явора, направленное Председателю Ленинградского городского суда, является примером глубокой солидарности борцов за алию. Они озабочены судьбой Николая Явора и выражают возмущение "нарушением социалистической законности".

Я читаю эти строки, и меня охватывает ужас. Воспоминания о десятках несчастных, замученных террором за желание жить на Родине людей слишком свежи. Судьба каждого - жуткое воплощение этой самой "социалистической законности".

Один - отказник из-за "секретности" Израиль Варнавицкий после возбуждения ходатайства о выезде в Израиль, изгнан с работы и доведен до двух инфарктов.

Другой - Соломон Розин /тоже имеющий отказ из-за "секретности"/ инженер-электрик, из-за сложившейся в городе антисемитской атмосферы, не мог устроиться работать. Этим воспользовались власти и, угрожая репрессиями за тунеядство, принудительно заставили его, человека с больным сердцем, работать на заводе рабочим в горячем цеху. Уже через две недели он попал в больницу. Несмотря на запрещение врачей, по выходе из больницы, опять попал на ту же работу.

Это - Владимир Цвкин, который имел т.н. "секретность" семь лет назад, изгнан с работы. Угрожая судом, КГБ заставило его прекратить лекции по древней еврейской истории. В декабре 1972 г. во время празднования 50-летия образования СССР три работника КГБ угрожали ему на улице "выбить зубы и разбить очки".

Это - обреченные на творческую смерть Валерий Панов с женой. Это - крупнейший специалист в Европе по старинному оружию, бывший сотрудник Эрмитажа, доктор Леонид Тарасюк, которому объявили отказ на всю жизнь. Он живет в очень тяжелых условиях: в коммунальной квартире, в одной комнатке вместе с парализованной матерью, женой и двумя детьми. Ни он, ни его жена, тоже искусствовед, ранее работавшая в Эрмитаже, не могут работать. Тарасюк уже сидел во времена Хрущева три года за рассказанный анекдот, но муки его еще продолжаются.

Это - студенты, у которых ОВИР не принимает документы, так как их изгнали из институтов и общежитий. Или - молодые специалисты, у которых не берут документы, так как они не проработали после окончания института три года /а за это время их могут взять в армию/. Или молодые люди, у которых отец - военный и у них требуют разрешение от министра Обороны Маршала Гречко, получить которое практически невозможно. Или супруги, у которых ОВИР требует развода, так как один из них в данный момент может уехать, а другой - нет. И многие, многие другие, над которыми издеваются под самыми различными предлогами.

И вот эти усталые, измученные люди нашли в себе силы принять участие в судьбе Николая Явора.

Кто он такой?

Николай, или, как его ласково звали друзья, Элик Явор, жил в очень обеспеченной семье. Его мать и отчим - доктора наук. На математико-механическом факультете Ленинградского университета он был одним из самых талантливых студентов. После окончания ЛГУ он не смог устроиться по своей специальности - математическая логика - и работал программистом. За кратчайший срок, пройдя через должность старшего и ведущего инженера, был переведен на должность начальника отдела. Подготовил к печати ряд своих работ.

Элик получил прекрасное домашнее образование, он очень начитан, всегда был в курсе новинок мировой литературы. Обладая обаятельным характером и редкими душевными качествами, он имел огромное количество друзей и знакомых, которые относились к нему с любовью.

И вот этот интеллигент, талантливый молодой ученый обвиняется в том, что поздним январским вечером, будучи пьяным, мочился на глазах у многочисленной возмущенной публики на детской площадке.

Его держали под арестом уже во время следствия, что обычно является мерой пресечения для опасных преступников.

2 апреля состоялся суд. Я был на этом жутком из-за своей циничности процессе. На нем не было прокурора,

говорили, что ни один прокурор не взялся вести такой процесс. Один из двух свидетелей обвинения также не явился. Зачем?! Его показания зачитал судья.

В небольшой комнате - зале суда - на скамьях для публики было человек 30-40 друзей Явора и единственный его враг - официально, член народной дружины Чеботаренко.

Процесс оставил жуткое впечатление, особенно потому, что власти даже не пожелали для видимости придать обвинению какую-либо правдоподобность. Похоже, что они даже хотели подчеркнуть его абсурдность. Свидетель Чеботаренко утверждал на следствии и на суде, что он, идя по улице Бассейной, увидел Явора, оправлявшегося на детской клумбе в глубине двора дома № 31. Все прохожие возмутились. Тогда он подошел, помог задержать, остановил машину и отвез хулигана-писуна в милицию. Но когда адвокат Хейфец представил план квартала, в котором якобы было совершено преступление, то Чеботаренко не смог даже показать на плане свой маршрут и объяснить как он смог разглядеть, находясь на улице Бассейной, что происходит на дворовой детской площадке дома № 31, если она не только не просматривается с этой улицы, но даже не имеет из нее выхода. И откуда взялись в темном дворе возмущившиеся прохожие?

Свидетели обвинения не согласовали между собой кто из них ловил машину, чтобы отвезти Явора в милицию. А ведь, согласно утверждению каждого, это оказалось совсем нелегким делом: он вышел обратно на улицу Бассейную /если через стену дома можно пройти в одну сторону, то можно и в обратную!/, поднимал руку, машины не останавливались, наконец, одна - остановилась, но водитель не захотел ехать с задержанным в милицию, и только водитель второй остановившейся машины согласился.

Свидетели обвинения не смогли вспомнить кто же из них проделал столь сложную процедуру: каждый приписывал это себе, говоря, что второй остался во дворе сторожить Явора /вероятно, обоим на инструктаже запомнилось красочное описание остановки машины, - вот каждый и пересказал, а кто у них что "делал", им забыли сказать/.

Судья Потехин стремился доказать, что Явор не просто "отправлял в общественном месте естественную надобность", что в СССР расценивается лишь как нарушение общественно-

го порядка и наказывается денежным штрафом или заключением до 15-ти суток, а совершил хулиганское действие, заключающееся в желании продемонстрировать свое пренебрежение к обществу и строю. Поэтому он особенно подчеркивал, что, несмотря на замечания и возмущение прохожих, Явор продолжал мочиться, цинично выражая тем самым свое отношение к обществу.

Вот выдержка из стенограммы процесса:

- ЧЕБОТАРЕНКО: Я увидел на площадке Явора, который управлялся на глазах у многих возмущенных людей, и я направился туда.
- ПОТЕХИН: Когда Вы подошли, он все еще управлялся?
- ЧЕБОТАРЕНКО: Да.
- ПОТЕХИН: Что было дальше?
- ЧЕБОТАРЕНКО: Кругом ходили и возмущались прохожие.
- ПОТЕХИН: Когда они возмущались, Явор продолжал опр-равляться?
- ЧЕБОТАРЕНКО: Да, продолжал.
- ПОТЕХИН: Что происходило еще?
- ЧЕБОТАРЕНКО: С Явором разговаривал Смирнов, который требовал прекратить хулиганство.
- ПОТЕХИН: После этого Явор продолжал управляться?
- ЧЕБОТАРЕНКО: Да, продолжал.
- ПОТЕХИН: Продолжайте. Что было дальше?
- ЧЕБОТАРЕНКО: Я спросил Явора, почему он здесь управляет-ется? Он ответил, что пусть строят побольше туалетов, и тогда он будет управляться в них.
- ПОТЕХИН: Во время разговора с Вами он продолжал опр-равляться?
- ЧЕБОТАРЕНКО: Да, продолжал.
- ПОТЕХИН: Что было потом?
- ЧЕБОТАРЕНКО: Мы со Смирновым решили сдать Явора в мили-цию. Смирнов остался с ним, а я вернулся на Бассейную улицу ловить машину.
- ПОТЕХИН: Когда Вы уходили, Явор продолжал управлять-ся?
- ЧЕБОТАРЕНКО: Да, продолжал.

и т.д.

Это была настоящая трагикомедия. Все присутствующие улыбались. По самым скромным подсчетам Явор умудрился мочиться не меньше 15-20 минут. Ведь он "делал" это до появления Чеботаренко, который увидел уже управляющегося

хулигана и возмущающихся людей. И когда он уходил, хулиган Явор, никак не желавший прекратить цинично оскорблять советское общество, все еще продолжал оправляться.

Один из присутствовавших среди публики не выдержал и широко развел руки, показывая размер мочевого пузыря Явора. За этот жест его выгнали из зала суда.

Ни показания свидетелей защиты, что Явор не был пьян, что за полчаса до задержания они оправились у одного писсуара /это особо отмечалось свидетелями/, ни тот факт, что в метро, в котором он ехал с друзьями перед задержанием и где они расстались, не пускают пьяных, ни замечание адвоката, что "если это началось, то прекратиться уже не может" - ничто не имело значения.

Свидетели защиты говорили на суде, что Явор ожидал, что его арестуют, так как накануне ему угрожал сотрудник УВД. Сам Явор говорил об этом и на следствии, и на суде.

Процесс сразу же приобрел скандальный характер. Судья Потехин много раз объявлял длительные перерывы, чтобы, как считали, проинформировать кого-то о ходе процесса и получить дальнейшие указания.

Во время перерывов свидетель Чеботаренко то разглашествовал о своей неприязни к изменникам Родины, то хамил пришедшим на процесс пожилым еврейкам, заявив, чтобы они все убегали в Израиль, так как "вам всем в России нечего делать". Высокий статный блондин, светлые глаза, наглая издевательская улыбка - типичный молодой эсэсовец...

В последнем слове Явор сказал только, что просит принять во внимание бедственное положение его жены, которая осталась без средств к существованию.

Надо учесть то, что после того, как он отсидел 10 суток, и чтобы предотвратить второй арест, Элик продал все вещи, одолжил много денег и заплатил требуемый выкуп за высшее образование свое и жены. Она после получения разрешения выписалась из Ленинграда и не может работать в Советском Союзе.

Единственный короткий перерыв во время суда был, когда судьи ушли на "совещание" для вынесения приговора. За эти 15 минут судьи физически не могли обменяться мнениями и составить протокол приговора на нескольких лис-

тах. Все стояли в оцепенении, когда Потехин зачитал заранее составленный протокол, где пересказывалась версия обвинения, словно и не было суда, выявившего столько в ней противоречий и нелепостей.

Элик Явор получил год лишения свободы.

Каждый, прочитавший об этом отвратительном процессе, может, вероятно, остаться в недоумении. Для чего все это сделано? В чем причина расправы над Явором? И почему власти даже не приложили усилий, чтобы версия обвинения выглядела хоть бы чуточку убедительной? Ведь, право же, не трудно было свезти "свидетелей" обвинения на "место преступления" и отрепетировать их "показания" на суде так, чтобы они не противоречили самим себе и друг другу.

Система изощренного террора, которому подвергаются евреи, желающие выехать в Израиль, предусматривает наличие судебных или иных прецедентов на каждом этапе пути, через которые их прогоняют. У некоторых неприятности начинаются сразу же по получении вызова, еще до начала оформления бумаг, характеристик, справок, отношений для подачи в ОВИР. У других - в процессе оформления, у третьих - после подачи собранных "документов" в ОВИР, у четвертых после получения разрешения, но до получения визы, у пятых - уже когда виза на руках, а шестых могут просто вытащить из самолета или из поезда.

Ни в чем нельзя быть уверенным. Ты живешь в постоянном страхе и напряжении. В любой момент с тобой могут сделать что угодно. После каждого этапа облегченно думаешь: слава Богу, и это уже позади. Даже в транзитном самолете, находясь над территорией СССР или социалистических стран, боишься откровенничать с близкими и успокаиваешься только тогда, когда увидишь австрийского железнодорожника или члена экипажа австрийского самолета.

В этой продуманной системе тотального террора процесс над Явором играл свою роль. Явор решительно возражал против введения налога за образование, мужественно боролся за его отмену и твердо решил не платить. И власти показали, что может произойти с теми, кто отказывается платить. Это и есть причина данного процесса. Явор был выбран в качестве жертвы потому, что его хорошо знали в Ленинграде и в Москве как активного борца за отмену налога, и поэтому расправа над ним наверняка стала бы

известна очень широко. Этого и добивались.

Не помогло даже то, что после первого освобождения /просидев 10 суток/ он, с огромным трудом, благодаря помощи друзей, одолжил огромную сумму денег, чтобы заплатить за свое и жены высшее образование и потом в течение многих лет выплачивать эту сумму.

Человек был выбран удачно /известный, шума много/, машина закрутилась и сработала до конца. Именно поэтому и не пытались придать обвинению правдоподобный вид, подчеркивая, что все это фальсификация, что судят не за это, а за ... - сами знаете и делайте выводы, что может быть и с вами.

Через три недели после процесса Явора был арестован еще один Ленинградский активист Ефим Кричевский. Когда провокатор назвал его "жидовская морда", он дал обидчику по морде и теперь ожидает суда и заключения на 5 лет.

И есть за что! Разве можно в Советской России оскорбляться, когда тебя называют жидом?! И, если кто-то освободился от комплексов галута, то пусть знает свое место-тюрьму или концлагерь.

М.П.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА
от 21 августа 1973 года**

Президиум Ленинградского городского суда в составе:

Председательствующего - ЕРМАКОВА Н.А.

**Членов - ИЛЬЕНКОВОЙ Г.Н., РУМЯНЦЕВА
В.В., НИКИТИНОЙ В.И., КУЗЬМИ-
НОЙ Т.Г.**

С участием прокурора - АВЕРЬЯНОВА С.Г.

рассмотрел по протесту заместителя Председателя Верховного суда РСФСР дело по обвинению Явора Н.И. в пр.пр. ст. 206 ч. 1 УК.

Заслушав доклад члена Президиума т. Кузьминой Т.П. и заключение зам. прокурора города т. Аверьянова С.Г., полагавшего протест отклонить, приговор народного суда и

определение судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда изменить, снизить Явору меру наказания до 5-ти месяцев лишения свободы,

ПРЕЗИДИУМ УСТАНОВИЛ:

По приговору Московского районного народного суда города Ленинграда от 2-го апреля 1973 года

ЯВОР Николай Игоревич, 15 сентября 1948 года рождения, уроженец города Ленинграда, образование высшее, женат, на момент рассмотрения дела не работал, ранее не судимый, -

осужден по ст. 206 ч. 1 УК РСФСР к 1 году лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 17 мая 1973 года приговор оставлен без изменений.

Явор признан виновным в том, что 20 января 1973 года около 19 часов 30 минут, находясь в нетрезвом состоянии, в присутствии граждан из хулиганских побуждений стал отправлять естественные надобности у детской площадки, расположенной у дома № 31 по улице Бассейной. Когда к нему подошел гр. Смирнов и сделал замечание о недопустимости подобного поведения, Явор ответил ему в грубой форме. Затем подошел гр. Чеботаренко, который также сделал Явору замечание, на что тот ответил грубостью и продолжал оправляться. Явор был доставлен в органы милиции гражданами Смирновым и Чеботаренко.

В протесте ставится вопрос о прекращении дела производством по основаниям, изложенным в п. 2 ст. 5 УПК РСФСР, поскольку действия Явора охватываются понятием мелкого хулиганства, за которое он был подвергнут аресту на 10 суток, а не уголовно-наказуемого хулиганства.

Президиум, проверив материалы дела, обсудив доводы протеста, не находит оснований к его удовлетворению.

Вина Явора установлена показаниями свидетелей Смирнова и Чеботаренко, подтвердивших, что они вынуждены были задержать и доставить Явора в органы милиции только потому, что он, находясь в пьяном состоянии, оправлялся на виду у граждан у детской площадки, вызывающе

себя вел после сделанного ему замечания о недопустимости подобного поведения.

Такими действиями Явор проявил явное неуважение к обществу и грубо нарушил общественный порядок. Президиум рассматривает их как уголовно-наказуемое хулиганство, подпадающее под диспозицию ч. 1 ст. 206 УК.

Вместе с тем Президиум находит, что народный суд и судебная коллегия городского суда при обсуждении вопроса о мере наказания в должной степени не учли конкретные обстоятельства совершенного им преступления, степень вины, факт привлечения к уголовной ответственности впервые. Явор в течение 5-ти месяцев отбывает наказание в местах лишения свободы, и этот срок достаточен для его исправления.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 43 УК и 378 УПК РСФСР, Президиум Ленгорсуда

ПОСТАНОВИЛ:

Приговор Московского районного народного суда города Ленинграда от 2 апреля 1973 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 17 мая 1973 г. в отношении ЯВОРА Н.И. изменить, снизить ему меру наказания до 5-ти месяцев лишения свободы.

ЯВОРА Николая Игоревича, 15 сентября 1948 года рождения, уроженца г. Ленинграда из-под стражи за отбыванием срока наказания немедленно ОСВОБОДИТЬ.

Протест зам. Председателя Верховного суда РСФСР оставить без удовлетворения.

Председательствующий

/Н. ЕРМАКОВ/

н/с Потехина А.К.

чл. СК Демидов П.П., Ленская Н.П.,
Шилова В.И. - докл.

ВЕРНО: Член Президиума - подпись - /Т.Кузьмина/

Заверено круглой печатью.

К ПРОЦЕССУ НИКОЛАЯ ЯВОРА

По приговору Московского районного народного суда города Ленинграда от 2.4.1973 г. Николай Явор был осужден на основании ст. 206 ч. 1 УК РСФСР на один год лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 21.8.1973 г. срок наказания Явору был снижен до пяти месяцев лишения свободы, которые он к тому времени уже отбыл.

Президиум Ленгорсуда рассматривал дело Явора по протесту заместителя Председателя Верховного суда РСФСР, в котором ставился вопрос о прекращении дела производством за отсутствием в действиях осужденного состава уголовного преступления, предусмотренного ст. 206 ч. 1 УК РСФСР. Автор протеста считал, что Явор совершил лишь административный проступок /мелкое хулиганство/, за который он в свое время уже получил наказание в виде 10 суток ареста, которые отбыл.

Президиум Ленгорсуда, как это видно из вышеизложенного, отклонил протест, не соглашаясь с его юридическими мотивами, но постановил компромиссное решение, ограничившись отбытым сроком наказания.

Ст. 206 ч. 1 УК РСФСР гласит:

"Хулиганство, т.е. умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу... -

наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до одного года или исправительными работами на тот же срок, или штрафом от тридцати до пятидесяти рублей¹¹.

Таким образом, суд первой инстанции осудил Явора на максимальный срок наказания, предусмотренный санкцией упомянутой статьи, а Президиум Ленгорсуда определил лишение свободы ниже минимума /5 месяцев/.

Двадцатичетырехлетнему /к тому времени/ Николаю Явору, имеющему высшее математическое образование, женатому, работавшему в качестве ведущего инженера и начальника отдела одного из технических учреждений, инкриминировалось то, что он 20.1.1973 г. вечером, находясь в нетрезвом состоянии, в присутствии граждан стал отпра- влять естественные надобности у детской площадки, распо- ложенной рядом с его домом.

Явор категорически отрицал приписываемые ему дейст- вия и показал, что свидетели обвинения Смирнов и Чебо- таренко, которые за ним следили, задержали его без вся- ких к тому оснований при входе в проходной двор, веду- щий к его дому, и на машине доставили его в отделение милиции. На следующий день после задержания Явор был доставлен к народному судье, который на основании пока- заний указанных двух свидетелей признал, что он совер- шил административный проступок /мелкое хулиганство/ и постановил подвергнуть его аресту на срок в 10 суток. Прокурор города Ленинграда опротестовал это решение и привлек Явора к уголовной ответственности по ст. 206 ч. 1 УК РСФСР.

Адвокат С.А. Хейфец, защищавший Явора, ставил вопрос в двух плоскостях: а/ если даже признать доказанным поступок, инкриминированный Явору, то и в этом случае является правильным первоначальное постановление судьи /10 суток ареста/, считавшего, что такие действия обра- зуют лишь административный проступок, а не уголовное преступление; б/ по мнению адвоката, основанному на критической оценке показаний свидетелей, действия, при- писанные Явору, нельзя признать доказанными, и поэтому он подлежит оправданию.

Рассмотрим оба этих аспекта:

1. Действия, инкриминированные Явору /отправление естественных надобностей в общественном месте/ якобы имели место в 19ч.30м. 20 января во дворе дома № 31 по Бассейной улице в Ленинграде. Как известно, в это время уже совершенно темно, и как бы двор не был освещен, го- ворить о том, что такой поступок грубо нарушает общест- венный порядок и способен вызвать особое возмущение присутствовавших /которых, кстати, и не было вокруг/ - вряд ли возможно. Бывают ситуации, когда человек в силу физических особенностей, а порой и недостатков, вынужден

вопреки воле совершить то, в чем обвинили Явора. И уже по этим причинам необходимо особо осторожно подходить к вопросу о привлечении его к какой бы то ни было ответственности.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.7.1966г.^{х/}
"Об усилении ответственности за хулиганство", впервые сформулировавший состав "мелкого хулиганства" - гласит:

Ст.1 - "Мелкое хулиганство, т.е. нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан, если эти действия по своему характеру не влекут применения мер уголовного наказания, -

наказываются арестом на срок от 10 до 15 суток или исправительными работами на срок от 1 до 2 месяцев с удержанием 20% заработка, или штрафом от 10 до 30 рублей".

Из указанной редакции Закона видно, что законодатель имел ввиду действия распоясавшегося субъекта, умышленно помешавшего гражданам спокойно отдыхать, именно в силу пренебрежительного к ним отношения. Все это неприменимо к Явору, которого поэтому, даже при признании доказанным самого факта, - нельзя было привлекать к ответственности за мелкое хулиганство и подвергать аресту на 10 суток. Наши утверждения обоснованы еще и тем, что цитируемый выше закон знает "Иные меры ответственности за нарушения общественного порядка" /раздел 3-й, ст. 12/:

"Появление на улицах или в других общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем достоинство и общественную нравственность, -

наказывается штрафом в размере от 3-х до 10-ти рублей, налагаемым начальником органа милиции".

В крайнем случае и этими мерами можно было ограничиться при данных обстоятельствах.

х/ "Ведомости Верховного Совета СССР", 1966, № 30, ст. 595

Не случайно заместитель Председателя Верховного суда РСФСР, опротестовав приговор, рекомендовал прекратить дело Явора производством в уголовном порядке, поскольку его действия охватываются понятием мелкого хулиганства, за которое он был подвергнут аресту на 10 суток. Вряд ли можно заподозрить автора протеста в особом расположении к Явору; совершенно очевидно, что приговор, по которому осудили в Ленинграде на год лишения свободы по ст. 206 ч. 1 УК РСФСР, был настолько неправомерным, что потребовалось вмешательство заместителя Председателя Верховного суда РСФСР.

Различие между "мелким хулиганством", преследуемым в административном порядке, и уголовно-наказуемым хулиганством определено самим Законом, формулирующим последнее как "умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу".

Все эти усиливающие признаки отнюдь не случайны, однако ленинградские суды, как Народный, так и Городской не захотели с ними считаться, тем самым нарушив Закон.

Комментарий к УК РСФСР следующим образом разъясняет обсуждаемый ^{х/}нами состав преступления, именуемого хулиганством:

"Грубое нарушение общественного порядка - это нарушение существенное, значительное по своему характеру и интенсивности. Явное неуважение к обществу - это открыто выраженное, очевидное пренебрежение правилами поведения, благопристойности и приличия".

Поэтому подытоживая первый вариант соображений защитника Явора, мы приходим к выводу, что они были юридически правильными и обоснованными.

2. Не менее, а, может быть, еще более существенным является вопрос о доказанности самого факта, положенного в основу обвинения.

Обвиняемый категорически отрицал и то, что он был в нетрезвом виде и, действия, которые ему были приписаны.

^{х/} "Комментарий к УК РСФСР". М., 1971, стр. 437.

Он утверждал, что свидетели обвинения Смирнов и Чеботаренко следили за ним и задержали его без всяких к тому оснований. То, что Явор не был пьян, подтвердили на суде два свидетели - Голубев и Плискин, расставшиеся с Явором за 20 минут до его задержания. Эти же свидетели рассказали, со слов Явора, что накануне задержания его пригласили в ОВИР, где не представившийся сотрудник Управления внутренних дел угрожал ему арестом в случае, если он не прекратит настаивать на отмене оплаты за высшее образование, требуемое советскими властями от евреев, выезжающих в Израиль. Явор отказался выполнить рекомендацию таинственного должностного лица, и на следующий день он был действительно арестован. Такое совпадение обстоятельств не могло быть случайным, оно подтверждает предположение о намеренной провокационной инсценировке с целью осуществления упомянутых выше угроз. Правдоподобность такого предположения обоснована еще и тем, что свидетели Смирнов и Чеботаренко не являлись посторонними зрителями, возмущившимися действиями Явора, которые он не признавал, а следили за ним до его появления в проходном дворе, расположенном недалеко от дома, где он жил. Такие "свидетели", естественно, не могли по собственной инициативе осуществлять слежку за Явором; они несомненно выполняли чье-то приказание, удивительно совпадающее с угрозой работника УВД, услышанной Явором накануне.

Адвокат выехал на место, начертил план двора и окружающих его домов и, допрашивая на суде единственно явившегося свидетеля Чеботаренко, пытался выяснить каким образом, проходя по улице вместе со Смирновым, они увиделиправляющегося Явора, в то время, как из того места, где они находились, двор не просматривается. Ответы свидетеля были невразумительны и не совпадали с его рассказом во время дознания. Они противоречили также и записям показания не явившегося в суд Смирнова. ^{x/}

^{x/} Ссылка в приговоре на показания не допрошенного в суде свидетеля Смирнова, является нарушением статьи 286 УПК РСФСР. Адвокат был лишен возможности произвести очную ставку между свидетелями Чеботаренко и Смирновым, что существенно ограничило право подсудимого на защиту.

Стало очевидным, что свидетели не сумели согласовать свои показания, что обвинение не доказано и явно придумано. Все это, вместе взятое, дало основание адвокату требовать оправдания Явору за недоказанность самого события преступления.

Суд со всеми этими доводами не посчитался. Вышестоящие судебные инстанции, в нарушение возложенных на них Законом обязанностей, ^{х/} не отменили необоснованного приговора. Невинный Николай Явор в течение 5-ти месяцев содержался в тюрьме. Явная надуманность обвинения способствовала лишь снижению меры наказания, но политическая цель, намеченная властями, была, по их мнению, достигнута: еврей Явор был наказан за его настоятельные протесты против обложения выезжающих в Израиль налогом за образование. Однако усилия Явора и его настойчивость, поддержанные международной общественностью, не прошли даром: через непродолжительное время налог за образование был отменен.

Н. Явор приехал в Израиль, где успешно занимается научной работой в Институте имени Вейцмана.

^{х/} Согласно статье 342 п. 2, несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела является основанием к отмене приговора кассационной инстанцией.

ПРОЦЕСС
ПИНХАСА ПИНХАСОВА
/Дербент, 12-13.11.1973 г./

Копия

УДОСТОВЕРЕНИЕ ПЕНСИОННОЕ

№ 013213

Фамилия ПИНХАСОВ

Имя Пинхас

Отчество Беньягуевич

Год рождения 1935

Пенсионер. Инвалид труда.

Пенсия назначена по 3 группе инвалидности в соответствии с Законом о государственных пенсиях и п. Положения о порядке назначения выплаты государственных пенсий: за выслугу лет /нужное подчеркнуть/ из среднего месячного заработка 130р.68коп.

В общей сумме 35-05 /тридцать пять 05 коп./.

Пенсия назначена 28.ХП.62 г.

пожизненно.

Удостоверение выдано 6.02.67г.

Зав.отделом - подпись

м.п. Бухгалтер

СПРАВКА О ПРОЦЕССЕ

ПИНХАСА ПИНХАСОВА

Личные данные: Пинхасов, Пинхас /Петр/, год рождения 1935, г. Дербент, Дагестанская АССР. Специальность - плотник. Инвалид труда /без одной ноги/

Семья: жена - Пинхасова Ялта, г.р. 1936;
дети - Григорий, г.р. 1958,
Семен, г.р. 1960,
Салимхат, г.р. 1966,
Анжела, г.р. 1968,
Мая, г.р. 1969,
Год, г.р. 1971.

В начале 1973 года семья Пинхасовых подала документы на выезд в Израиль. Летом того же года семья получила через ОВИР города Махачкала Дагестанской АССР разрешение на выезд. Пинхасов уволился с работы, уладил все личные дела и получил выездную визу № 32044. Семья должна была выехать в конце сентября 1973 года.

Уже после получения визы местные органы власти города Дербента потребовали от Пинхасова отказаться от выезда. 9-го сентября 1973 г. Пинхасов вместе с женой были вызваны в милицию. Следователь Нагиев стал угрожать им тем, что арабы захватят Израиль, детям там опасно жить, из-за отсутствия квартир там спят под открытым небом и т.д.

Когда все эти угрозы не помогли, Пинхасов был задержан на месте без объяснения причин. Только через три дня было передано жене, что Пинхасов обвиняется в завышении цен на столярные работы, которые он выполнял на дому у заказчиков по поручению бытового комбината, и присвоении лишних денег, которые брал за эту работу. После ареста Пинхасова милиция потребовала от жены и детей отказаться от выезда в Израиль, и тогда их муж и отец будет освобожден. Жене и родственникам не дали возможности встретиться с Пинхасовым. Имея на руках выездную визу, семья все-таки решила уехать в Израиль.

Семья выехала в Израиль 25 сентября 1973 года, а Пинхасов остался под арестом.

По показаниям и рассказам приехавших из Дербента знакомых Пинхасову было по ходу следствия предложено отказаться от выезда в Израиль, в этом случае суд будет отменен и его семья сможет вернуться из Израиля в Дербент.

Суд состоялся 12-13.11.1973 года. Пинхасову было предъявлено обвинение по статьям 92 и 156 УК РСФСР.

Статья 92 гласит:

Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты, либо путем злоупотребления служебным положением -

наказывается лишением свободы на срок до четырех лет.

Статья 156 гласит:

Обман покупателей и заказчиков, обмеривание, обвешивание, превышение установленных розничных цен и т.п. -

наказывается лишением свободы сроком до двух лет. x/

Состав суда:

Судья - РАМАСАНОВ

Народные заседатели - две женщины

Прокурор - КАСАФАРЬЯН

Защитник-адвокат - ИЛИЯЕВ ОВАДИЯ

Суд проходил в здании Горсуда города Дербента. Суд был открытым, присутствовали родственники Пинхасова и много евреев-жителей города Дербента.

По рассказам присутствовавших в суд не были вызваны свидетели защиты.

В первый день заслушали восемь свидетелей обвинения, которые практически защищали Пинхасова.

x/ Содержание ст.ст. 92 и 156 УК РСФСР изложены произвольно. Точную редакцию упомянутых статей смотри в юридическом комментарии.

Свидетели показали, что не платили Пинхасову повышенные неофициальные цены за заказанные ими работы в бытовом предприятии. Они, правда, давали Пинхасову дополнительную плату, но это, по их мнению, ему полагалось за добавочную работу, которую он делал для них, а именно: транспорт материалов, работа в сверхурочные часы и по воскресеньям, использование работы сына и т.д. Свидетели заявили, что у них нет и не было никаких претензий к Пинхасову.

На второй день суда выступили еще три свидетеля, они тоже не могли подтвердить обвинение.

Пинхасов не признал себя виновным. Судья не дал ему высказаться, но подсудимый все же заявил, что этот суд является мстью за его желание выехать в Израиль.

Пинхасов был приговорен к пяти годам лишения свободы.

После приговора адвокат Илияев отказался подать кассационную жалобу из-за атмосферы угроз и запугивания по этому делу. Родственники не могли найти в Дербенте другого адвоката.

С помощью постороннего лица Пинхасов лично написал и отправил в Верховный Совет Дагестанской АССР просьбу о пересмотре дела.

Дело в Верховном Суде слушалось 11 декабря 1973 года без осужденного и без защитника. Присутствовала сестра осужденного Соня Узияева,

Вся процедура длилась около 15-ти минут, и приговор был оставлен без изменений.

Пинхасов имел право обжаловать приговор в Верховный суд РСФСР в порядке судебного надзора, но родственники осужденного, будучи запуганными, не знали как использовать свои права, и в мае 1974 года Пинхасов был переведен в исправительно-трудовой лагерь по адресу: Калмыкская АССР, Мало-Дергентовский район, поселок Большой Дарим, п.я. 27/31.

Жена Пинхасова Ялта послала из Израиля несколько писем в СССР: Генеральному прокурору Руденко, Председателю Совета Национальностей СССР Я.С. Насреддиновой, Министру юстиции СССР В.И. Теребилову, но не получила никакого ответа.

Советская пресса и радиопередачи в Дагестане реагировали на обращение общественных кругов Запада, особенно Англии, опубликованием ложных данных о деле Пинхасова.

Впоследствии - 25.9.1975 г. - Верховный Суд Дагестанской АССР пересмотрел в порядке надзора дело П. Пинхасова и снизил ему наказание до 2-х лет лишения свободы, и за отбытием к этому времени указанного срока, - из-под стражи освободил.

П. ПИНХАСОВ приехал в Израиль. х/

ДАГЕСТАНСКАЯ ПРАВДА

28 ноября 1973 г.

Позор буржуазным
клеветникам!

ОЧЕРЕДНАЯ
ФАЛЬШИВКА БИ-БИ-СИ

На днях английская радиостанция Би-Би-Си в одной из своих передач, в который уж раз, повторила измышления о том, что в Советском Союзе якобы преследуют граждан еврейской национальности и в особенности тех, кто хочет иммигрировать "в страну социальной и классовой гармонии", то бишь в Израиль. Радиоврали из Би-Би-Си без зазрения совести заявляют, что-де на пути желающих переехать в Израиль ставятся всевозможные рогатки. Дело, мол, доходит до того, что таких людей сажают в тюрьму. В подтверждение этому радиостанция сослалась на Пинхасова - жителя Дербента. Она обратилась к русской православной церкви /! / взять Пинхасова под свою опеку и выволить "жертву" из неволи, "помочь воссоединиться с семьей в Израиле".

И сразу же после передачи /очевидно, не без указки/ в нашу страну посыпались телеграммы от всевозможных женских "организаций", сионистских комитетов, частных лиц. В этих телеграммах содержится требование освободить "невинно" осужденного Пинхасова, дать ему возможность приехать в Израиль к семье и детям. Более того, некая госпожа Корби, живущая в Лондоне, предлагает даже "восстановить невинность Пинхасова".

Кто же такой этот Пинхасов, в защиту которого так настойчиво выступают английская радиостанция, некоторые

х/ Примечание: Редакция, к сожалению, не располагает подлинными текстами судебных документов.

"организации" и лица?

Пинхас Биньяминович Пинхасов, 1935 года рождения, по национальности тат, в течение 11 лет работал столяром на Дербентском ремстройучастке. Он сам и его семья ни в чем не нуждались, Но, как свидетельствует "трудовая биография" Пинхасова, его никогда не покидала мысль зашибить денег побольше. И он стал воровать материалы. Разумеется, это нельзя было оставить без последствия. П.Б. Пинхасову стали внушать, что, если он не прекратит свои махинации, к нему будут приняты более суровые меры.

П.Б. Пинхасов на время "успокоился". Он перешел на новую работу - в передвижную механизированную колонну № 1 объединения "Дагконсерв". Его назначили бригадиром плотников. Но вскоре П.Б. Пинхасов принялся за старое... и был пойман при попытке похитить социалистическую собственность.

Советский суд - гуманен. Учитывая, что у Пинхасова шестеро детей, его не взяли под стражу. Суд приговорил его к одному году исправительных работ с вычетом из зарплаты 15 процентов в пользу государства. Было учтено также "заверение" П.Б. Пинхасова, что он больше не будет воровать народное добро.

Но П. Пинхасов забыл и о своих обещаниях, и о снисходительном приговоре суда. Поступив уже в Дербентский комбинат бытового обслуживания, он снова стал заниматься жульничеством.

В столярную мастерскую, где он работал, часто завозилась продукция. П.Б. Пинхасов присваивал ее и перепродавал. Он допускал и другие нарушения, граничащие с уголовной ответственностью. Его снова и снова предупреждали. Но все это не возымело действия. В конце концов руководство комбината было вынуждено уволить П.Б. Пинхасова с работы. И тут выяснились обстоятельства, на которые суд уже не мог не обратить внимания. Оказывается, П.Б. Пинхасов обворовывал граждан Дербента. Он брал с них одну сумму денег, а в квитанциях указывал совершенно другую. При расследовании было установлено, что он за сравнительно короткий срок путем обмана клиентов и обмана государства присвоил очень большую сумму денег.

На очередном суде П.Б. Пинхасов признал свою вину в совершенном преступлении. По статьям уголовного кодекса ему грозило семь лет тюремного заключения. Но суд и на

этот раз проявил гуманность к П.Б. Пинхасову, - учитывая его многодетность, приговорил к гораздо меньшему сроку лишения свободы. К этому следует добавить, что после вынесения приговора выявились новые факты жульничества П.Б. Пинхасова. Из селения Касумконт пришли жалобы в народный суд на то, что П.Б. Пинхасов взял у местных граждан в счет будущих работ 1.300 рублей. Были приложены расписки, выданные П.Б. Пинхасовым. А брал он эти деньги в то время, когда уже решался вопрос о его выезде в Израиль. Стало быть, он знал, что никакую работу выполнить он не успеет. А расписки? Он решил, что после того, как уедет на "святую землю", эти расписки потеряют силу.

Вот каково истинное лицо "невинной жертвы"! И это его решила взять под защиту радиостанция Би-Би-Си?! Впрочем, чему удивляться? Ведь эта радиостанция не раз присоединяла свой голос к злобному шипению сионистов, которые из кожи лезут вон, чтобы облить грязью нашу страну. Да, жулик П.Б. Пинхасов мог поехать в Израиль вслед за семьей. Но он должен ответить за свои преступления. Он - жертва своей неумной страсти запускать руку в государственный карман. Таково положение дел. И как бы ни плакались в Би-Би-Си, им придется считаться со всем этим. Ну, а то, что радиостанция привыкла вторить сионистской пропаганде, никого не удивляет. Радиоврали от буржуазии набили себе языки на клевете. Народы всего мира хорошо знают, что советские люди воспитаны в духе великой дружбы и братства, они живут свободно и счастливо. И никакая грязь к ним не пристанет!

Б. ИФРАИМОВ

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ КОЛЛЕГИЯ АДВОКАТОВ
ЗАВЕДУЮЩИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИЕЙ № 3

Москва, Центр, ул. Чернышевского тел. 294-61-12
№ 517 17 ноября 1975 г.

ПИНХАСОВОЙ Я.

Постановлением Президиума Верховного суда Дагестанской АССР от 24 сентября 1975 г. мера наказания в отношении Вашего мужа снижена до 2-х лет лишения свободы с освобождением его из места заключения за отбытием срока наказания.

Его местопребывание в настоящее время нам неизвестно, а поэтому выполнить Вашу просьбу об установлении связи с ним не представляется возможным.

Заведующий
юридической консультацией № 8 /подпись/ /Каминский/

форма Б.ИЛ

С С С Р
Министерство внутренних
дел

Справка

Управ. Внутрен. Дел
Волгоградского облисполкома.
Учреждение ЯР 154/12

27 ноября 1975 г.

Выдано гражданину Пинхасову Пинхасу Беньягуевичу
Дата рождения - 25 октября 1935 г
Уроженец г. Дербента, Дагестанской АССР

Национальность - гор. еврей

Семейное положение - женат, других сведений нет.

Отношение к военной службе: не военнообязанный, осужден-
ный 13-Х1.73 г. н/с. гор.

Дербента Дагестанской АССР по ст.ст. 92, ч. П; 156, ч.
ПУК РСФСР на 2 года лишения свободы с лишением права за-
нимать материально-ответственные должности сроком на 3
года.

Имеющему в прошлом судимость -

0 том, что он отбывал наказан. в Мест. лишения свободы
16 августа 1973 г. по 27 ноября 1975 г.

Выдан паспорт серия 1У-Ш.ИН 566252 от 23.ХП.75г., откуда
освобожден по отбытии наказания.

м. фотографии и печати

Учреждение ЯР 154/12

Начальник учреждения /Подпись/
Начальник отдела/части/ /Подпись/ .

РСФСР
Министерство юстиции
Дербентский городской
НАРОДНЫЙ СУД
Дагестанской АССР

ПИНХАСОВУ ПИНХАСУ

г. Дербент, ул.Канделаки
35

6 декабря 1975 г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

№ 3-85
Дербент, ул. Коммунаров, 46
тел. 3191

Дербентский горнарсуд предупреждает Вас немедленно устроиться на работу и сообщить нарсуду к 15/1-76г. для погашения задолженности по исполнительным листам в сумме 4696руб. /четыре тысячи шестьсот девяносто шесть/.

На 1/1-76 г. за Вами числится 4696руб.

Председатель
Дербентского горнарсуда /подпись/ Рамазанов И.Г.

Судисполнитель /подпись/ Абдуселимов К.К.

СПРАВКА

Штамп Горнарсуда

28.1.78 г.

Дана Пинхасову Пинхасу в том, что он действительно уплатил задолженность по исполнительным листам в сумме 4229р.40коп. /четыре тысячи двести двадцать девять р. 40коп./ согласно квитанции 173111 от 23.1.76г. кв.23/1-76 г. и кв. 000620

Печать
Горнарсуда
г.Дербента

Председатель Горнарсуда /подпись/
Рамазанов

Судоисполнитель /подпись/
Абдулселимов

К ПРОЦЕССУ ПИНХАСА ПИНХАСОВА

По приговору Горсуда города Дербента, Дагестанской АССР от 13-го ноября 1973 года Пинхас /Петр/ Пинхасов, 1935 года рождения, инвалид труда, был осужден по совокупности ст.ст. 92 ч. 2 и 156 ч. 2 УК РСФСР на пять лет лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Постановлением Президиума Верховного суда Дагестанской АССР от 24 сентября 1975 г. мера наказания Пинхасову была снижена до 2-х лет лишения свободы и 27 ноября 1975 г. он был освобожден и приехал в Израиль.

Вышеуказанные статьи УК гласят:

Ст.92 ч. 2:

"Присвоение либо растрата государственного или общественного имущества, вверенного виновному, а равно завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением - совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц, -

наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового".

Ст. 156 ч. 2:

"Обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен и тарифов на бытовые и коммунальные услуги, оказываемые населению, или иной обман покупателей и заказчиков в магазинах и иных торговых предприятиях или в предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства - совершенные по предварительному сговору группой лиц, или в крупных размерах, или лицами, ранее судимыми за те же преступления, -

наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без таковой с лишением права занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства¹¹ /в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 марта 1972 г./.

Пинхасов был осужден на пять лет лишения свободы за то, что, работая в Дербентском комбинате бытового обслуживания в качестве столяра-бригадира, выписывал заказчикам квитанции за выполненные работы на суммы, меньшие чем те, которые они действительно вносили, и разницу брал себе. Суммы, фигурирующие в квитанциях, соответствовали прейскурантной стоимости работ.

Пинхасов, не отрицая самого факта получения от заказчиков денег в сумме, превышающей официальную стоимость работ, все же не признал себя виновным в инкриминированных ему преступлениях, объяснив суду, что дополнительную плату от заказчиков он получал за работы, не предусмотренные прейскурантом, которые он выполнял в выходные дни на дому, пользуясь при этом трудом сына, и что никакого материального и иного ущерба комбинату бытового обслуживания, а также заказчикам он не причинил. Пинхасов заявил также, что он рассматривает настоящий суд как проявление мести за его желание покинуть Советский Союз.

Судя по заявлению родственников Пинхасова, присутствовавших на суде, свидетели-заказчики подтвердили показания Пинхасова, утверждая, что они доплачивали ему лично определенные суммы денег сверх тех, которые фигурировали в квитанциях, за дополнительные работы, произведенные им самим, и что эти работы не входили в круг его обязанностей, как работника комбината. Эти свидетели не считали себя потерпевшими, никакого гражданского иска к Пинхасову не заявили и материальных претензий к нему не имеют.

В свете изложенных выше фактов, которыми мы располагаем, попытаемся рассмотреть вопрос о юридической

обоснованности обвинительного приговора.х/

Как известно, Пинхасов осужден по совокупности двух составов преступлений, совершение которых ему было вменено: а/ хищение государственного или общественного имущества путем злоупотребления служебным положением /ст. 92/ и б/ обман покупателей и заказчиков /ст. 156/.

Мы исходили из того, что Пинхасов брал от клиентов деньги, не приходявав их по кассе комбината, а также из того, что эти деньги были им получены за дополнительные работы и услуги, не входящие в круг его обязанностей.

Первый вопрос, на который мы постараемся ответить, заключается в том, совершил ли Пинхасов при изложенных выше обстоятельствах хищение государственного или общественного имущества?

Что законодатель имел ввиду под понятием "хищение"?

Обратимся к комментаторам и судебной практике Верховного суда.

"Хищение социалистического имущества... это незаконное изъятие с корыстной целью из социалистических фондов и обращение в личную пользу отдельных лиц государственного или общественного имущества, находящегося в правомочном владении виновного...!"х/

Очевидно то, что не может быть хищением социалистического имущества, если государственные или общественные фонды, вверенные обвиняемому, оставались незадетыми и не уменьшились, даже в том случае, если должностное лицо имело определенную материальную выгоду лежащую за пределами государственных или общественных ценностей.

х/ Автор, к сожалению, не располагает достаточным количеством документальных данных, делающих его выводы бесспорными, но, вместе с тем, не сомневается в достоверности фактов, положенных им в основу заключения.

хх/

"Комментарий к УК РСФСР". М., 1971, стр. 225.

В развитие указанного бесспорного тезиса Верховный Суд СССР в своем руководящем Постановлении Пленума от 11 июля 1972 г. № 4 "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества" указал:

"Злоупотребление должностного лица служебным положением, заключающееся в незаконном безвозмездном обращении с корыстной целью государственного или общественного имущества в свою собственность или собственность других лиц, должно рассматриваться как хищение и квалифицироваться по ст. 92 УК РСФСР...

От состава этого преступления суды должны отличать такое злоупотребление служебным положением, которое, хотя и было совершено по корыстным мотивам и причинило материальный ущерб государству или общественной организации, однако не связано с безвозмездным обращением социалистического имущества в свою, собственность или собственность других лиц..."^{х/}

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что если Пинхасов своими действиями, хотя и не совсем правомерными, не обращал в свою собственность имущество комбината, то не могло быть и речи о вменении ему состава хищения государственного или общественного имущества, т.е. ст. 92 УК РСФСР, т.е. приговор в этой части не основан на законе.

Законодатель, предвидя, что должностное лицо может своими неправомерными действиями, не совершая хищения, т.е. не обращая в свою собственность государственного или общественного имущества, тем не менее причинить имущественный ущерб представляемой им организации, сформулировал такие действия в другой статье Уголовного кодекса, а именно статьей 94-й УК РСФСР, которая гласит:

"Причинение имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, -

^{х/} "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1972, № 4, стр. 9.

наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или лишением права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью, либо влечет применение мер общественного воздействия¹¹.

Если условно допустить, что Пинхасов, выполняя для заказчиков дополнительные работы, пользовался материалом или инструментом комбината и причинил ему какой-то незначительный материальный ущерб, то и в этом случае в его действиях можно было усмотреть лишь состав статьи 94-й, а не статьи 92-й УК РСФСР. Наказание, предусмотренное этой статьей УК, настолько незначительное, что привлечение Пинхасова - инвалида труда, отца шестерых детей, уже получившего к тому времени выездную визу, - действительно ничто иное, как политическая месть за его настойчивое желание уехать в Израиль.

Был ли в действиях Пинхасова второй состав преступления, предусмотренный ст. 156 УК РСФСР - обман покупателей и заказчиков?

Ответ на этот вопрос содержится в самой редакции этой статьи УК:

"Обман покупателей и заказчиков" - при его отсутствии нет состава преступления по этой статье.

Свидетели, как это видно из сообщения присутствовавших на суде, отказались от предъявления каких-либо претензий к Пинхасову; они заявили, что получили от него дополнительные услуги, дополнительный труд его сына и его самого, выполненный в нерабочее время, что в данном случае никто их не обманывал и не вводил в заблуждение.

Казалось бы, что при указанных обстоятельствах нет необходимости в дополнительных доказательствах незаконности и необоснованности приговора, которым осужден Пинхасов.

Однако объективности ради мы приводим следующие высказывания авторитетных комментаторов советского уголовного закона.

В Комментарий к УК РСФСР под редакцией профессоров

Г. Анашкина, И. Карпеца и Б. Никифорова /Москва, 1971 г./ сказано:

"С субъективной стороны рассматриваемое преступление /имеется ввиду ст. 156 УК РСФСР - прим. автора/ предполагает прямой умысел. Виновный сознает, что своими действиями вводит покупателя в заблуждение относительно качества, количества или цены товара, и желает совершить такой обман" /стр. 337/.

и далее:

"Ст. 156 не может быть применена в случае продажи товара по повышенной цене с согласия покупателя.." /стр. 338/.

Комментатор считает: то, что превышение прейскурантных цен даже при отсутствии доработки продукта, если есть на то согласие покупателя, не образует состава преступления по ст. 156 УК РСФСР. Тем более нет уголовно-наказуемых действий тогда, когда должностное лицо по договоренности с заказчиком производит своими силами и вне предприятия дополнительные работы, которые не входили в круг его обязанностей. Никто не мог обязывать Пинхасова и его сына работать внеурочное время и совершенствовать стандартные изделия без того, чтобы получить за это дополнительное вознаграждение.

Такое же указание содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. № 24:

п. 9 -

"Разъяснить судам, что ответственность по ст. 156 УК РСФСР наступает при установлении в действиях виновного прямого умысла на совершение обмеривания, обвешивания, превышения установленных розничных цен, обсчета или иного обмана покупателей".

/См. "Бюллетень Верховного Суда РСФСР", 1965 год, № 2, стр. 4/.

Таковы вопросы права применительно к рассматриваемому делу. Не менее существенным являются в данном конкретном случае аспекты элементарной справедливости и социальной целесообразности, о которых так много написано в советских официальных публикациях.

Пинхасов - человек без одной ноги, отец многочисленного семейства /6 детей в возрасте от 2-х до 17-ти лет/, рабочий-плотник, решил репатриироваться в Израиль. У советских властей не было никаких формальных оснований для отказа ему в разрешении на выезд, и оно было действительно получено. Зачем понадобилось в последний момент возбуждать против этого человека уголовное дело, да еще при отсутствии обоснованных для этого данных?

Нам представляется, что дело Пинхасова - одно из звеньев в общей цепи политических репрессий против евреев, стремящихся репатриироваться в государство Израиль, а следственные и судебные органы Дагестанской АССР стали послушным орудием осуществления указанной политической цели.

ПРОЦЕСС
АЛЕКСАНДРА ФЕЛЬДМАНА
/Киев, 23.11.1973 г./

ПЕРЕД ПРОЦЕССОМ

ПРОКУРОРУ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Жалоба

20 декабря 1972 года Народным судом Шевченковского района города Киева мы были административно арестованы на 15 суток по указу от 15 февраля 1962 г. /это указ об усилении ответственности за покушение на жизнь, здоровье и честь работников милиции/. Указом не предусмотрено содержание в карцере с питанием через день, без вывода на работу или прогулку, отказ в передачах.

В это время администрация Лукьяновской тюрьмы поместила нас в карцер, питание выдается через день, нас держат на полу, в антисанитарных условиях, не выводят на прогулку или работу. Передачи нам запрещены, нам незаконно обрили бороды. Тюремная администрация отказывается отвечать на вопрос, кто и по какой причине дал распоряжение об условиях нашего содержания, противоречащего указу от 15.2.1962 г.

Просим Вас прибыть в Лукьяновскую тюрьму. Наш карцер № 26.

Административно арестованные: Сороко Юрий, Меламед Зиновий, Фельдман Александр

23 декабря 1972 г.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС Л.БРЕЖНЕВУ

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР Р.РУДЕНКО

Органами УВД 18 октября у своего дома арестован Александр Фельдман, 1947 г. рождения. В настоящее время проводится следствие с целью обвинить его в хулиганском поступке. Александр Фельдман в течение длительного времени активно добивался возможности выехать в Израиль, поэтому его арест и обвинение в поступке, которого он не совершал, расценивается нами как противозаконная репрессивная мера.

19 октября в квартире Фельдмана был произведен обыск, сопровождаемый грубыми нарушениями закона. Группа работников милиции проникла в квартиру, открыв двери своим ключом. Изъятая литература не имеет отношения к характеру обвинения. Аресту предшествовала постоянная слежка за Фельдманом. Следователь Карпенко в разговоре с братом Фельдмана, не имея на то никаких оснований, интересовался его психическим состоянием. Это вызывает тревогу за судьбу Александра Фельдмана.

Мы обращаемся к Вам с требованием восстановить законность, немедленно выпустить Фельдмана из тюрьмы и прекратить преследование его работниками милиции.

Киев: Фельдман Леонид, Берзон Григорий, Дубровский Борис, Раслин Саул, Фридман Ким, Цацкис Александр, Ляндрес Моисей, Корнблюм Борис

Москва: Шахновский Владимир, Гольдблат Михаил, Файнгольд Натан, Польский Виктор, Престин Владимир, Абрамович Павел, Слепак Владимир, Кошевой Леонид, Бейлин Иосиф, Крижак Валерий, Новиков Анатолий, Бегун Иосиф, Новиков Марк, Кошаровский Юлий, Токер Григорий, Райкин Александр, Коган Лев, Лурье Аркадий, Рутман Аркадий, Цыпин Леонид, Нашпиц Марк

29 октября 1973 г.

**МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ВРАЧЕЙ И ПСИХИАТРОВ
КОМИССИИ ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

Уважаемые господа! Нам известно, что цель Вашей Ассоциации заключается в защите человека от беззакония и насилия. Поэтому мы снова призываем Вас к защите Александра Фельдмана, арестованного в Киеве 18 октября. Мы, близкие друзья Фельдмана, не можем быть безразличны к тому, что с ним происходит.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что в течение двух лет Александру Фельдману без всяких разумных причин отказывали в визе на выезд в Израиль. Все это время он подвергался преследованиям со стороны КГБ, которое искало повода для ареста. Его несколько раз задерживали на различные сроки - до 15 суток за посещение синагоги или попытку обратиться к властям Киева и Москвы как по собственному делу, так и по поводу лиц, ранее арестованных за желание выехать в Израиль, за попытку возложить венок на братскую могилу в Бабын Яру и т.п.

За последние несколько месяцев он вместе с другими евреями неоднократно обращался к городским и республиканским властям в Киеве с просьбой разрешить ему выезд в Израиль. КГБ и представители милиции неоднократно угрожали ему смертью и ссылкой в Сибирь. В последние недели открытая слежка настолько усилилась, что Фельдман почувствовал - арест неизбежен. Было ясно, что властями фабрикуется дело. Отъезд многих близких друзей Фельдмана, прослушивание телефонов и обыски в домах активистов Москвы и Ленинграда - все было использовано для осуществления планов властей.

Как видно, еврейский праздник Симхат-Тора сочли подходящим моментом. Сначала он был задержан возле синагоги, но отпущен, так как слишком многие оказались свидетелями его необоснованного ареста.

Опасаясь за Фельдмана, его друзья Фридман и Берзон проводили его, расставшись в 7 часов вечера в нескольких метрах от его дома. Но Фельдман не попал домой. Как только он остался один, он был арестован. Итак, никто из его друзей не был свидетелем ареста.

Из различных действий властей совершенно очевидно, что дело было сфабриковано с начала до конца. На следующее утро, 19 октября, в квартире Фельдмана был произведен обыск в присутствии так называемого понятого, который принимал участие в грубых нарушениях установленных норм. Более того, пришедшие открыли квартиру собственным ключом, совершив таким образом взлом. Во время обыска был изъят сборник статей еврейского публициста Жаботинского.

В отделении милиции брату Фельдмана сообщили, что он был арестован за то, что сбил с ног женщину. Но производившие обыск сослались на нераспечатанную пачку денег, обнаруженную в портфеле Фельдмана - факт, не удивительный в стране, где служащие сберкасс слишком ленивы, чтобы без крайней необходимости распечатывать деньги. Тут же возникает целый ряд вопросов: почему человека, который сбил с ног женщину, обыскивают? Почему делают обыск в его квартире, воспользовавшись ключом, полученным от властей? Какая связь между "хулиганством" и статьями Жаботинского? Почему понятые принимали участие в обыске и кто они такие?

Дальнейшее развитие событий еще больше прояснило все, что предшествовало делу. 22 октября при первой встрече с родственниками Фельдмана следователь Карпенко категорически отказался сказать что-либо о причине ареста и сосредоточил все внимание на предполагаемых отклонениях Александра от психической нормы и на подготовке психиатрической экспертизы. 24 октября он сообщил, что Александру будет предъявлено обвинение по ст. 206-й Уголовного Кодекса Украины: хулиганство. Но он не сказал, какой конкретно хулиганский акт совершил Фельдман.

26 октября Фридман и Берзон заявили следователю, что хотят быть свидетелями в пользу своего друга и настаивали, чтобы им в общих чертах объяснили, в чем обвиняется Фельдман. Карпенко сообщил им, что Фельдман был арестован за учиненные беспорядки, но не упомянул о якобы сбитой с ног женщине. Следователь сказал также, что за Фельдманом следили в связи со случаем мелкого воровства в городе. На вопрос, почему те, кто следили за ним - иногда до пяти человек - не обнаружили ни одного случая воровства, Карпенко ничего не ответил.

31 октября известный писатель Виктор Некрасов и профессор физики Илья Гольденфельд, хорошо знающие Фельдмана, явились к прокурору Калюжному с заявлением, в котором они отметили все случаи процедурных нарушений, совершенных при аресте Фельдмана и во время предварительного следствия. Они также просили прокурора позволить родственникам Фельдмана привлечь к делу адвоката до окончания предварительного следствия ввиду многочисленных нарушений юридической процедуры. Они спросили прокурора Калюжного, почему на квартире Фельдмана был произведен обыск и почему он обвиняется по статье 206 в хулиганстве. Прокурор ответил, что это - необычное дело. Тогда его спросили: что же это было - хулиганство или что-то другое? Ответа не последовало. Некрасов и Гольденфельд настойчиво пытались обсудить с прокурором подробности ареста Фельдмана. Но прокурор категорически отказался от обсуждения, сославшись на то, что обнаружение обстоятельств дела до конца предварительного следствия может помешать прийти к правильным выводам. Он заявил, что писатели, пользуясь информацией, противоречащей выводам следователей и прокурора, оказывают вредное влияние на общественное мнение и таким образом мешают расследованию.

Так и произошло с делом Фельдмана, о котором писалось в газете Киевского горкома партии. Конечно, не без ведома прокурора в газете от 31 октября был напечатан фельетон Ясагардни, в котором в противоречие с заявлением прокурора подчеркивалось, что дело Фельдмана - это обычное дело о хулиганстве. Автор объединяет его с некими Субдиченко и Бониенко, также предполагаемыми хулиганами, о которых ни Фельдман, ни его друзья не имеют никакого понятия. О его виновности заранее заявлялось в фельетоне, рассчитанном на дискредитацию Александра Фельдмана и на то, чтобы предопределить результаты как следствия, так и судебного разбирательства.

Таким образом нам неизвестно, что произошло в действительности, но мы знаем, что Фельдман не мог совершить никакого хулиганского поступка. Более того, предвидя провокацию со стороны властей, он неоднократно говорил своим друзьям о твердом решении на провокацию не поддаваться. 17 дней он находится в Лукьяновской тюрьме в Киеве без свиданий и даже без передач. Следователь Карпенко обещал закончить расследование и передать дело в суд до истечения 20-дневного срока.

В то время, как с высокой трибуны Дворца съездов в Кремле представители ста государств говорят о правах человека и многие делегаты с восхищением провозглашают Советский Союз образцом гуманизма, гражданина этой страны берут на улице и бросают в тюрьму только за то, что он пытается добиться осуществления своего законного права на выезд в Израиль.

Уважаемые господа, мы бессильны против беззакония. Это побуждает нас снова и снова обращаться к вам и широкому общественному мнению. Это - единственный способ помочь нашему другу.

Полтинников Исаак, Полтинникова Виктория,
Бернштейн Ирма

4 ноября 1973 г. Новосибирск, ул. Восход, 1-12,
тел. 66-17-67

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР Р.РУДЕНКО

Уважаемый товарищ Генеральный Прокурор!

Мы обращаемся к Вам, не сдерживая своего возмущения попранием прав нашего сына и брата Александра Фельдмана, который был задержан 18 октября сего года работниками милиции г.Киева. Позже мы узнали, что ему предъявлено обвинение в хулиганстве.

Те, кто знают Александра, смогут сказать, что это ложь. Во время обыска на квартире, продолжавшегося около четырех часов, были изъяты книги, письма, тетради, записные книжки. Изъятие этих вещей никак не подтверждает обвинение. Все изъятые материалы убеждают лишь в том, что человек, увлекающийся философией, филологией, свободно владеющий почти всеми славянскими языками, самостоятельно изучающий английский и итальянский языки, не мог избить девушку. Сам обыск произведен в нарушение процессуального кодекса, о чем подана жалоба прокурору.

Мы вынуждены объяснить Вам истинную подоплеку всего происходящего. Уже больше года Александр Фельдман добивается разрешения на выезд в Израиль. Именно по этому поводу работники милиции неоднократно преследовали его. В марте он был задержан на 15 суток по обвинению в том,

что он угрожал покушением на жизнь работников милиции. Во время приезда президента США Никсона в СССР работник милиции Ремизов явился утром к Фельдману на квартиру, поднял его с постели и увез. Нам ничего не было известно о нем более недели, и в результате - то же обвинение: угрожал жизни работников милиции.

И, наконец, этот день 18 октября: Александр провел с друзьями, ходил в синагогу, потом все вместе были доставлены в КГБ, но их отпустили. Как только он попросился с друзьями, он был задержан милицией. И вот уже новое обвинение: хулиганство. О том, что это обвинение - ложь, свидетельствует поведение работников милиции, рассказывающих фантастические истории о взломанных сейфах и не желающих сообщить о существовании дела. Но то, что отказались сообщить нам, было напечатано в виде фельетона 31 октября в газете "Вечерний Киев".

Еще до окончания следствия в грубой и вульгарной форме человека обвинили в преступлении. В том же фельетоне приводится список работ, смененных Александром в течение небольшого срока. Там же сказано: Народный суд уже трижды осудил его за хулиганство на 15 суток.

Мы заявляем следующее:

1. Мы ни разу не слышали о Народном суде - это явная ложь.
2. Если Александр и был осужден, то не судом, а милицией.
3. Все это непосредственно влияло на его работу, так как после задержания работники милиции звонили туда, и его увольняли по другим причинам.

На самом деле все факты противоречат написанному в газете. Все это - грубое нарушение законности, проводимое в наши дни людьми, призванными защищать закон. Мы еще раз с уверенностью заверяем Вас, что фабрикуется ложное дело и имеет место провокационное действие со стороны группы лиц, выступающих в этом деле в роли свидетелей потерпевшей.

Принимая во внимание все вышеизложенное, убедительно просим Вас восстановить нарушенную законность и справедливость.

Фельдман Матвей /отец/, инвалид Отечественной войны II группы, Фельдман Леонид /брат/,
Фельдман Ефим /брат/

6 ноября 1973 г.

Киев

К НАРОДУ ИЗРАИЛЯ, ЕВРЕЙСКИМ ОБЩИНАМ МИРА
УЧАСТНИКАМ МЕСЯЧНИКА АСИРЕЙ ЦИОН В АНГЛИИ
ВСЕМ, КОМУ ДОРОГИ ЧЕСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

19 ноября 1973 г. в 10 часов утра в Дарницком нар. суде г.Киева состоится суд над Александром Фельдманом. Его обвиняют по статье 206, часть 2 УК УССР, инкриминируют злостное хулиганство, которое наказывается лишением свободы на срок от одного до пяти лет.

Фельдман в течение двух лет активно добивается выезда в Израиль и получает необоснованные отказы. За его неоднократные настойчивые индивидуальные и коллективные обращения к властям в Киеве и Москве, за его законные протесты он неоднократно подвергался административным арестам. Власти уже тогда угрожали ему арестом, если он не прекратит свои протесты.

18 октября, когда мировое общественное мнение было отвлечено событиями на Ближнем Востоке, власти нашли наиболее подходящий момент для ареста Фельдмана. Совершенно очевидно, что суд над Фельдманом совершается не за то, что он совершил якобы хулиганский поступок, а за то, что он активно добивается своего законного права - разрешения на выезд в Израиль.

Мы надеемся, что люди, которым дороги человеческие права, поймут, что дело Фельдмана создано для запугивания других евреев, желающих выехать в Израиль.

В знак протеста против суда над Фельдманом мы объявляем двухдневную голодовку 18 и 19 ноября.

Новосибирск: Политинников Исаак, Полтинникова Виктория, Бернштейн Ирма, Миндель Борис, Сойфер Моше, Сойфер Нина, Лейбман Лев, Лейбман Мириам, Язловицкий Яков

Ленинград: Гоман Григорий

Тбилиси: Гольдштейн Григорий, Гольдштейн Исай, Быкова Елизавета, Гельман Овсей, Кипнис Ева

Москва: Лунц Александр, Престин Владимир, Польский Виктор, Токер Гирш, Кошаровский Юлий, Слепак Владимир, Бегун Иосиф, Воронель Александр, Бейлин Иосиф, Кошевой Леонид

18 ноября 1973 г.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС АЛЕКСАНДРА ФЕЛЬДМАНА

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

23 ноября 1973 г.

гор.Киев

Народный суд Дарницкого района города Киева в составе:

народного судьи	- Ермаковой
народных заседателей	- Луценко и Молибога
при секретаре	- Степанце
прокурора	- Колюжного
адвоката	- Ежова,

рассмотрев в открытом судебном заседании выездной сессии уголовное дело по обвинению ФЕЛЬДМАНА Александра

Дмитриевича, рождения 12.3.1947 года, уроженца города Киева, еврея, образование среднее, беспартийный, холостой, прежде не судим, - в преступлении, предусмотренном ст. 206, ч. 2 УК УССР, суд -

УСТАНОВИЛ

Подсудимый ФЕЛЬДМАН 18.10.73 г. в 21 час на улице Энтузиастов учинил хулиганские действия, отличающиеся особой дерзостью.

Следуя по улице Энтузиастов, Фельдман без причины, из хулиганских побуждений ударил портфелем по руке гражданку ТЕЛЯКОВУ, в результате чего причинил ей легкие телесные повреждения без расстройства здоровья, выбил из рук торт, который она несла, испачкал белый плащ, оскорбив при этом нецензурной бранью.

Прибежавшие на крик ТЕЛЯКОВОЙ граждане ПРИХОДЬКО и КОЛОДА пытались пресечь хулиганские действия. Однако ФЕЛЬДМАН оказал им сопротивление, продолжая хулиганские действия. Он нанес удар кулаком в лицо гражданину ПРИХОДЬКО, из-за чего последний упал, разбил очки, разорвал свитер. ФЕЛЬДМАН оскорбил его нецензурными словами. Он также оказал сопротивление гражданину КОЛЮДЕ, пресекавшему хулиганские действия, оборвал пуговицы на его рубашке, разорвал майку, оскорблял его нецензурными словами.

С помощью граждан ФЕЛЬДМАН был задержан, доставлен в милицию.

На прошлом судебном заседании подсудимый ФЕЛЬДМАН виновным себя не признал, от дачи показаний отказался, объяснил, что никаких хулиганских действий не учинял.

Суд, проверив материалы предварительного следствия, считает, что предъявленные обвинения подсудимому ФЕЛЬДМАНУ по части второй статьи 206-й УК УССР полностью подтверждаются показаниями потерпевшей ТЕЛЯКОВОЙ, ПРИХОДЬКО, КОЛОДОЙ, свидетелями, материалами дела.

Потерпевшая Валентина ТЕЛЯКОВА показала, что 18.10.1973 года она купила торт "Пražский" и должна была встретиться с молодым человеком. На улице Энтузиастов навстречу ей шел молодой человек, который умышленно ударил ее портфелем по рукам, и торт полетел ей в лицо, измазав ей белый плащ. Она возмутилась, испугалась,

и стала звать на помощь. ФЕЛЬДМАН в это время схватил ее за руки и стал оскорблять нецензурными словами. На ее крик прибежал молодой человек. ФЕЛЬДМАН ударил его кулаком в лицо, разбил ему очки, разорвал свитер и сквернословил. Подошел второй парень и стал пытаться предотвратить хулиганские действия ФЕЛЬДМАНА. В это время к ним подошли еще люди. Один из них назвался сотрудником милиции и спросил его, что произошло. Прибыв со всеми в отделение милиции, ТЕЛЯКОВА узнала, что человек, который учинил хулиганство, называется ФЕЛЬДМАНОМ.

Свидетель ПРИХОДЬКО Сергей показал, что он находился в районе Русиновка, на одной из улиц услышал крик женщины. Когда он подбежал, то увидел, что мужчина держит женщину, одетую в белый плащ. Не успев ничего спросить, как этот мужчина нанес ему удар кулаком в лицо. От удара он упал на асфальт, его очки слетели, затем ФЕЛЬДМАН разорвал ему свитер. За это время гражданин КОЛОДА схватил его руку с целью остановить. Но ФЕЛЬДМАН сопротивлялся и выражался нецензурными словами. Они его оба держали, а женщина звала на помощь. На крик сбегались люди, и он узнал со слов женщины, что ФЕЛЬДМАН выбил из ее рук торт и измазал плащ. ПРИХОДЬКО увидел, что на земле валяются куски торта, и плащ женщины был измазан.

Среди людей, которые пришли на помощь был работник милиции, который попросил приехать в райотдел милиции. В милиции он назвал фамилию потерпевшей женщины и фамилию мужчины, который хулиганил.

КОЛОДА Алексей показал, что он вместе с ПРИХОДЬКО был в районе Русиновка, на одной из улиц, и услышал крик женщины. Когда подошли с целью помочь, он увидел, что мужчина держит женщину за руку. Не успел ПРИХОДЬКО сказать пару слов, как мужчина нанес ему удар в лицо, разбил ему очки, разорвал свитер и сквернословил. С целью пресечь хулиганские выходки КОЛОДА пытался взять за руки ФЕЛЬДМАНА, однако последний порвал на нем майку, оборвал пуговицы и ругался нецензурными словами.

Свидетель ХРЯПА показал, что 18.10.73 г. он возвращался домой с работы на автомашине в районе семнадцатизэтажного дома на улице Энтузиастов. Он услышал крик женщины. Водитель остановил машину и бросился на крик. Он увидел девушку в белом плаще, испачканном тортом, и

и двух парней, которые держали третьего молодого человека. У одного из парней было окровавлено лицо и разорван свитер, у другого оборваны пуговицы на красной рубашке.

Аналогичные показания дал свидетель ЖОЛОбОВСКИЙ - шофер машины, на которой ехал ХРЯПА.

Кроме того, вина подсудимого подтверждается протоколами изъятия и осмотра плаща и рубашки.

Заключения судебно-медицинской экспертизы от 19.10.1973 года: ТЕЛЯКОВОЙ нанесены телесные повреждения без расстройства здоровья. По заключению судебно-медицинской экспертизы 18.10.1973 г. ПРИХОДЬКО причинены легкие телесные повреждения, тоже без расстройства здоровья.

Преступные действия подсудимого ФЕЛЬДМАНА правильно квалифицированы по части второй статьи 206-ой, так как он учинил хулиганские действия, отличающиеся особой дерзостью.

ФЕЛЬДМАН грубо нарушил общественный порядок, проявил неуважение к обществу, оказал сопротивление гражданам, пресекавшим хулиганские действия, причинив из хулиганских побуждений телесные повреждения двум гражданам.

Обсуждая вопрос о мере наказания и учитывая тяжесть и общественную опасность совершенного преступления, а также учитывая первую судимость и руководствуясь статьями 323 и 324 УПК УССР, суд

ПРИГОВОРИЛ:

ФЕЛЬДМАНА Александра Дмитриевича по части 2-й ст. 206 статьи УК УССР подвергнуть лишению свободы в трудовой колонии усиленного режима сроком на три года и шесть месяцев.

Меру пресечения ФЕЛЬДМАНУ оставить прежнюю с содержанием в следственном изоляторе № 1 УВД Киевской области до вступления приговора в законную силу.

Срок наказания считать с 21.10.1973 года.

Приговор может быть обжалован в Киевский областной суд в течение 7-ми суток со дня вручения копии приговора.

/Подписи/

ПОСЛЕ ПРОЦЕССА

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

ФЕЛЬДМАН Александр Дмитриевич, осужден 23 ноября 1973 г. Народным судом Дарницкого района по ст.206 ч. 2 УК УССР к 3 годам 6 мес. лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Приговором Фельдман признан виновным в том, что вечером 18.10.1973 г., встретившись на улице с проходжей гражданкой ТЕЛЯКОВОЙ Валентиной беспричинно ударил ее портфелем, выбил из рук торт, причинил легкие телесные повреждения, без расстройства здоровья, оскорбил нецензурными словами и испачкал плащ. Гражданам ПРИХОДЬКО Сергею и КОЛОДЕ Алексею, подбежавшим к ней на помощь, оказал сопротивление, первого из них ударил рукой в лицо с причинением легкого телесного повреждения, без расстройства здоровья, повредил ему свитер и очки, а второму оторвал на рубашке пуговицы и разорвал майку, оскорбив обоих нецензурными словами.

Приговор нахожу неправильным и подлежащим отмене по следующим основаниям:

В нарушение требований ст. 22 УПК УССР судебное следствие производилось исключительно односторонне, поверхностно и необъективно.

В судебном заседании были допрошены только те лица, которые подтверждали версию, изложенную в обвинительном заключении. Только версию обвинения.

Объяснения подсудимого Фельдмана, его доводы о невинности, а также показания свидетелей Берзона, Фридмана и Цацкиса, допрошенных на предварительном следствии, остались непроверенными, хотя их показания имели важное значение для решения вопроса о виновности или невинности ФЕЛЬДМАНА /л.д. 66,68 и 71-72/.

Грубо нарушив права подсудимого ФЕЛЬДМАНА на защиту, суд необоснованно отклонил все его ходатайства и ходатайства защитника, заявленные в судебном заседании. Отклонено ходатайство о вызове и допросе указанных выше трех свидетелей по обстоятельствам, имеющим значение для защиты подсудимого ФЕЛЬДМАНА. Отклонено также ходатайство ФЕЛЬДМАНА возвратить ему записи, которые он вел при изучении материалов дела во время выполнения требований ст. 218 УПК УССР, дающей право делать выписки из материалов дела. Эти выписки у него незаконно были отображены в следственном изоляторе и не возвращены в судебном заседании. Судебное заседание, хотя и было открытым, и на процессе присутствовало большое количество граждан, однако суд не допустил в зал судебного заседания ни одного из родственников подсудимого ФЕЛЬДМАНА, в том числе его пожилого отца, инвалида Отечественной войны 2 группы и родных братьев, один из которых был допрошен на предварительном следствии в качестве свидетеля /л.д. 57/. Все они не были допущены в зал судебного заседания, несмотря на их просьбы и ходатайства подсудимого, которые были отклонены судом без видимых причин и с явным нарушением ст. 20 УПК УССР, предусматривающей обеспечение гласности судебного разбирательства. ФЕЛЬДМАН, ущемленный в праве на защиту, оказался неправильно осужденным на основании таких данных, которые нуждаются в тщательной проверке, глубоком и всестороннем исследовании.

Обстоятельства дела и доказательства

ФЕЛЬДМАН, отрицая обвинение, категорически утверждал, что настоящее дело возбуждено против него на основании ложных показаний неизвестных ему ТЕЛЯКОВОЙ и находившихся с ней ПРИХОДЬКО и КОЛОДЫ, названных потерпевшими. В связи с этим на предварительном следствии он не давал никаких показаний, протестуя против необоснованного ареста и обвинения в хулиганстве.

В судебном заседании ввиду того, что суд отклонил его ходатайство о возврате записей, незаконно отображенных в изоляторе, которые нужны были ему для защитительных объяснений, а также потому, что отцу и родственникам не дали возможности присутствовать в зале суда, он отказался давать показания. Затем в ответах на вопросы и в последнем слове объяснил, что со своими товарищами

ЦАЦКИСОМ, ФРИДМАНОМ и БЕРЗОНОМ находился в городе, а вечером с ЦАЦКИСОМ и БЕРЗОНОМ уехал домой на Русановку и там около гастронома "Русановский", вблизи своего дома на ул. Энтузиастов расстался с ними и направился домой. Как только стал подходить к парадному своего дома, из кустарника неожиданно вышла ТЕЛЯКОВА, наклонилась или споткнулась, уронив на асфальт коробку. ФЕЛЬДМАН, не дойдя до парадного метров 5-6, услышал как ТЕЛЯКОВА закричала - "стой" и еще что-то. В этот момент вдруг подбежали двое, схватили его за руку, а вслед за этим подбежал третий, также в гражданской одежде, и назвался работником милиции, который, предложив всем следовать в отделение милиции, посадил их в автомашину.

В тот же вечер 18.10.73 г. все они были поспешно допрошены с проведением очной ставки ТЕЛЯКОВОЙ с ФЕЛЬДМАНОМ /л.д. 4,15-16,17,22-23,28-29/. Тогда же были допрошены зам. нач-ка уголовного розыска ХРЯПА с шофером ЖОЛОбОВСКИМ, доставившие в отделение милиции на автомашине задержанного ФЕЛЬДМАНА и остальных, назвавшихся потерпевшими /л.д. 32,33/. На основании сомнительных показаний этих лиц, ФЕЛЬДМАН 21 октября 1973 г. постановлением следователя об избрании меры пресечения был заключен под стражу по такому надуманному мотиву: "ФЕЛЬДМАН нигде не работает, совершил тяжкое преступление и, находясь на свободе, может скрыться от следствия и суда" /л.д. 48/. Но было известно, что ФЕЛЬДМАН в это время работал кочегаром в ЖКК "Киевгорстрой-4", имеет постоянное место жительства и родителей, и не было оснований подозревать в бегстве куда-либо.

В судебном заседании ФЕЛЬДМАН объяснил, что никого не бил, руками не трогал, не ругался, не оскорблял и нецензурных слов не высказывал. Он настоятельно просил вызвать в суд своих товарищей, с которыми расстался за несколько минут до неожиданного задержания у своего дома. Пьяным он не был, пояснил, что вообще не употребляет спиртных напитков. Мирно, не проявляя каких-либо признаков хулиганства, шел к себе домой, что находит свое подтверждение в показаниях его товарищей, допрошенных на предварительном следствии, но не вызванных в суд.

Объяснения ФЕЛЬДМАНА не лишены оснований, а показания его противников вызывают сомнения в правдивости.

Так ТЕЛЯКОВА Валентина показала, что 18.10.1973 г. она целый день находилась в городе, посещая магазины. В Дарницком универмаге случайно встретилась с парнем по имени Славик, с которым месяца два назад познакомилась на пляже. Фамилии этого Славика, адрес его квартиры или место работы не знает. Неправдоподобно объяснила, что купила вечером торт, который несла Славику на место условленного с ним свидания, оказавшегося вблизи от дома Фельдмана. Купила этот торт в гастрономе "Славутич", расположенном на значительном расстоянии от почтового отделения. Торт при покупке в магазине почему-то не был надлежаще упакованным, не перевязан шпагатом по установленным правилам торговли. Объяснила в суде, что спешила на свидание, назначенное будто бы на 9 часов вечера, хотя на предварительном следствии показала, что время этого свидания не было точно определено /л.д. 15/. Несла она торт Славику в неупакованной коробке, на ладонях, приподняв руки, и в таком весьма неудобном положении шла по бульвару Давыдова, а затем почему-то проходными дворами, хотя улица Энтузиастов освещена и кратчайшим путем ведет от гастронома "Славутич" к нужной ей почте. Незачем было удлинять путь задворками, если действительно спешила на свидание, а не придумала его. О своем пути дословно показала так: "За высоким зданием я прошла дальше и уткнулась в забор, обсаженный колючками дикой малины" /л.д. 15/. В акте судебно-медицинской экспертизы записано: "На тыльной поверхности третьего пальца правой кисти ссадина, под нежной светлорозовой корочкой 0,5х0,4 см. Мягкие ткани пятого пальца правой кисти слегка отечны. Других повреждений не имеется" /л.д. 45/. Такие повреждения на двух пальцах вполне могли появиться от того, что "Уткнулась в забор" и попала в колючую растительность, а не от удара мягким портфелем, которым, по ее утверждению, ударил ФЕЛЬДМАН по обеим рукам снизу. Личность ТЕЛЯКОВОЙ Валентины в достаточной степени в судебном заседании не выяснена. Необходимо было установить, является ли она замужней и могла ли в таком случае, отсутствуя целый день дома, уйти ночью на свидание к какому-то мифическому Славику, личность которого не установлена. Все попытки выяснить личность потерпевшей ТЕЛЯКОВОЙ в судебном заседании пресекались, поставленные защитником вопросы председательствующая снимала, как не относящиеся к делу. ТЕЛЯКОВА показала в судебном заседании, что 18.10.73 г. был вы-

ходной день, и она с утра до вечера посещала магазины, тогда как по календарю этот день был рабочим /четверг/. Если она, возможно, имела отгул, то следовало это обстоятельство проверить. На предварительном следствии показывала, что работала в детском саду, а в судебном заседании на поставленный вопрос ответила, что там не работает.

Потерпевший КОЛОДА также дал противоречивые и весьма неправдоподобные показания. В своем объяснении в отделении милиции вечером 18.10.73 г. он ничего не написал о том, что ФЕЛЬДМАН ударил его друга ПРИХОДЬКО Сергея /л.д. 4/, но на следующий день на очной ставке с ФЕЛЬДМАНОМ стал утверждать, что кулаком в лицо ударил, а ему разорвал майку /л.д. 31/. Не мог он разорвать майку, если КОЛОДА 18.10.73 г. по осеннему был одет, а на одежде не было никаких повреждений. В деле имеется протокол, составленный следователем, в котором записано: "Колода принес майку 25 октября и объяснил, что ее постирал и теперь доставил чистой" /л.д. 60/. Какую майку спустя неделю принес КОЛОДА судить трудно, но в судебном заседании на поставленный вопрос ответил, что вообще ее не сдавал, и она находится у него. Он вытащил из кармана своего пальто какую-то майку и отдал суду для обозрения. Таково одно из вещественных доказательств, на которые суд сослался в приговоре.

Вызывают глубокое сомнение и показания свидетеля ХРЯПЫ, который, как он показал, проезжая на автомашине ГАЗ-69 к себе домой по улице, услышал крик женщины, остановил машину и нашел место происшествия за высокими домами, отделяющими шумную улицу. Почему-то случилось так, что никто из прохожих или жителей дома, у которого возник крик женщины, не пришел на помощь, но два студента юридического факультета ПРИХОДЬКО и КОЛОДА, а вслед за ними работник уголовного розыска ХРЯПА внезапно появились там.

Трудно без тщательного исследования судить, почему ПРИХОДЬКО и КОЛОДА появились вместе с ТЕЛЯКОВОЙ около дома ФЕЛЬДМАНА в то время, когда он подходил к парадному, следуя к себе домой. Какие у них были взаимоотношения с ТЕЛЯКОВОЙ и какие намерения появились у них в отношении ФЕЛЬДМАНА судить трудно, вопросы эти остались неисследованными. Возможно, что они следили за ним, как об этом показали подсудимый ФЕЛЬДМАН, а также сви-

детели ЦАЦКИС, БЕРЗОН и ФРИДМАН на предварительном следствии, но суд не вызвал этих свидетелей в судебное заседание, не проверил их показаний и потому не дал им оценки в совокупности со всеми доказательствами по делу, хотя на этом настаивали подсудимый и его защитник.

Односторонний, обвинительный уклон в расследовании по настоящему делу проявлен и в том, что следователь приобщил к делу отрицательную характеристику на ФЕЛЬДМАНА за период его сезонной работы кочегаром в ЖКК "Киевгорстрой-4" /л.д. 56/, тогда как, по показаниям начальника ЖКК АЛЕКСЕЕВОЙ эта характеристика не соответствует действительности. АЛЕКСЕЕВА показала: "По работе в сезон 1972-1973 гг. к ФЕЛЬДМАНУ претензий предъявить не можем. Прогулов не допускал, а 19.10.1973 не явился на смену" /л.д. 54/. Не вышел на смену, потому что был задержан и допрашивался в качестве подозреваемого. Не проверены и характеристики о его работе на молокозаводе и хлебокомбинате /л.д. 53 и 79/.

Итак, ввиду нарушения органами следствия и судом требований статьи 22 УПК УССР, обязывающей принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования дела, а также ущемления права на защиту осужденного ФЕЛЬДМАНА, обвинительный приговор не может быть оставлен в силе.

Необходимо тщательно проверить объяснение обвиняемого ФЕЛЬДМАНА и показания потерпевших, которые должны быть подкреплены другими доказательствами. В связи с этим, в частности следует установить личность по имени Славик и выяснить, назначал ли он свидание ТЕЛЯКОВОЙ на 21 час 18 октября 1973 г. у почты, вблизи от квартиры ФЕЛЬДМАНА. Просил ли он принести ему торт, который, по утверждению ТЕЛЯКОВОЙ, выбил у нее из рук ФЕЛЬДМАН.

Тщательно проверить путем допроса жителей ближайших от места события квартир, около которых кричала ТЕЛЯКОВА, взывая о помощи. Какой именно крик они слышали? Экспериментально проверить, мог ли свидетель ХРЯПА из своей автомашины, следовавшей по шумной улице, отделенной от места события рядом высотных домов, услышать крик ТЕЛЯКОВОЙ. На основании всех собранных доказательств и их совокупности, с учетом допрошенных на предварительном следствии свидетелей ЦАЦКИСА, ФРИДМАНА и БЕРЗОНА решить вопрос о предании суду обвиняемого ФЕЛЬДМАНА.

По изложенным мотивам и в соответствии со ст. 348 и 367 УПК УССР

ПРОШУ

приговор в отношении ФЕЛЬДМАНА Александра Дмитриевича отменить со стадии предварительного следствия.

26 ноября 1973 г.

Адвокат Ежов И.С.

Дело 2108 - 1973

Председатель 1-й инстанции ЕРМАКОВА
Докладчик МАКОГОН

ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

1973 года декабря 27 дня

Судебная коллегия по уголовным делам Киевского областного суда в составе:

председательствующего - Гусева А.И.
членов суда - Макогон Д.А. и Бугиной М.И.
с участием прокурора - Цихотского В.В.
с участием адвоката - Ежова И.С.

рассмотрела в открытом судебном заседании в городе Киеве дело по кассационной жалобе осужденного ФЕЛЬДМАНА и адвоката ЕЖОВА на приговор Народного суда Дарницкого района г. Киева 1973 года 23 ноября, которым: ФЕЛЬДМАН Александр Дмитриевич, рожденный 12 марта 1947 года, уроженец г. Киева, еврей, образование среднее, беспартийный, холост, несудимый, осужден по статье 206, часть II УК УССР к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

ФЕЛЬДМАН А.Д. призван виновным и осужден за совершение преступления при следующих обстоятельствах:
ФЕЛЬДМАН 18 октября 1973 года в 21 час на улице Энтузи-

астов учинил хулиганские действия, отличающиеся особой дерзкостью. Следуя по улице Энтузиастов, ФЕЛЬДМАН из хулиганских побуждений ударил портфелем по рукам г-ку ТЕЛЯКОВУ В.И., в результате чего причинил ей легкие телесные повреждения без расстройства здоровья, выбил из рук торт, которым испачкал белый плащ, оскорбив при этом ее нецензурными словами.

Прибывшие на крик гр-ки ТЕЛЯКОВОЙ граждане ПРИХОДЬКО и КОЛОДА пытались пресечь хулиганские действия ФЕЛЬДМАНА, однако он оказал сопротивление. Продолжая хулиганские действия, нанес удар кулаком в лицо гр-ну ПРИХОДЬКО, отчего последний упал, разбил ему очки, разорвал свитер, оскорбил нецензурными словами. Оказал сопротивление гр-ну КОЛОДЕ, пресекавшему его хулиганские действия, оборвал пуговицы на его рубашке, разорвал майку, нанес оскорбление нецензурными словами.

С помощью граждан ФЕЛЬДМАН был задержан и доставлен в милицию. В кассационной жалобе ФЕЛЬДМАН и адвокат ЕЖОВ ссылаются на неправильность приговора суда, что предъявленные ФЕЛЬДМАНУ обвинения в совершении хулиганских действий в отношении гр-ки ТЕЛЯКОВОЙ в судебном заседании не доказаны, что следствие по делу проведено неполно, необъективно и что в показаниях потерпевших и свидетелей имеются противоречия, просят приговор суда отменить и дело направить на дополнительное расследование.

Заслушав доклад члена суда, объяснения адвоката ЕЖОВА, поддерживающие кассационные жалобы, выслушав заключение заместителя прокурора города Киева тов. ЦИХОТСКОГО, полагавшего приговор дела оставить без изменений, рассмотрев материалы суда и обсудив доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия по уголовным делам областного суда не находит оснований к отмене приговора суда.

Ссылка в кассационных жалобах на неполноту следствия, необъективность и противоречивость показаний потерпевших и свидетелей, недоказанность вины осужденного является необоснованной и опровергается материалами дела.

Народный суд правильно признал виновным осужденного ФЕЛЬДМАНА в совершении 18 октября 1973 года хулиганских действий, квалифицированных по части 2 статьи 206

УК УССР. Это обвинение Фельдмана нашло подтверждение в показаниях потерпевших и свидетелей.

Так, потерпевшая ТЕЛЯКОВА в судебном заседании показала, что когда она шла по улице Энтузиастов, навстречу ей шел осужденный ФЕЛЬДМАН, который умышленно ударил ее по рукам, вследствие чего у нее выпал из рук торт. Куски торта полетели в лицо и на одежду, и был испачкан ее плащ. Когда она стала звать на помощь людей, ФЕЛЬДМАН схватил ее за руку и обругал нецензурными словами. На ее крик прибежали граждане ПРИХОДЬКО и КОЛОДА. Тогда ФЕЛЬДМАН ударил ПРИХОДЬКО и тот упал, ему были разбиты очки и порван свитер. Гр-ну КОЛОДА, который стремился пресечь действия ФЕЛЬДМАНА, осужденный оборвал на его рубашке пуговицы.

Объективные показания потерпевшей ТЕЛЯКОВОЙ подтверждены показаниями ПРИХОДЬКО и КОЛОДА, которые, как и потерпевшая ТЕЛЯКОВА, являлись посторонними лицами и прибежали на крик ТЕЛЯКОВОЙ, чтобы оказать ей помощь.

Потерпевший ПРИХОДЬКО показал, что когда он подбежал к ТЕЛЯКОВОЙ и ФЕЛЬДМАНУ, то осужденный ФЕЛЬДМАН нанес ему удар, и он упал, при этом разбил ему очки и разорвал свитер. Потерпевший КОЛОДА на предварительном следствии и в судебном заседании показал, что на крик потерпевшей ТЕЛЯКОВОЙ он вместе с ПРИХОДЬКО прибежал ей на помощь. Осужденный ФЕЛЬДМАН ударил приходько, а когда он пытался предотвратить действия ФЕЛЬДМАНА, тогда тот порвал на нем майку. Подоспевшие граждане помогли задержать ФЕЛЬДМАНА и доставить его в отделение милиции.

Эти обстоятельства подтвердили свидетели ХРЯПА и ЖОЛБОВСКИЙ, помогавшие задержать осужденного.

Достоверность показаний потерпевшей и свидетелей сомнений не вызывает.

Не усматривает судебная коллегия областного суда и противоречий в показаниях потерпевших и свидетелей, поскольку как на предварительном следствии, так и на судебном заседании эти лица давали последовательные показания, которыми изобличали осужденного ФЕЛЬДМАНА в совершении хулиганских действий при обстоятельствах, указанных в приговоре суда. В материалах дела нет каких-либо данных, что предварительное следствие проводилось необъективно и односторонне. Таким образом ссыл-

ка по этому поводу в касс. жалобах адвоката ЕЖОВА и осужденного ФЕЛЬДМАНА не основана на материалах дела.

Ссылка в жалобах на неполноту судебного разбирательства /не допрошены ЦАЦКИС, ФРИДМАН и БЕРЗОН/ также является необоснованной, поскольку указанные лица при допросе на предварительном следствии каких-либо существенных обстоятельств по поводу события преступления не называли.

Кроме того, осужденный ФЕЛЬДМАН в судебном заседании показал, что свидетели ЦАЦКИС, ФРИДМАН и БЕРЗОН на месте происшествия не были и очевидцами события преступления не являлись.

В касс. жалобах утверждается, что по делу допущено нарушение права на защиту осужденного тем, что в зале судебного заседания не присутствовали родственники осужденного. Однако указанное обстоятельство не является нарушением закона, гарантирующего право подсудимого на защиту.

Таким образом, народный суд всесторонне исследовал обстоятельства дела и обоснованно признал ФЕЛЬДМАНА виновным в совершении злостного хулиганства и правильно квалифицировал его действия.

Мера наказания осужденному избрана с учетом тяжести совершенного преступления, степени его виновности и данных о личности.

Руководствуясь статьями 363, 364 УПК УССР, судебная коллегия по уголовным делам Киевского областного суда

ОПРЕДЕЛИЛА:

Кассационные жалобы осужденного ФЕЛЬДМАНА и адвоката ЕЖОВА оставить без удовлетворения, а приговор народного суда Дарницкого района города Киева от 23 ноября 1973 года в отношении осужденного ФЕЛЬДМАНА Александра Дмитриевича оставить без изменения.

п/п Председательствующий Гусев А.И.

Члены суда Макогон Д.А

Бугина М.И.

Исп. секретарь Белоус

Верно: 28.12.73 г.

Народный судья Ермакова

ПОСЛЕ ПРОЦЕССА

В ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Заявление

18 октября около своего дома в Киеве был арестован Александр Фельдман, еврей, в течение нескольких лет добивающийся разрешения на выезд в Израиль. На запросы родных Фельдмана о причине ареста власти сообщали несколько версий обвинения, последней оказалось обвинение в хулиганстве. Следствие с самого начала носило антиеврейский характер. Во время обыска, проведенного на следующий день после ареста на квартире Александра Фельдмана, было изъято все, что имело отношение к еврейскому вопросу, вплоть до фотокопии еврейского алфавита,

Как выяснилось по окончании следствия, обвинение Фельдмана в хулиганском поступке было абсолютно ложным, основанном на ложных показаниях так называемых свидетелей и пострадавших. Самого инцидента, описанного в деле, в действительности не было. Сознывая шаткость обвинения, власти Киева не решились на открытое судебное разбирательство. Александра Фельдмана судил фактически закрытый суд. Заседание суда проходило на одном из предприятий. На суд не были допущены даже отец и брат Фельдмана. Не были вызваны предложенные защитником Фельдмана свидетели. Суд не позволил защитнику задавать вопросы свидетелям обвинения.

В результате подобного "судебного разбирательства" Фельдман был приговорен к 3,5 годам лишения свободы. Этот случай дикой судебной расправы, напоминающий судопроизводство 1937-1953 гг., свидетельствует о беспрецедентном произволе, допущенном властями Киева, как пример циничного издевательства над правами граждан, демонстративное пренебрежение существующим законодательством.

Видимо, подобный суд ждет еще одну жертву произвола, на сей раз со стороны властей Свердловска. Инженер Забелыженский был уволен с работы в связи с возбуждением ходатайства на выезд в Израиль, а затем незаконно прив-

лечен к ответственности по статье о тунеядстве. Или этому произволу будет безотлагательно положен конец энергичным вмешательством ЦК КПСС, или отсутствие подобного вмешательства будет означать одобрение, поощрение к дальнейшему произволу, признаком возврата к чреватым своими последствиями временам культа личности.

Москва: Польский Виктор, Польская Елена, Коренфельд Илья, Коренфельд Лидия, Коренфельд Людмила, Полоцк Михаил, Токер Гирш, Бейлин Иосиф, Бейлина Дина, Новиков Анатолий, Новикова Белла, Индицкий Соломон, Шахновский Владимир, Гендин Лев, Свечинский Григорий, Брудно Борис, Брудно Валерия, Киржнер Евгения, Рутман Аркадий, Рутман Ольга, Гольдберг Стелла, Кошаровский Юлий, Дымшиц Исаак, Абрамович Павел, Балашинская Марта, Львовский Марк, Галиновская Белла, Толчинский Натан, Писаревский Яков, Кошевой Леонид, Нашпиц Марк, Файермарк Виктор, Левич Вениамин, Левич Александр, Щиглик Дмитрий, Престин Владимир, Шполянская Генриетта, Фельдман Владимир, Крижак Валерий, Крижак Валерия, Бегун Иосиф, Дорфман Розалия, Ройтман Наум, Браиловский Виктор, Берковский Игорь, Лернер Александр, Лернер Владимир, Перельман Юдифь, Слепак Владимир, Слепак Мария, Слепак Александр, Воронель Александр, Азбель Марк, Приворотский Илья

Ленинград: Гоман Григорий

Тбилиси: Гольдштейн Григорий, Гольдштейн Исай, Быкова Елизавета

Новосибирск: Полтинников Исаак, Полтинникова Виктория, Бернштейн Ирма

Рига: Буйко В.

Ноябрь 1973 г.

МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ
ЕВРЕЙСКИМ ОБЩИНАМ МИРА

23 ноября 1973 г. совершился так называемый суд над Александром Фельдманом, и мы вновь призываем вас выступить в защиту человека, его жизни и свободы. В течение последних месяцев Фельдмана преследовали, после чего 18 октября он был арестован. Во время обыска на квартире у Фельдмана представители милиции заявили, что он обвиняется в банковской краже. В отделении милиции было сказано о нападении на женщину. 22-го октября появилась угроза помещения в психиатрическую больницу. 24 октября следователь Карпенко обвинил его в сквернословии и сказал еще, что Фельдман позревает в мелких кражах. Наконец, 31 октября прокурор Колезный выставил версию, которая была опубликована в газете "Вечерний Киев".

Мы, уверенные в невинности Фельдмана, надеялись на благоприятный исход суда, но суд Дарницкого района г.Киева постарался доказать, что для него не существует ни истины, ни закона, ни правосудия.

19 ноября, ко времени, на которое был назначен суд, судья заявил собравшимся и желающим присутствовать на открытом заседании суда, что суда не будет, и никакого Фельдмана он не знает. 22 ноября дело было передано судье Ермаковой. Никому о месте и времени заседания суда сообщено не было. Виктории Полтинниковой из Новосибирска не был разрешен въезд в Киев на время суда. Не были допущены на заседание и киевляне - близкие друзья Фельдмана, его родные братья и отец - инвалид Второй мировой войны. Более того, официально включенные в список свидетели защиты не были допущены в здание, где проходило заседание суда. Это было сделано с помощью простого незаконного маневра: вместо здания суда заседание происходило в клубе завода дорожных машин, который считается закрытым предприятием, и на территорию которого не пропускают лиц без специальных пропусков. Свидетели обвинения были пропущены и присутствовали на заседании. Публика, присутствовавшая на заседании, была привезена к воротам завода и состояла из людей в штатском, из которых многие были опознаны друзьями и родственниками Фельдмана как сот-

рудники КГБ и милиции, осуществлявшие слежку за Фельдманом и его друзьями и дежурившие у могил Бабы-его Яра, у синагог в дни еврейских праздников.

Подход к проходной завода был также блокирован большим количеством сотрудников милиции и КГБ. Фельдман выразил протест против отсутствия родных и друзей, который судом не был принят во внимание. "Потерпевшая", Валентина Телякова, представленная в фельетоне как воспитательница детского сада, не работает в детском саду № 505 в течение последних трех месяцев, как выяснилось со слов сотрудницы этого детского сада. Настоящее место работы не было оглашено во время судебного заседания. В свидетелях обвинения Фельдман узнал людей, которые осуществляли слежку за ним в течение последних месяцев до ареста.

В качестве вещественных доказательств на суде фигурировали порванные свитер /?/ и майка, которые не были представлены в материалах предварительного следствия, а были принесены на заседание одним из свидетелей, который одновременно был представлен в качестве потерпевшего. Вопрос адвоката - "как могло случиться, что свитер /?/ и майка были порваны, а рубашка осталась целой, был отклонен председателем суда, как и все другие вопросы адвоката, направленные на выяснение обстоятельств дела. В частности, было отклонено требование адвоката допросить свидетелей защиты и огласить паспортные данные так называемой "потерпевшей" и свидетелей обвинения. Последние, оба 19-ти лет, фамилия одного Приходько, являются, как было объявлено, студентами юридического института.

В своей заключительной речи Фельдман сказал, что дело полностью фальсифицировано. Истинной и единственной причиной суда над ним, сказал Фельдман, были его постоянные и настойчивые требования отпустить его в Израиль и ничего больше.

Дело о Фельдмане создано из ничего. Прецедент создания такого дела представляет страшную опасность для всех евреев СССР как желающих уехать, так и желающих остаться. Очень показательно, что одновременно с делом Фельдмана в Москве в медицинской карточке Иды Нудель, которая уже в течение двух лет добивалась разрешения на выезд в Израиль, появился диагноз "алкоголизм" с

такими же "основаниями", как и арест Фельдмана. Это была подготовка к помещению в психиатрическую больницу. В этом случае фальсификация была раскрыта, и после определенных усилий карточка была уничтожена. Но этот факт также показывает, что опасность нависла над любым другим евреем, желающим выехать в Израиль.

Мы не можем забыть Ханциса, арестованного в 1969 году после того, как, потеряв надежду на помощь в приемных ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, он пытался обратиться в голландское посольство. Два месяца никто не знал, куда делся Ханцис. Потом оказалось, что его осудили на два года. Потом еще на 2,5 года. Он уже находится более четырех лет в заключении в лагере 100 Р 216/10, Омутнинск, Кировской области. Его подвергали истязаниям, в результате которых он получил перелом позвоночника со всеми страшными последствиями. Ханцис приехал в Москву в 1969 г. искать помощи у властей, будучи здоровым сильным мужчиной. Сейчас он погибает. Люди должны содрогнуться при мысли о том, как мало было сделано для спасения Ханциса.

Мы не хотим и не можем допустить, чтобы Александр Фельдман погиб или был искалечен так же, как Ханцис. Весь мир помнит дело Бейлиса, Дрейфуса, кремлевских врачей. Однако, когда весь мир лелеет надежду на разрядку напряженности, а многие верят, что она уже наступила, в столице Советской Украины, в Киеве, который тихо прошел в этом году через 60-ю годовщину дела Бейлиса, оказывается возможным дело Фельдмана. В царском Киеве Бейлис был оправдан, в советском Киеве Фельдман был осужден. 40 лет назад человечество спокойно взирало на судебные процессы в Германии, а через 10 лет счет составлен 6 миллионами уничтоженных евреев.

Если приговор Фельдману не будет отменен, это может означать возврат к сталинской эпохе, когда человек мог быть уничтожен практически без суда и следствия. Это не должно повториться. Мы не можем этого допустить. Никогда больше!

Новосибирск: Полтинников Исаак, Полтинникова Виктория, Бернштейн Ирма, Шварцман Михаил, Миндель Борис, Сойфер Нина, Сойфер Моше, Сойфер Иосиф, Лейбман Лев, Лейбман Мириам, Язловицкий Яков

Тбилиси: Гольдштейн Исай, Гольдштейн Григорий,
Кипнис Ева, Гельман Осей, Быкова
Елизавета

Ноябрь 1973 г.

ЖАЛОБЫ ИДЫ НУДЕЛЬ
по поводу избиения А. Фельдмана в лагере

8 апреля 1976 года у меня появилась выписка из истории болезни Александра Фельдмана, отбывающего в исправительно-трудовом лагере на Украине наказание за свою активную деятельность в защиту права евреев на эмиграцию из СССР.

Копия записи /история болезни находится в санчасти учреждения ЮЗ-17-10 село Дарьевка 25/3.1976 г. /:
"в теменной области головы рубленная рана размером 4,0 x 1,0 см".

Произошло это следующим образом: в котельную, где работал А.Фельдман, вошел другой заключенный и ударил Александра лопатой по голове. Присутствовавшие при этом другие заключенные молчали. Александр не видел ударившего ни до, ни после удара.

"Умышленное телесное повреждение, не вызвавшее длительного расстройства здоровья или значительную стойкую утрату трудоспособности - наказывается лишением свободы на срок до 3-х лет; те же действия, если они совершены особо опасным рецидивистом - наказываются лишением свободы на срок до 5-ти лет. /Уголовный кодекс РСФСР, изд. 1971 г., статьи 108, 109, 112/.

Значит тот, кто совершил преступление - ударил Александра лопатой по голове - знал, что наказания не будет. Наказания не будет - так это развязывает руки для издевательства и террора. Наказания не будет - но делай так, чтобы ничего нельзя было доказать.

Условия цензуры не позволяют заключенному описывать в своих письмах к родным обстановку, в которой он находится, взаимоотношения с другими заключенными и адми-

нистрацией. Никаких фактов, никаких имен, ничего не происходит в лагере - все покрыто тайной.

Из письма А.Фельдмана от 23.12.1975 года: "В феврале 1976 г. у меня подходят 2/3 срока, т.е. формально могу условно-досрочно освободиться. Нетрудно понять в существующей ситуации, какой это будет носить характер. Для порядка к этой дате необходимы "фактики", отрицательно характеризующие твоего корреспондента. Факты с "бородой" считаются недостаточными".

И, действительно, начиная с января 1976 г., начальник отряда Кондратов М.М. без всяких причин наказывает Александра: лишает права купить в тюремном ларьке продуктов на 5 рублей, затем права получения бандероли, затем короткого свидания с родными. Обстановка накаляется. Александру запрещено пользоваться библиотекой и читальным залом в лагерной зоне. Всеми имеющимися "воспитательными" средствами администрация взвинчивает нервы Александра, чтобы был срыв - резкий разговор или протест и, как результат, - более суровое наказание. Начальник отдела Кондратов в личной беседе с Фельдманом откровенно высказывает свои антисемитские убеждения. 14 февраля 1976 года Александр пишет жалобу прокурору на незаконные действия администрации.

"Администрация места лишения свободы обязана не позднее, чем в суточный срок, направить прокурору адресованную ему жалобу или заявление заключенного". /Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, изд. 1973 г., ст. 36/.

На свидании со своим отцом 12 июля 1976 года Александр рассказал: "18 февраля я отдал свое заявление, адресованное прокурору УССР, начальнику отряда Кондратову М.М. в присутствии его заместителя. Письмо было в заклеенном конверте, как того требует установленный порядок. 29 февраля начальник спецчасти майор Быстров на мой вопрос о судьбе письма заявил, что ничего не знает, но проявил полную осведомленность о содержании письма, хотя никто в лагере не имеет права вскрывать конверт, адресованный на имя прокурора".

Война, которую объявила администрация А.Фельдману, велась ежедневно и ежечасно. Высокие заборы с колючей

проволокой, сторожевые собаки и вышки вооруженной охраны, жестокая цензура надежно защищают заключенного от влияния родных и друзей.

"Прокурор обязан... непосредственно знакомиться с деятельностью администрации,... принимать меры к привлечению к уголовной и дисциплинарной ответственности лиц, виновных в нарушении законности в местах лишения свободы." /Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, изд. 1973 г., ст. 33/.

На свидании 12 июля 1976 года Александр рассказал отцу: "Мое заявление из прокуратуры УССР переправили в Херсонскую прокуратуру, а оттуда в Управление внутренних дел. Со мной разговаривал сотрудник управления. Вся беседа была беспредметной, но корректной. И посылки лишили правильно, и свидания - тоже, письма из-за границы конфисковали правильно и прочее, и прочее."

Известие о покушении на жизнь А.Фельдмана глубоко потрясло меня.

НАЧАЛЬНИКУ УЧРЕЖДЕНИЯ ЮЗ-17-10 ГРАЖДАНИНУ АЛЕЙНИКОВУ
НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ

от Нудель Иды Яковлевны
Москва, ул. Юных Ленинцев,
79/6-28

В моих письмах на Ваше имя в декабре 1975 года и в январе 1976 года я обращала Ваше внимание на ненормальную обстановку, создаваемую администрацией Вашего учреждения вокруг заключенного А.Д.Фельдмана.

В телеграмме на Ваше имя в марте с.г. я еще раз просила Вашего личного вмешательства для пресечения произвола и издевательства над Фельдманом А.Д. Я предупреждала Вас, что младший административный персонал унижает человеческое и национальное достоинство А.Д.Фельдмана.

Однако Вы не приняли мер, и полная безнаказанность персонала привела к превышению власти и совершению преступления 25 марта с.г.

Поскольку Вы не приняли мер для установления нор-

мальной обстановки вокруг Фельдмана, то этот факт я квалифицирую как Вашу личную заинтересованность в совершении преступления над Фельдманом.

9 апреля 1976 г.

Москва

9 апреля с.г. я обратилась в Главное управление исправительно-трудовых учреждений /ГУИТУ/ и в личной беседе с начальником приемной, гражданином Казанцевым Александром Павловичем, объяснила угрожающую жизни Александра ситуацию в лагере. Казанцев внимательно прочел мое заявление и сказал: "Я доложу начальству об этой жалобе. Она будет взята под контроль. Ваша жалоба - это крик. Меры будут приняты."

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

От Нудель И.Я.

Москва, ул. Юных Ленинцев,
79/6-28

Жалоба

25.3.1976 года в исправительно-трудовом лагере ЮЗ-17-10, расположенном в селе Дарьевка, Херсонской обл., было совершено преступление - осужденному Фельдману А.Д. была разбита голова.

Начиная с октября 1975 года начальник отряда и другие младшие административные работники искусственно создавали напряженную обстановку вокруг Фельдмана.

Начальник отряда в разговорах с Фельдманом унижал и оскорблял его человеческое и национальное достоинство, провоцируя на резкие высказывания. Он обещал, что примет меры для перевоспитания, и 25 марта эта мера действительно была принята.

Имелось ли в виду убить Фельдмана или только разможжить ему голову, следует выяснить у "воспитателя" и преступника.

Я лично обращалась множество раз к начальнику ла-

гера гр. Алейникову Н.В., призывая его принять меры к распустившемуся сотруднику. Теперь мы знаем, что меры не были приняты.

Категорически настаиваю на переводе Фельдмана в другой лагерь и гарантирования ему сохранения жизни.

Требую немедленного вмешательства для пресечения использования служебного положения в преступных целях.

9 апреля 1976 г.

12 апреля я получаю по почте на официальном бланке ГУИТУ ответ:

/копия с документа/

М В Д

Главное управление
исправ. трудовых учр.
13 апреля 1976 г.

Гр. Нудель Иде Яковлевне
Москва, ул. Юных Ленинцев,
79/6-28

№ 6/3ж5379
Москва

Ваше заявление, адресованное в ГУИТУ МВД СССР, направлено на рассмотрение УВД Херсонского обл. исполкома, откуда Вы получите ответ.

Зам. Начальн. отдела ГУИТУ МВД СССР

/Корсакевич/

10 апреля я иду в прокуратуру СССР с жалобой по поводу случившегося. В личной беседе с прокурором по надзору за местами лишения свободы на Украине, гражданином Голозовым Владимиром Борисовичем, я объясняю ситуацию в лагере и опасность положения А.Фельдмана и вручаю ему свою жалобу.

/копия/

ГЛАВНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

от Нудель И.Я.

Жалоба

25.3.1976 г. в исправительно-трудовом лагере ЮЗ-17-10 было совершено преступление - осужденному Фельдману была пробита голова. Начальник отряда в качестве воспитательных мер высказывал неоднократно свои антисемитские взгляды и обещал применить к Фельдману свои меры воспитания. 25 марта эта мера была продемонстрирована. Считаю невозможным дальнейшее пребывание Фельдмана в лагере, где антисемитизм административно-го лица угрожает жизни и здоровью еврея.

Требую привлечения к ответственности административного лица, использовавшего свое служебное положение в преступных целях.

9 апреля 1976 г.

Головов В.Б. очень внимательно выслушал меня, заявил, что дело требует немедленного вмешательства, просил меня подождать в коридоре /я ждала целый час/, пока он доложит начальству для принятия срочных мер, и после часа ожидания заверил меня, что меры будут приняты немедленно и что распоряжение уже отдано. Однако 16 апреля я получаю по почте уведомление, что моя жалоба на имя Главного прокурора СССР переадресована в ГУИТУ. Мое ожидание в приемной и заверения Головова в том, что отданы распоряжения о срочном вмешательстве прокуратуры - все это оказалось деталями хорошо отрепетированного спектакля, целью которого было создать у меня иллюзию серьезного отношения к жалобе со стороны прокуратуры.

/копия с документа/

Форма № 14

ПРОКУРАТУРА СССР

103793 Москва К 9,
Пушкинская 15 а
131V 76 № 17/668-74

Сообщаю, что Ваша жалоба от 9 апреля 1976 г. направлена в Главное управление МВД СССР, откуда Вам сообщат о принятом решении.

ПРОКУРОР ОТДЕЛА

ГОЛОВОВ

23 апреля я получаю уведомление из ГУИТУ, что моя жалоба в Прокуратуру СССР направлена опять же в УВД Херсонского облисполкома /лагерь расположен в Херсонской области/. В какую бы организацию я не жаловалась по поводу случившегося, все мои жалобы направлялись к тем, на кого по существу я жаловалась.

13 апреля я иду в медицинское управление ГУИТУ МВД с жалобой:

/копия/

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ МВД СССР

от Нудель И.Я.

Жалоба

25.3.1976 г. в исправительно-трудовом лагере ЮЗ-17-10 была попытка убийства осужденного Фельдмана А.Д. Ему был нанесен тяжелый удар лопатой по голове. Несколько дней Фельдман находился в санчасти учреждения, а потом был направлен в отряд.

Медицинская служба лагеря не проверила, имеется ли сотрясение мозга или нарушение целостности черепа. Фельдмана мучают сейчас головные боли, он не может выполнять физические работы.

Прошу срочного вмешательства, тщательной проверки

состояния здоровья Фельдмана, чтобы предотвратить возможные необратимые последствия.

Фельдман является инвалидом 3-й группы по зрению. Этот удар по голове может оказать роковое влияние на слабое зрение Фельдмана.

Прошу не переадресовывать мою жалобу в Украинское МВД, а проверить и принять меры.

13 апреля 1976 г.

В личной беседе с зам.начальника отдела по надзору за местами лишения свободы Медуправления МВД СССР полковником Бобылевым Александром Александровичем я объясняю состояние здоровья А.Фельдмана и требую принятия немедленных мер.

21 апреля я получаю следующий ответ:

/копия с документа/

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Управление медслужбы
21 апреля 1976
№ 11-2673
Москва

Гр. Нудель И.Я.
Москва, ул. Юных Ле-
нинцев, 79/6-28

Ваше письмо, адресованное в Медуправление, рассмотрено.

Сообщаем Вам, что состояние здоровья Фельдмана А.Д. хорошее. Претензий не имеет по поводу трудоустройства и проведенного лечения.

Зам. начальн. Медуправления
МВД СССР
Бобылев

На свидании с отцом 12 июля 1976 г. Александр рассказал отцу:

"Видимо с Идиным запросом меня 20 апреля осмотрел невропатолог. Он сделал запись в истории болезни, что

я отношусь явно к уголовному типу с отсталым развитием. Дал какие-то порошки от головной боли. Seriously говорить об этом осмотре нельзя. Рана зажила, остался шрам и не слишком частые, неприятного свойства головные боли."

1 мая я вновь обращаюсь в прокуратуру СССР:

ГЛАВНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

От Нудель И.Я.

Москва, ул. Юных Ленинцев, 79/6-28

Жалоба

10 апреля с.г. я обратилась с жалобой на имя Главного прокурора СССР по поводу преступления, совершенного в исправительно-трудовом лагере ЮЗ-17-10, Херсонской обл.

25 марта с.г. осужденному Фельдману А.Д. была разбита голова при покушении на его жизнь. Я подробно объяснила прокурору, гражданину Головову В.Б., в личной беседе 10 апреля положение Фельдмана, антисемитскую обстановку, которую создал нач. отряда Кондратов М.М. Я просила гр. Головова принять срочные меры для привлечения к ответственности виновных в инциденте 25 марта, что он и обещал сделать. Однако из уведомления, полученного мною по поводу моей жалобы, ясно, что она просто переадресована в ГУИТУ МВД, а не направлена в прокурорскую службу.

Я еще раз заявляю: в исправительно-трудовом лагере ЮЗ-17-10 совершено преступление, и я настаиваю на вмешательстве прокуратуры.

Прошу внимательно прочесть мою жалобу и не переадресовывать ее в ГУИТУ.

Прошу принять срочные меры, чтобы оградить жизнь Фельдмана от новых возможных попыток расправы над ним. Моральную ответственность за жизнь и здоровье Фельдмана Александра Дмитриевича возлагаю на прокуратуру и лично на гражданина Головова В.Б.

1.5.76 г.

8 мая я получаю ответ из прокуратуры:

/копия с документа/

Герб СССР	Гр-ке Нудель И.Я.
Прокуратура СССР	Москва, ул. Юных
103793 Москва К9 Пушкинская 15а	Ленинцев, 79/6-28
07 о5	№ 17/668-76

Ваша жалоба, поступившая с приема 19 апреля 1976^{х/} года, на неправильные действия начальника отряда по отношению в брату проверяется органами прокуратуры и о результатах Вам будет сообщено.

Ваше заявление от 10 апреля 1976 г. по вопросу перевода Фельдмана А.Д. в другое исправительно-трудовое учреждение 13 апреля направлено в Главное Управление МВД СССР.

Заместитель начальника отдела по
надзору за местами лишения свободы
государственный советник юстиции
3 класса

Г.А. Однолетков

12 мая я получаю ответ из ОИТУ Херсонского района за подписью начальника ОИТУ:

х/ Какаля-то путаница с датами /И.Н./.

/копия с документа/

по-украински и по-русски

МВД СССР

Управл. внутр. дел
исполнительн. комитета
Херсонского областного
Совета депутатов трудящихся
Отдел исправительно-трудовых
учреждений

07.05.1976

№ 14/2-7-8-11

Гр-ке Нудель И.Я.
Москва, ул. Юных Ленинцев,
79/6-28

Ваши жалобы, направленные в ГУИТУ МВД СССР, МВД СССР и прокуратуру СССР, рассмотрены руководством отдела исправительно-трудовых учреждений УВД Херсонского облисполкома. Факты, изложенные в них, частично подтвердились. Имел место факт нанесения Фальдману легкого телесного повреждения без расстройств здоровья осужденным из хулиганских побуждений. Фальдман здоров, работает.

К виновному приняты меры наказания.

Вопрос о переводе его в другое учреждение решайте в частном порядке через ГУИТУ МВД СССР, ГУИТУ МВД УССР. Администрация ЮЗ-17-10 и руководство отдела ИТУ в его переводе не возражают.

Начальник отдела ОИТУ УВД

Г.Д.Медведенко

15 мая я получаю ответ из Прокуратуры Херсонской области:

/копия с документа/

УССР
Прокуратура
Херсонской обл.
11 05 76
№ 17/12002 75

Гр-ке Нудель И.Я.
Москва, ул. Юных Ленинцев,
79/6-28

Сообщаю, что по поручению прокуратуры СССР Ваша жалоба от 19 апреля 76 г. рассмотрена прокуратурой Херсонской обл.

Проверкой установлено, что 25 марта 1976 г. между Фельдманом А.Д. и одним из осужденных возникла ссора, в процессе которой Фельдману было причинено легкое телесное повреждение. Он здоров, работает.

К виновному лицу администрацией учреждения приняты соответствующие меры. Ссылка в жалобе на какие-то неправильные действия начальника отряда, в котором находился осужденный Фельдман, при проверке не нашли своего подтверждения. По вопросу перевода Фельдмана в другое учреждение на территории РСФСР Вам необходимо обратиться в МВД СССР.

Прокурор Херсонской области
Государственный советник юстиции
3 класса

В.У.Шутурминский

20 мая я направляю новую жалобу в ГУИТУ на основе ответа из Херсона по поводу перевода Фельдмана в другое исправительно-трудовое учреждение.

26 мая я направляю жалобу в ЦК КПСС, в которой излагаю все, что я писала в разные инстанции, и прошу вмешательства для перевода Фельдмана в другое учреждение на территории РСФСР, где, как я полагаю, не будет такого проявления антисемитизма.

19 июня я получаю ответ из ОИТУ Херсонского обласполкома.

/копия с документа/
по-украински и по-русски

МВД УССР

Управление внутренних дел
Исполнительного комитета
Херсонского областного
Совета депутатов трудящихся

Отдел исправительно-трудовых
учреждений

Гр-ке Нудель И.Я.
Москва, ул. Юных Ленин-
цев, 79/6-28

17.06.1976

№ 14/12-13-11

Вами направлены жалобы в адрес ГУИТУ МВД СССР и ЦК КПСС с просьбой о переводе Вашего сына Фельдмана А.Д. в места лишения свободы РСФСР. На неоднократные, подобного характера жалобы, нами дан Вам конкретный и ясный ответ. Одновременно сообщаю, что в соответствии со статьей 17 Основ исправительно-трудового законодательства СССР и Союзных республик основания на перевод Фельдмана А.Д. в другое ИТУ не имеется.

Начальник отдела ИТУ УВД Херсонского
облисполкома

Г.Д.Медведенко

На свидании 12 июля 1976 года А.Фельдман сказал своему отцу:

"Неожиданно в ночь на 1 мая меня вызвали к бывшему здесь начальнику ОИТУ Херсон. обл. Медведенко, который после краткой беседы со мной разрешил работать на стройке. И этот месяц, после мая, прошел, сравнительно с предыдущими, спокойнее."

Из письма А.Фельдмана:

"1 мая говорил со мной по поводу твоих обращений в МВД сотрудник оперативной части ОИТУ Херсона и 5 мая - прокурор по надзору в области. Пока все спокойно, но кто может дать гарантию, что это спокойствие будет до конца срока?"

И вслед за Фельдманом я спрашиваю: "кто может дать гарантию, что в оставшиеся до освобождения месяцы Фельдман не получит нового удара лопатой по голове, что в него не бросят камень или бревно, или еще что-либо в этом духе?"

Кто может гарантировать сохранение жизни и здоровья заключенному?

"Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства"
/Уголовный кодекс РСФСР, 1971 г., ст. 20/.

Ида Нудель

Москва
июль 1976 года

К ПРОЦЕССУ АЛЕКСАНДРА ФЕЛЬДМАНА

По приговору Народного суда Дарницкого района города Киева от 23.11.1973 г. Александр Фельдман, 26-ти лет, был осужден по ст. 206 ч. 2 Уголовного Кодекса Украинской ССР /злостное хулиганство/ на 3,5 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Ст. 206 ч. 2 УК УССР гласит:

"Хулиганство, то есть умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу... отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью, либо связанное с сопротивлением представителю власти или предстателю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, или иным гражданам, пресекающим хулиганские действия, а равно совершенные лицом, ранее судимым за хулиганство, - наказываются лишением свободы на срок от одного года до пяти лет".

А.Фельдман был признан виновным в том, что 18.10.1973 г. около своего дома ударил, без всякой на то причины, незнакомую женщину, выбил из ее рук торт, а поспешившим к ней на помощь двум гражданам нанес побои и нецензурно оскорбил.

Подсудимый ни на предварительном следствии, ни на суде не признал себя виновным, и в знак протеста против надуманного обвинения отказался давать показания. В последнем слове он заявил, что дело полностью сфальсифицировано.

Фельдман никогда ранее не был судим; в этот вечер, как и вообще, не употреблял алкоголя, психическими заболеваниями не страдал, вел мирный образ жизни. В течение последних лет, предшествующих обсуждаемому случаю, активно боролся за право выезда в Израиль, подписывал письма протеста и участвовал в иных акциях, изобличающих дискриминацию евреев в СССР, и этим навлек на себя всяческие притеснения и административные преследования.

Личность Фельдмана и его поведение в быту не давали никаких оснований полагать, что человек такого склада и положения способен на неожиданный и ничем не оправданный хулиганский поступок.

С учетом изложенных данных, обвинение, выдвинутое против Фельдмана, согласно советскому процессуальному праву, должно было быть проверено с особой тщательностью, и все возникавшие сомнения в достоверности инкриминируемых обвиняемому действий устранены.

В соответствии со ст. 14 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик и ст. 22 уголовного процессуального кодекса Украинской ССР:

"Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства".

В числе обстоятельств, подлежащих особой проверке, должны были исследоваться мотивы якобы совершенных обвиняемым действий. В настоящем деле очень важно было ответить на вопрос, почему мирный и трезвый житель неожиданно посреди улицы нападает на незнакомую женщину и избивает ее, тем более, что этот человек, вследствие особых обстоятельств, находился непрерывно в поле зрения властей, что естественно вынуждало его к повышенной осторожности.

Верховный Суд СССР и теоретики процесса постоянно обращают внимание следственных и судебных органов на необходимость как полной проверки доказательств, так и мотивов деяния подозреваемых.

"Чтобы обеспечить успешное разбирательство дела в суде, необходимо собрать все, имеющие значение доказательства /выяснить, кто был очевидцем и допросить их, произвести осмотр места происшествия, обнаружить и осмотреть вещественные доказательства и т.д./^{х/}

^{х/} Д.С.Карев, "Советский уголовный процесс", М., 1968, стр. 13

Проф. М.С.Строгович утверждает, что целью уголовного процесса является материальная, объективная истина и что на достижение этой цели^{х/} должны быть направлены усилия следствия и суда.

Авторы "Курса советского уголовного права" совершенно обоснованно пишут:

а/ "В сущности без определенного мотива не совершается ни одно умышленное преступление".

б/ "Следственным органам необходимо расследовать мотивы умышленно совершенного виновным преступления. Без установления подлинных мотивов совершенного преступления расследование дела не^{хх/} может считаться полностью завершенным".^{ххх/}

Такого же мнения придерживается Верховный Суд СССР, который в определении от 27.1.1965 г. по делу Алексаняна указал:

"Исследование обстоятельств дела не может быть признано всесторонним и полным, если не выяснены причины и условия, способствующие совершению преступления".^{ххх/}

Мы не стали бы цитировать эти общеизвестные каждому юристу истины, если бы следствие и суд, рассмотревшие дело Фельдмана, не пренебрегли ими в грубой и ничем не прикрытой форме.

Рассмотрим последовательно допущенные судом нарушения.

В начале предварительного следствия в отношении Фельдмана была избрана мера пресечения - содержание

х/ М.С. Строгович, "Курс советского уголовного процесса", М., 1968, т. 1, стр. 135.

хх/ "Курс советского уголовного права", М., 1970, т. 2, стр. 290, 291.

ххх/ "Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам", М., 1973, стр. 328.

под стражей. Следователь мотивировал арест тем, что подозреваемый якобы нигде не работает и есть опасение, что он может скрыться от следствия и суда. Между тем, следователь знал, что Фельдман в это время работал в качестве кочегара жилищной конторы треста "Киевгорстрой-4", имел постоянное место жительства и скрываться не собирался. В течение первых суток были спешно допрошены свидетели обвинения и, таким образом, помешать следствию Фельдман также не мог. Уже этим следователь и прокурор, санкционировавший арест, доказали свое особо пристрастное отношение к делу.

Статья 33-я "Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик" обуславливает применение всякой меры пресечения следующими обстоятельствами:

"При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, находясь на свободе, скроется от следствия и суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью..."

Следовательно, при отсутствии указанных моментов /а, как известно, они на самом деле отсутствовали/ не было никаких оправданий для применения к Фельдману меры пресечения вообще, а тем более - содержание под стражей.

Суд, в нарушение статьи 12 "Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик", установившей принцип гласности судебного разбирательства,^{х/} слушал дело по существу в закрытом судебном заседании, что выразилось в следующем:

Дело было первоначально назначено на 19.11.1973 г. в здании суда и внезапно перенесено, без объявления места слушания, на 23.11.1973 г. в клуб завода дорожных машин, куда доступ возможен лишь по особым пропускам. С целью создания видимости гласного разбирательства, на завод была доставлена на автомашинах группа

^{х/} Этот принцип является конституционным; он провозглашен в статье 111 Конституции СССР 1936 года, действовавшей во время разбирательства дела по обвинению Фельдмана.

людей, многие из которых были опознаны родственниками и друзьями Фельдмана как сотрудники КГБ и милиции, которые постоянно осуществляли слежку за еврейскими активистами. Суд незаконно отклонил просьбу подсудимого о допуске в зал заседания его близких родственников и друзей. При этих обстоятельствах преамбула приговора о том, что суд рассматривал дело "в открытом судебном заседании", звучит явно издевательски. У суда, как мы полагаем, были особые причины для сокрытия перед общественностью своих незаконных методов судопроизводства, заключающихся в воспрепятствовании выяснения истины. Однако эти причины не имеют ничего общего с уголовно-процессуальным законодательством, действующим в СССР.

Суд грубо нарушил право обвиняемого на защиту, отклонив его и адвоката ходатайство о вызове и допросе свидетелей Берзона, Фридмана и Цацкиса, которые допрашивались на предварительном следствии и сообщали там сведения, которые могли опровергнуть версию обвинения. В частности, эти свидетели показали, что расстались с Фельдманом за несколько минут до происшествия недалеко от его дома, куда он спокойно направлялся без всяких намерений причинить кому-либо неприятности. Они утверждали, что свидетели Колода и Приходько следили за Фельдманом.

Защитник Фельдмана - адвокат Ежов совершенно правильно указывал на это нарушение в своей кассационной жалобе в Киевский областной суд, утверждая, что нежелание суда выслушать этих свидетелей говорит о проявленной им необъективности.

Судебная коллегия областного суда, отвергая доводы адвоката и считая их необоснованными, сослалась на то, что свидетели Берзон, Фридман и Цацкис не были очевидцами якобы совершенного Фельдманом преступления, и поэтому их допрос является излишним. Такая узкая и ограниченная трактовка методов исследования доказательств противоречит требованиям ст. 14 Основ уголовного судопроизводства, возлагающей на суд обязанность принять все предусмотренные законом меры для "всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела". Суд исследовал лишь одну версию обвинительной власти и отказался проверить версию обвиняемого, предполагавшего, что так называемые "потерпевшие" Колода и Приходь-

ко, которые по чьему-то указанию следили за ним, могли быть лжесвидетелями, выполнявшими задание тех, которые поручили им осуществление слежки. Эта версия заслуживала внимания еще и потому, что оба этих свидетеля являлись студентами юридического факультета, а, как известно, в СССР студенты этого учебного заведения, проходя практику в органах уголовного розыска и готовясь к будущей следственной работе, зачастую довольно послушно выполняют различные задания своих патронов.

На необходимость тщательной проверки абсолютно всех версий и обстоятельств неоднократно указывал Верховный Суд СССР в ряде своих постановлений Пленума и определений судебных коллегий.

Так, в частности, в определении коллегии Верховного Суда СССР от 13.9.66 г. по делу Надточего говорится:

"При расследовании и рассмотрении дела в суде должны быть проверены все имеющиеся версии совершенного преступления"^{x/}

То же самое в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25.6.1958 по делу Ованяна.^{xx/}

Проф. М.С.Строгович весьма убедительно доказывает:

"Крайне существенным препятствием для правильного разрешения дела является односторонность расследования, когда исследуется только одна версия и игнорируются другие возможные версии. Это влечет серьезные ошибки в разрешении судом вопроса о виновности привлеченных к уголовной ответственности лиц"^{xxx/}

^{x/} Бюллетень Верховного Суда СССР, 1967, № 3, стр. 30-36

^{xx/} "Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946-62 гг.", М., Юриздат, 1964, стр. 79

^{xxx/} "Курс советского уголовного процесса", М., 1968, т. 1, стр. 301.

Верховный Суд СССР также считает недопустимым отказ суда в ходатайстве стороны о вызове свидетелей, если их показания могут внести ясность в обстоятельства рассматриваемого дела. Такое указание верховного судебного органа страны является естественным и оправданным, ибо оно направлено на исполнение цитируемого выше закона.

Мы позволим себе сослаться на некоторые определения, доказывающие, что защитник Фельдмана был прав в своем утверждении, что суд грубо нарушил право на защиту подсудимого, отказав в вызове свидетелей, а вышестоящая инстанция вместо исправления беззакония, усугубила его.

Итак:

"Необоснованный отказ суда в ходатайстве подсудимого о вызове свидетелей, показания которых имеют существенное значение для дела, является нарушением права обвиняемого на защиту и создает сомнение в правильности вынесенного приговора".^{x/}

Судебная коллегия Киевского облсуда считала излишним допрос в судебном заседании свидетелей Берзона, Фридмана и Цацкиса, потому что они не видели самого происшествия, но ведь они были допрошены на предварительном следствии и сообщили ряд фактов, которые свидетельствовали в пользу подсудимого и его предположения, что остальные свидетели дают ложные показания. Почему же, во имя объективности судебного разбирательства, не прослушать их показания в суде?

В другом определении Верховный Суд СССР писал:

"Отклонение ходатайства о вызове в суд свидетеля по мотивам заранее предрешающим содержание его показаний, является совершенно необоснованным".^{xx/}

^{x/} См. Определение УСК Верховного Суда СССР от 16.11.39. по делу П. в "Вопросах уголовного права и процесса", М., 1971, стр. 331.

^{xx/} См. Определение ЖДК Верховного Суда СССР от 1.3.49. по делу Ш. в "Сборнике постановлений Пленума и определений коллегий Верх. Суда СССР по уголовным делам", М., 1949, № 6, стр. 44.

Таков советский закон и указания Верховного Суда, которые Дарницкий народный суд и Киевский областной суд нарушили, постановив обвинительный приговор в отношении Фельдмана. Трудно допустить, что действия суда, пренебрегшего принципами советского судопроизводства, явились случайными, не имеющими под собой определенной почвы.

После анализа процессуальных нарушений мы считаем необходимым подвергнуть объективной критике доказательства, положенные в основу обвинительного приговора, каковыми явились показания свидетелей Теляковой, Колода, Приходько, Хряпа и Жолобовского.

Валентина Телякова - свидетель. Она же - основная потерпевшая.

Суд без всяких оговорок полностью поверил ее показаниям, пресекая при этом попытки защиты проверить как личность этого свидетеля, так и существенные противоречия в ее объяснениях.

Так и не осталось выясненным, кто такая Телякова, каково ее семейное положение и где она работает? Телякова первоначально сообщила, что она работала в детском саду, а в суде заявила, что она уже там в течение нескольких месяцев не работает. Она утверждала, что 18.10.73 г. у нее был выходной день, хотя был четверг, когда все детские сады работают. Суд не захотел проверить, почему она в будний день не работала. Она показала, что в этот день назначила на 9 часов вечера свидание с неким Славиком, фамилии и адреса которого не знает. Ходатайство защиты о выяснении личности "мифического" Славика судом было отклонено. Не удалось также выяснить, почему женщина, направляющаяся на свидание с молодым человеком, вдруг покупает торт, почему этот торт не был надлежаще упакован, как это принято во всех кондитерских магазинах больших городов СССР, почему Телякова с этим тортом направилась через задворки именно к дому Фельдмана, хотя почтовое отделение, которое, по словам Теляковой, должно было явиться местом предполагаемого свидания, было расположено поодаль. Суд не придавал никакого значения тому обстоятельству, что, по словам самой Теляковой, она по дороге "уткнулась в забор, обсаженный колючками дикой малины", и мелкие повреждения, обнаруженные у

у нее на двух пальцах руки, могли явиться следствием именно этого события, а не действий обвиняемого, который, якобы, ударил ее мягким портфелем по рукам.

Потерпевший Колода - он же студент юридического факультета -

дал весьма противоречивые показания. В частности, он сообщил, что Фельдман ударил его друга Приходько, а ему самому разорвал майку. Так и не удалось выяснить, как можно было порвать майку, если одежда поверх майки осталась неповрежденной. Злополучная майка не была осмотрена и изъята следователем милиции, куда 18.10. 1973 г. были доставлены и Фельдман, и Колода.

Спустя неделю, т.е. 25.10.73 г. появился в деле протокол, из которого явствует, что в этот день Колода принес какую-то, уже стиранную майку, но и она не была приобщена к делу. Между тем, на суде Колода вынул из кармана какую-то майку и вручил ее суду, который, ничуть не сомневаясь, признал ее вещественным доказательством.

Если при этом учесть, что по имевшимся в деле сведениям, Колода был одним из тех, кто следил за Фельдманом, то станет очевидной весьма сомнительная достоверность показаний этого свидетеля.

Свидетель Хряпа - как известно, работал заместителем начальника уголовного розыска, и уже поэтому его показания подлежат наиболее тщательной проверке. Не исключена возможность, что именно он по своему должностному положению явился организатором запланированной провокации, целью которой явилось привлечение к уголовной ответственности ни в чем неповинного Фельдмана - активного участника борьбы за репатриацию евреев в Израиль. По показаниям этого свидетеля, он "случайно" проезжал на своей служебной автомашине по одной из центральных и шумных улиц Киева и, несмотря на естественные звуковые помехи, услышал крик Теляковой, доносящийся из-за высоких домов, расположенных на довольно приличном расстоянии. Несмотря на явную неправдоподобность таких утверждений, суд не пожелал их проверить путем выезда на место и производства эксперимента, определяющего саму возможность аналогичного слухового восприятия. Любопытно, что только свидетель Хряпа услышал крик Теляковой, а никто из граждан, несомненно находившихся рядом,

этого обстоятельства не подтвердил ни на следствии, ни на суде. Суд предпочел руководствоваться показаниями этого сомнительного, при данных обстоятельствах, свидетеля, вместо вызова и допроса Цацкиса, Берзона и Фридмана, которые еще недалеко ушли от места происшествия.

Свидетель Жолобовский - личный шофер зам. нач. уголовного розыска Хряпы - также не может быть признан в данном случае беспристрастным и объективным.

Об односторонности расследования дела Фельдмана свидетельствует и то, что отрицательная характеристика, приобщенная к делу следователем, оказалась несостоятельной и неверной, ибо, по показаниям начальника конторы, где работал подсудимый, он ни в чем предосудительном не был замечен.

Таковы доказательства "вины" Фельдмана - столь неправдоподобной и надуманной.

Все попытки адвоката Ежова, прекрасно защищавшего Фельдмана, подвергнуть критике эти доказательства и привести другие оказались тщетными и наткнулись на сопротивление судьи Ермаковой, председательствующей в судебном заседании. Ее действия грубо противоречили требованиям статьи 243 УПК, которая гласит:

"Председательствующий руководит судебным заседанием, принимая все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины..."

Судебная коллегия Киевского облсуда повторила и продолжила нарушения народного суда и в своем определении от 27.12.73 г., по существу не отвергла ни одного из доводов кассационных жалоб осужденного и адвоката. Нельзя признать серьезными формальные отписки коллегии вроде таких, как:

"Обвинение Фельдмана нашло подтверждение в показаниях потерпевших и свидетелей".

Вслед за этим коллегия пересказывает недостоверные и сомнительные показания этих свидетелей, не обмол-

вившись ни одним словом о противоречиях в этих показаниях и их неправдоподобности в применении к данному настоящему случаю.

Дело Фельдмана - яркий пример фактического беззакония, облеченного в правовую оболочку.

Попытка физического уничтожения Фельдмана продолжалась в местах лишения свободы, где он подвергался избиению со стороны заключенных, к которым администрация лагеря не принимала никаких мер.

Мужественная и самоотверженная Ида Нудель, как это видно из ее переписки с властями, опубликованной в настоящей книге, последовательно изобличала виновных в причинении страданий Фельдману. Все ее жалобы в Прокуратуру, ЦК КПСС, Министерство внутренних дел и Управление лагерей и колоний пересылались в администрацию колоний, где Фельдман отбывал наказание, а последняя по существу не реагировала.

Фельдман по отбытии срока лишения свободы приехал в Израиль, где и живет в настоящее время.

ПРОЦЕСС
КОПЕЛЯ СПЕКТОРА
/Черновцы, 9.12.1974г./

СПРАВКА О ДЕЛЕ КОПЕЛЯ СПЕКТОРА

Семья Спектор Давид, Фира и их сын Копель в феврале 1972 года подала документы на выезд в Израиль. В мае 1972 они получили отказ; было сообщено, что через год вопрос будет пересмотрен, так как в то время исполняется пять лет после демобилизации их сына из армии, где он служил в качестве радиста.

И действительно 18.6.1973 г. вся семья получила разрешение на выезд. После уплаты за визы они сдали свои паспорта и направили багаж во Львов. Однако, когда они явились 11.7.1973 г. за получением виз, им было сообщено, что их выезд задержан из-за сына и, что разрешение было выдано ошибочно.

В течение многих месяцев семья ходатайствовала и пыталась обжаловать отказ ОВИРа, но решение ОВИРа, запрещающее выезд сына, так и не было пересмотрено. В ОВИРе сообщили, что: "Ни один человек, служивший в такой воинской части, до сих пор не получал разрешения на выезд!"

15.4.1974 г. только родители получили визы, приехали в Израиль и начали борьбу за репатриацию сына. Сын писал им, что без паспорта он не может поступить на работу и, что считая себя гражданином Израиля, он отказывается получить обратно советский паспорт.

Копель Спектор был привлечен к уголовной ответственности за отказ от работы, которая ему была предложена, несмотря на отсутствие советского паспорта. Он также не согласился вновь получить советское гражданство

Копель Спектор приговорен к двум годам лишения свободы.

После отбытия наказания он приехал в Израиль.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

9 декабря 1974 г. Народный суд Первомайского района города Черновцы в составе:

Председательствующего - Народного судьи ШПАК Н.Л.
Народных заседателей - ГОНЧАРУК И.В., ПАНЧЕНКО П.В.
При секретаре - ДУТКА Т.С., ПЛЕТОС Л.В.
С участием адвоката - СОЛОНЧУК И.М.

рассмотрев в открытом судебном заседании города Черновцы дело по обвинению Спектора Копеля Давидовича, рождения 19 декабря 1946 года, уроженца и жителя города Черновцы, проживающего по переулку Боженко 4, кв. 3, еврея, холостого, образование - среднее-техническое, б/п., гр-на СССР, военнообязанного, ранее не судимого, нигде не работающего, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 214-1, ч. 1 и 196 УК УССР, суд

УСТАНОВИЛ:

Подсудимый СПЕКТОР на протяжении более года нарушал паспортные правила, выразившиеся в проживании в гор. Черновцы без прописки и без паспорта.

В этот же период подсудимый СПЕКТОР нигде не работал и злостно уклонялся от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования.

Преступление подсудимым СПЕКТОРОМ совершено следующим образом: Желая выехать в государство Израиль, подсудимый СПЕКТОР 28 июня 1973 года выписался с постоянного места жительства, сдав свой паспорт, и с этого времени продолжал проживать по переулку Боженко 4, кв. 3 без паспорта и прописки.

С этого же периода подсудимый СПЕКТОР, уволившись из Объединения "Металлист", нигде не работал и на предостережения органов милиции о трудоустройстве не реагировал. Кроме того, он не выполнил решение Исполкома Первомайского района г. Черновцы от 6 сентября 1974 г. о принудительном трудоустройстве в трест "Черновицстрой".

Подсудимый СПЕКТОР содеянное не отрицает. Пояснил, что паспорта не получал и не возобновлял прописку, так как желал, чтобы побыстрее решился вопрос о его выезде за пределы СССР. Не отрицает, что за нарушение паспортных правил он предупрежден, но в этом направлении ничего не сделал. Не отрицает, что в период с июня 1973 г. по день ареста нигде не работал. Пояснил, что пытался трудоустроиться, не называя предприятия, но не оформился на работу по решению исполкома Первомайского района в "Черновицстрой" по независящим от него причинам.

Вина подсудимого СПЕКТОРА в совершенном преступлении доказана материалами дела, личными пояснениями подсудимого, признавшего свою вину, пояснениями свидетелей, допрошенных по делу.

Так, свидетель ОЛЕРГУШ пояснила, что ей известно, что подсудимый СПЕКТОР длительное время проживал без паспорта и прописки. Предупреждался о трудоустройстве, но не работал. Она его неоднократно предупреждала о трудоустройстве и о необходимости вести порядочный образ жизни.

Данные обстоятельства подтвердили и свидетели ЛУЦКАЛ, БРАЖЕНКО, ПАЛЫЧА, СТАРОСТИНА.

Органами предварительного следствия допрошены свидетели ТИМОФИЙЧУК, РОМАНЮК и КОГУТ, которые пояснили, что подсудимый СПЕКТОР не работал, вел паразитический образ жизни.

Из справки ЖЭК № 8 от 22 октября 1974 г. видно, что подсудимый СПЕКТОР с 28 июня 1973 г. из города выписан и продолжает проживать по пер. Боженко 4, кв. 3 без прописки.

Из подписки, отобранной Первомайским РОВД 6 сентября 1974 г. у подсудимого СПЕКТОРА видно, что он официально предупрежден об уголовной ответственности за проживание в гор. Черновцах без паспорта.

Действия подсудимого СПЕКТОРА в злостном нарушении паспортных правил квалифицированы правильно по ст. 196 УК УССР.

Из предостережения от 16 августа 1974 г., сделанного Первомайским РОВД подсудимому СПЕКТОРУ видно, что он предупреждался о трудоустройстве в течение 15 дней.

Из заключения Первомайского РОВД от 6 сентября 1974 г. видно, что подсудимый СПЕКТОР в установленный срок не трудоустроился и продолжает уклоняться от общественно-полезного труда и, будучи трудоспособным, ведет антиобщественный паразитический образ жизни.

Из решения Первомайского райисполкома г. Черновцы № 230/18 от 6 сентября 1974 года видно, что подсудимый СПЕКТОР направлен в трест "Черновицстрой" для принудительного трудоустройства.

Из справки отдела кадров треста "Черновицстрой" видно, что подсудимый СПЕКТОР в 1974 году по вопросу трудоустройства не обращался.

Из характеристики ЖЭК № 8 от 22 октября 1974 г. видно, что подсудимый СПЕКТОР длительное время не работает, ведет аморальный образ жизни и ведет паразитическое существование.

Действия подсудимого СПЕКТОРА по данному эпизоду квалифицированы правильно по ст. 214-1, ч. 1 УК УССР.

Переходя к вопросу избрания вида и меры наказания подсудимому СПЕКТОРУ, суд учитывает содеянное подсудимым и степень общественной опасности совершенного им преступления. Суд учитывает личность подсудимого, его отношение к содеянному.

Руководствуясь ст.ст. 323, 324 УПК УССР, суд

ПРИГОВОРИЛ:

Признать виновным СПЕКТОРА Копеля Давидовича по ст. 196 УК УССР и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 2 /два/ года, и по ст. 214-1, ч. 1 УК УССР и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на 1 /один/ год.

В силу ст. 42 УК УССР меру наказания осужденному СПЕКТОРУ К.Д. по совокупности преступления, для отбытия определить 2 /два/ года лишения свободы с содержанием в ИТК общего режима.

Меру пресечения осужденному СПЕКТОРУ К.Д. оставить прежнюю - содержание под стражей, а меру наказания назначать исчислять с 22 октября 1974 года.

Приговор в течение 7 /семи/ суток с момента вручения копии осужденному может быть обжалован в Черновицкий облсуд через Нарсуд.

Председательствующий - подпись
Нар.заседатели - подписи

Верно: Нарсудья /подпись/
Секретарь /подпись/

Заверено гербовой печатью.

Дело № К2-676 1974 г.
Категория 1-я - ст.ст.196 и
214-1 ч.1 УК УССР

Председательствующий в 1-й
инстанции - ШПАК Н.Л.
Докладчик СЕМОВА З.А.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1974 года декабря 24 дня Судебная коллегия по уголовным делам Черновицкого областного суда в составе:

Председательствующего	-	ИЩЕНКО В.С.
Членов суда	-	СЕМОВОЙ З.А. и САБОВА Т.М.
С участием прокурора	-	ОСТРИКОВА А.Ф.
С участием адвоката	-	-

рассмотрела в открытом судебном заседании в городе Черновцы уголовное дело по кассац. жалобам осужденного Спектора К.Д. и в его интересах адвоката Солончука И.М. на приговор народного суда Первомайского района города Черновцы от 9 декабря 1974 года.

Этим приговором СПЕКТОР Копель Давыдович, 19 декабря 1946 года рождения, уроженец и житель г. Черновцы, еврей, образование среднее техническое, б/п., холост, несудимый, не работал, проживал в г. Черновцы, пер.Боженко 4/3

осужден по ст. 196 УК УССР к двум годам лишения свободы, по ст. 214-1, ч. 1 УК УССР к одному году лишения свободы.

По ст. 42 УК УССР мера наказания Спектору К.Д. определена по совокупности преступлений в два года лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии общего режима. Мера пресечения Спектору К.Д. оставлена прежней - содержание под стражей. Срок отбытия наказания определен с 22 октября 1974 года.

Заслушав доклад члена суда, заключение прокурора, полагавшего приговор в отношении Спектора оставить без изменения, рассмотрев материалы дела, обсудив доводы жалоб, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Спектор Копель Давидович осужден за нарушение паспортных правил и за злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования. Как признал суд в приговоре, преступления совершены при следующих обстоятельствах.

Осужденный Спектор К.Д., желая выехать в государство Израиль, 28 июня 1973 года сдал свой паспорт, выписался с постоянного места жительства, но, не получив разрешения на выезд, он продолжал проживать в гор. Черновцы по пер. Боженко, 4 без паспорта и без прописки. Оставив работу в июне 1973 года, с этого времени нигде не работал, не реагировал на предостережение органов милиции о трудоустройстве и не выполнил решение исполкома Первомайского района гор. Черновцы от 6.1X.1974 года о принудительном трудоустройстве и продолжал вести паразитический образ жизни.

В кассационных жалобах адвокат Солончук И.М., не оспаривая содеянное Спектором и правильность квалификации его действий доказанность вины, просит снизить Спектору меру наказания,

- осужденный Спектор К.Д. просит освободить его из-под стражи и дать возможность выехать к родителям в государство Израиль.

Судебная коллегия считает, что кассационные жалобы удовлетворению не подлежат.

Вина осужденного Спектора в совершенных им преступлениях, за которые он осужден, установлена материалами дела. Доказано, что Спектор более года проживал в городе без прописки и без паспорта, отказывался получить свой

паспорт после отказа ему в выезде за пределы Советского Союза. Это не отрицает осужденный; подтверждается справками ОБИРа и домоуправления /л/д 13/.

Установлено также, что с июня 1974 года Спектор не работает. 6.9.1974 года было вынесено решение Исполкома о трудоустройстве Спектора в трест "Черновицстрой", однако он этого решения не выполнил, что подтверждается справкой отдела кадров треста "Черновицстрой" /л/д 11/.

Свидетели Олергуш Е.В., Браженко Л.И., Старостина Н.А. подтвердили, что Спектор длительное время не работал и заявлял им, что не хочет работать.

С учетом изложенного, народный суд обоснованно сделал вывод о доказанности вины Спектора в нарушении паспортных правил и злостном уклонении от трудоустройства и правильно квалифицировал его действия по ст.ст. 196 и 214 ч. 1 УК УССР.

Судебная коллегия считает, что при определении меры наказания народный суд учел все фактические обстоятельства по делу, данные о личности осужденного, а также его отношение к содеянному, а поэтому оснований для ее снижения не имеется.

Руководствуясь ст.ст. 363-364 УПК УССР, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Кассационные жалобы осужденного Спектора К.Д. и в его интересах адвоката Солончука И.М. оставить без удовлетворения, а приговор народного суда Первомайского района гор. Черновцы от 9 декабря 1974 года в отношении Спектора Копеля Давыдовича - без изменения.

Председательствующий В.Ищенко

Члены суда - З.Семова
Т. Сабов

Верно: член облсуда З. Семова /подпись/

Заверено гербовой печатью.

К ПРОЦЕССУ КОПЕЛЯ СПЕКТОРА

По приговору Народного суда Первомайского района Черновицкой области Украинской ССР от 9.12.1974 г. Копель Спектор, 1946 года рождения, был осужден на основании ст.ст. 214-1 ч. 1-ой и 196 Уголовного Кодекса Украинской ССР на два года лишения свободы с содержанием в ИТК общего режима.

Ст. 214-1 ч. 1 УК УССР гласит:

"Злостное уклонение лица, ведущего антиобщественный образ жизни, от выполнения решения исполнительного комитета районного /городского/ Совета депутатов трудящихся о трудоустройстве и прекращении паразитического существования, -

наказывается лишением свободы на срок от одного года или исправительными работами на тот же срок".

Ст. 196 УК УССР гласит:

"Злостное нарушение паспортных правил в местностях, где введена паспортная система, если это нарушение состояло в проживании без паспорта или без прописки и за такие же действия уже применялись меры административного воздействия, -

наказывается лишением свободы на срок до двух лет или штрафом в размере до пятидесяти руб."

Суд признал Спектора виноватым в том, что он на протяжении более года нарушал паспортные правила, проживая в городе Черновицы без паспорта и прописки, в этот же период нигде не работал и злостно уклонялся от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования.

Конкретизируя указанные выше действия Спектора, суд признал, что:

"Спектор, желая выехать в государство Израиль, 28.6.1973 г. выписался с постоянного места жительства, сдав свой паспорт, и с этого времени продолжал проживать по переулку Боженко 4, кв.3 без паспорта и прописки. С этого же периода подсудимый Спектор, уволившись из объединения "Металлист", нигде не работал и на предостережения органов милиции о трудоустройстве не реагировал". х/

Подсудимый не отрицал факты, указанные в приговоре, но пояснил, что не получил обратно паспорта и не возобновил прописки, так как считал неправильными действия властей, отказывающих ему в выдаче выездной визы уже после того, как ранее выезд из СССР ему был разрешен.

При поверхностном ознакомлении с приговором юридически неосведомленному читателю может показаться, что Спектор осужден обоснованно, потому что он действительно в течение более года проживал в городе Черновцы без паспорта и прописки и нигде не работал, а такие действия в СССР уголовно наказуемы.

Однако тщательный анализ обстоятельств дела и их сопоставление с советским законодательством убеждает нас в том, что приговор является незаконным в своей основе, и вот почему:

Из материалов дела известно, что Копель Спектор и члены его семьи 18.6.1973 г. получили в местном ОВИРе разрешение на выезд из Советского Союза на основании поданного ими заявления. Получение такого разрешения, согласно действующим в СССР правилам, обусловлено просьбой заинтересованного лица о выходе из советского гражданства и принятием Президиумом Верховного Совета СССР постановления, удовлетворяющего такую просьбу.

За выход из гражданства Спектор своевременно уплатил положенную сумму денег и, как человек, уже не являющийся гражданином СССР, сдал свой паспорт. При таких обстоятельствах Спектор уже с 18.6.1973 г., в соответствии с нижецитируемым законом, считался лицом без гражданства.

х/ См. стр. 274 настоящей книги.

Изложенное подтверждается следующим.

В 1973 году, то есть во время рассматриваемых событий, в СССР действовал Закон от 19.8.1938 г. "О гражданстве Союза Советских Социалистических республик",^{x/} который гласит:

Статья 4-я:

"Выход из гражданства СССР разрешается Президиумом Верховного Совета СССР".

Статья 8-я:

"Лица, проживающие на территории СССР, не являющиеся в силу настоящего Закона гражданами СССР и не имеющие доказательств своей принадлежности к иностранному гражданству, считаются лицами без гражданства".

Спектор мог вновь приобрести советское гражданство после того, как Президиум Верховного Совета СССР разрешил ему выйти из него, лишь при наличии его волеизъявления, то есть подачи им соответствующей просьбы. Такого заявления он не подавал, более того, категорически отказался его подавать, и поэтому никто не мог заставить его принудительно вернуться в Советское гражданство и нести обязанности отсюда вытекающие.

Возникает правовой вопрос, может ли лицо без гражданства, которым в то время являлся Спектор, отвечать в уголовном порядке за отказ от трудоустройства и беспаспортное проживание, т.е. по статьям 214-1 ч.1 и 196 УК УССР, по которым был привлечен?

Согласно ст.ст. 4 и 5 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик, лицо без гражданства в принципе может быть привлечено в СССР к уголовной ответственности за совершение преступления, но отнюдь не каждого преступления, предусмотренного уголовным кодексом. Существуют определенные составы преступлений, ответственность за совершение которых несет лишь ограниченное количество субъектов. В частности, только гражданин СССР

^{x/} См. Ведомости Верховного Совета СССР, 1938 г. № 11.

может быть привлечен к уголовной ответственности за уклонение от трудоустройства, потому, что, согласно ст. 12-й Конституции СССР /1936г./:

"Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина: "кто не работает, тот не ест".

Права и обязанности, провозглашенные Конституцией СССР, естественно, касаются исключительно граждан страны, а лица без гражданства проживают на основании особых правил. На них, в частности, не распространяется обязанность службы в Советской Армии, так как ст. 132 Конституции гласит:

"Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР".

Глава 10-я Конституции СССР имеет заголовок:

"Основные права и обязанности граждан".

Все шестнадцать статей этой главы /118-133/ начинаются с фразы:

"Граждане СССР имеют право..."

Государство, предоставляя своим гражданам определенные права, требуют от них выполнения обязанностей. Лица без гражданства, не располагающие привилегиями, присущими гражданам, не могут принуждаться к выполнению специфических обязанностей. Это не значит, что они могут безнаказанно совершать общеуголовные преступления такие, как убийство, изнасилование, грабеж, кража и т.п., но заставлять их в обязательном порядке, под страхом уголовной ответственности работать или выполнять паспортные правила, государство не может. Оно вправе лишить лицо без гражданства, которое не выполняет предписанные ему административные правила, права на проживание в СССР и выслать его за пределы страны.

Учебник "Советское конституционное право", x/

x/ "Советское конституционное право", под редакцией С.И. Русинова и В.А. Рянжина, Ленинград, 1975 г.

характеризуя различие в правовом положении граждан и не граждан СССР и формулируя юридическую природу института гражданства, пишет:

"Состояние гражданства определяет различия в правовом положении граждан СССР, иностранцев и лиц без гражданства. Только советские граждане обладают избирательным правом, правом нести воинскую службу, занимают определенные должности в советском государственном аппарате и др. ...".

"Юридическая природа гражданства как особого правоотношения между гражданами и государством проявляется в наличии корреспондирующих прав и обязанностей у его субъектов".

"Советское государство, устанавливая в интересах всего общества должный вид поведения граждан, вправе требовать его исполнения и применять в необходимых случаях меры принудительного воздействия".^{x/}

Изложенное свидетельствует о том, что Копель Спектор, не являясь к моменту его привлечения к уголовной ответственности гражданином СССР, не мог быть субъектом, отвечающим по статьям о тунеядстве и беспаспортном проживании. Советские власти обязаны были выдать ему вид на жительство как лицу без гражданства и соответственно регулировать его поведение.

Такого же мнения придерживается "Курс советского уголовного права":

"По некоторым преступлениям в силу их характера иностранные граждане и лица без гражданства не могут быть субъектами преступления".^{xx/}

^{x/} "Советское конституционное право", Ленинград, 1975 г., стр. 204.

^{xx/} "Курс советского уголовного права", Москва, 1970 г., том 2, стр. 207.

Суд, по нашему мнению, отдавал себе отчет в том, что все дело против Спектора лишено правовой основы и поэтому он в приговоре стыдливо умолчал, что подсудимый еще 18.6.1973 г. получил разрешение на выезд, а написал лишь, что Спектор выписался с постоянного места жительства и сдал свой паспорт, "желая выехать в государство Израиль".

Суд ни словом не обмолвился, что Спектор не только желал выехать, но это его желание было удовлетворено в соответствии с законом, и менять свое решение власти уже не могли, а особенно без согласия самого Спектора.

Здесь, как и в других антиеврейских процессах, мы вновь встречаемся с нарочитым нарушением норм советского законодательства во исполнение чьих то указаний сверху, направленных на борьбу с теми, кто настойчиво добивается права на репатриацию в Израиль.

Копель Спектор отбыл определенный ему приговором срок лишения свободы и приехал в Израиль.

*ПРОЦЕСС
СЕНДЕРА ЛЕВИНЗОНА*

/Бендери, 27-28.5. 1975 г./

ПЕРЕД ПРОЦЕССОМ

НАЧАЛЬНИКУ ОВИРа МОЛДАВСКОЙ ССР

Заявление

На протяжении длительного времени нас одурманивают разговорами о якобы существующих режимных соображениях и не разрешают выехать в государство Израиль к своим родным. В знак протеста, считая Израиль своей исконной Родиной, мы просили правительство Израиля предоставить нам израильское гражданство. Правительство Израиля удовлетворило нашу просьбу. Поскольку советские законы не допускают двойного гражданства, мы обращались в Президиум Верховного Совета СССР с отказом от советского гражданства, но Верховный Совет СССР даже не счел нужным ответить на наше ходатайство.

В знак протеста мы оставляем свои советские паспорта представителю ОВИРа Молдавской ССР, объявляем голодовку и требуем выдачи виз для выезда в государство Израиль.

Абрамович Янкель, Абрамович Фаина, Крик Геннадий,
Левинзон Сендер

24 сентября 1973 г.
Кишинев

В МВД МОЛДАВСКОЙ ССР

Голодовка, начатая 24 сентября 1973 г. в здании переговорного пункта, была прервана работниками милиции, к нам применили физическую силу. Нас вывели из переговорного пункта в 3 часа ночи и привезли в районный отдел милиции, где продержали до 8 часов утра и увезли в МВД.

Нам пытались насильно вручить наши паспорта, а затем сказали, что наши паспорта уничтожат, а нас будут судить за бродяжничество. После длительных издевательств и угроз нас вынуждены были отпустить.

В знак протеста против примененного против нас насилия мы продолжаем голодовку на переговорном пункте.

Абрамович Янкель, Абрамович Фаина, Крик Геннадий,
Левинзон Сендер

24 сентября 1973 г.
Кишинев

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Н. ПОДГОРНОМУ

Будучи полноправными гражданами государства Израиль, мы не можем оставаться здесь, когда на Родине льется кровь наших отцов и братьев.

Мы требуем немедленного разрешения на выезд в Израиль, нашу Родину, чтобы быть в этот час испытаний вместе с нашим народом.

Дорфман М., Дорфман Ш., Дорфман Р., Дорфман П.,
Котляр А., Стариков Л., Старикова Ю., Левинсон С.,
Левинсон Ц., Абрамович М., Абрамович Я., Резник Б.,
Резник Д., Крик Г., Абрамович Ф.

28 октября 1973 г.

Кишинев

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС Л.БРЕЖНЕВУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР А.КОСЫГИНУ

копии

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ООН КУРТУ ВАЛЬДХАЙМУ
ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КП МОЛДАВИИ

Обращение

Мы, группа граждан Молдавии еврейской национальности, обращаемся к Вам по поводу бесправного положения, в котором мы оказались после подачи документов на выезд в государство Израиль, получив отказ в разрешении.

Одновременно с отказом мы автоматически попадаем в категорию людей, вынужденных жаловаться, доказывать, спорить, писать с целью убедить соответствующие организации в своем праве на выезд. И только теперь, столкнувшись со всем этим, мы начинаем понимать, что наше бесправное положение обусловлено не какими-то случайными факторами, не стечением обстоятельств, не ошибкой отдельных лиц, а целенаправленными действиями сотрудников Министерства внутренних дел.

Мы совершенно беспомощны и бессильны. Беспомощны в попытках доказать свою правоту и бессильны в своем старании разрушить глухую стену непонимания, произвола и коррупции окружающих нас, как только мы пытаемся доказать или выяснить что-либо.

Нам сообщают необоснованные причины отказов, чтобы затруднить наши дальнейшие действия; аннулируют ранее данные разрешения, когда мы приходим уже за выездной визой, рассчитавшись с работой, выписавшись из квартиры, уплатив пошлину.

По поводу всех наших жалоб не было проведено еще ни одного детального расследования. В июле 1973 г. была послана коллективная жалоба от 22-х человек на имя Л.И. Брежнева с просьбой о создании комиссии для расследования наших дел. Мы не получили даже ответа на нее.

Все наши жалобы пересылаются обратно в ОВИР, а ОВИР оставляет свое решение в силе, вполне обоснованно считая, что и новые жалобы снова придут к ним. Естественно,

что при таком положении ОВИР не несет никакой ответственности за свои действия. Произвол в отношении нас стал нормой, потому что ОВИР знает о своей безнаказанности, так как ему даны все права и отпущены заранее все прошлые, настоящие и будущие грехи.

Итак, наше право на жалобу - лицемерие, наши документы - фикция! Так кто же мы, и почему мы, волею какого-то жребия получившие отказ, должны быть искуплением за соблюдение ОВИРОм инструкций, предусматривающих определенный процент отказов? Мы не приводим здесь примеров и доказательств. Не это было целью нашего письма. Любая комиссия получит их в достаточном количестве. Мы обращаемся к вам для того, чтобы "Декларация Прав человека", принятая ООН с участием СССР, стала программой для компетентных органов, решающих вопрос о выезде за границу.

Мы надеемся, что мы, как и все граждане мира, будем иметь право требовать в отношении себя соблюдения международных норм, а не быть отверженными - лишенными своих законных прав выезда за границу.

Маранценбойм Михаил, Дорфман Мирон, Дорфман Розалия, Дорфман Белла, Резник Бер, Резник Инна, Штаркман Анатолий, Штаркман Майя, Плов Марина, Плов Любовь, Плов Марта, Плов Леонид, Колесова Соня, Павлоцкий Вольф, Павлоцкая Элла, Павлоцкий Мирон, Павлоцкая Дора, Бендерский Леонид, Крик Геннадий, Крик Белла, Абрамович Лар /Янкель/, Абрамович Циля, Левинзон Сендер, Шварцман Яков, Шварцман Лейба

9 февраля 1974 г.

Кишинев

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Н. ПОДГОРНОМУ

копия

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА МОЛДАВСКОЙ ССР

Нам, бывшим военнослужащим, проходившим срочную службу в рядах Советской Армии, на протяжении длительного времени отказывают в выезде в Израиль. Отказ мотивируют тем, что мы служили в рядах Советской Армии и в связи с положением на Ближнем Востоке.

Все наши жалобы на незаконные действия, наши требования разрешить нам выехать положительных результатов не дали. Произвол со стороны работников ОВИРа в отношении наших разрозненных семей узаконивается.

Мы в отчаянии и в безвыходном положении. В знак протеста мы объявляем двухсуточную голодовку 22 февраля 1974 г. с 17-ти часов. Место проведения голодовки - Кишинев, Центральный телеграф.

Бендерский Леонид, Левинзон Сендер, Шварцман Яков,
Абрамович Марк

24 февраля 1974 г.

Кишинев

В ЦК КПСС

Заявление

17, 18, 19 июня сего года в Кишиневе были арестованы 17 евреев, среди которых есть больные и старые люди. Арестованные в знак протеста объявили голодовку.

Мы просим ЦК КПСС пресечь беззаконие со стороны МВД Молдавии и дать распоряжение немедленно освободить арестованных.

По поручению родных и близких арестованных:

21 июня 1974 г.

Левинзон и Штаркман

Кишинев

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР Р.РУДЕНКО

Мы, группа евреев Молдавии, неоднократно подвергались арестам на 15 суток, при этом нас держали в антисанитарных условиях, подвергали унижительной процедуре стрижки наголо и т.п. А теперь нас, лишенных средств к существованию, заставляют заплатить за все это деньги, хотя нас арестовывали только за то, что мы отстаивали свое право на эмиграцию в Израиль. Мы требуем положить конец беззаконию и произволу, чинимым в отношении евреев.

Абрамович Марк, Шехтман Юрий, Шварцман Яков,
Левинзон Сендер, Куперштейн Моисей, Шторкман
Анатолий, Шнайдер Рита

19 ноября 1974 г.

Кишинев

*ПРОЦЕСС
ДЕЛО СЕНДЕРА ЛЕВИНЗОНА^{х/}*

В 1971 году, когда я вышла замуж за Сендера Левинзона, он уже был преисполнен желания репатриироваться в Израиль и жить у себя на Родине, в своем государстве. В декабре 1972 г. наша семья /Сендер, я и наш сын - Рудольф, которому еще не исполнился год/ впервые подали документы на выезд в Израиль. 23 февраля 1973 г. мы получили наш первый отказ. Инспектор ОВИРа г.Бендеры, Молдавской ССР, где мы проживали, Ишкова, нам объявила: "Вам отказано в выезде, потому что ваша мать /т.е. моя/ и родители Сендера остаются в СССР".

В сентябре 1973 года моя мать уехала в Израиль, и в сентябре же мы с Сендером послали заявление в ОВИР МВД Молдавской ССР с просьбой о пересмотре нашего дела в связи с изменением обстоятельств. Через некоторое время мы получили ответ через Бендерский ОВИР: "Вам в выезде отказано из-за режимных соображений". В действительности никаких режимных соображений не было и не могло быть, т.к. Сендер никакого "допуска" к секретным сведениям никогда не имел, в Советской армии служил простым солдатом. Впоследствии мы многократно обращались и жаловались в различные инстанции и постоянно получали стереотипные отказы, причем ни в одном из них не было указано, на какой срок задерживается наш выезд.

В то время Сендер работал в Бендерском ремонтно-строительном управлении. Для того, чтобы попасть на прием в МВД МССР, ОВИР или же съездить в Москву, ему было необходимо отпрашиваться с работы. Сендер писал заявления на имя своего непосредственного началь-

^{х/} Обстоятельства, предшествовавшие аресту Сендера Левинзона, и процесс описаны его женой Цилей Левинзон, приехавшей в Израиль в 1977 г.

ника, и последний его отпускал. Но затем, по чьей-то указке, все эти дни отсутствия Сендера на работе ему сочли как прогул без уважительных причин, и на этом "основании" он был уволен.

Все это время Сендер вместе с другими отказниками активно боролся за свободный выезд евреев из СССР. Он участвовал в забастовках протеста, объявлял голодовки и направлял письма, осуждающие действия советских властей, препятствующих репатриации евреев в Израиль. Советские власти в каждом из этих случаев расправлялись с протестующими, и Сендер каждый раз с обвинением в "хулиганстве" и нарушении общественного порядка оказывался арестованным на 15 суток; итак он отсидел 60 дней /4 раза/.

Осенью 1973 г. во время войны "Иом кипур" в Израиле Сендер вместе с друзьями отправил в Израиль и в "Советский Красный крест" телеграмму, в которой сообщали, что готовы в случае необходимости сдавать свою кровь для раненых израильских солдат.

В ответ на все эти действия власти обвинили Сендера в тунеядстве. В сентябре 1974 г. по решению Исполкома Бендерского горсовета, Сендер был трудоустроен на завод железобетонных изделий /ЖБИ/, но спустя два месяца он опять был уволен, т.к. продолжал бороться за выезд из СССР. Еще в начале 1974 г. Сендер и еще два его товарища - Фаина и Ян Абромовичи - решили сдать свои паспорта, т.к. в СССР они лишены гражданских прав. На приеме у начальника ОВИРа МССР они передали ему свои паспорта.

1-го февраля 1974 г. я тоже была уволена с работы. В то время я работала преподавателем детской музыкальной школы. За две недели до моего увольнения меня вызвал к себе директор школы Гузин и объявил, что по приказу первого секретаря горкома партии г. Бендеры М.Л. Орловой я должна быть уволена. Мне был предложен двухнедельный срок для принятия решения: либо я пересматриваю свои взгляды и публично, через телевидение, печать и радио заявляю о своем отказе выехать в Израиль, и в этом случае я остаюсь на работе, или я буду уволена. Я, естественно, заявила, что я отказываюсь принять постыдное предложение властей, и в результате, 1-го февраля 1974 г. я была уволена с работы. Увольнение было оформлено решением общего собрания педагогов школы. Это

было не собрание, а судилище разъяренных, озверевших прислужников власти.

Таким образом наша семья осталась без средств к существованию. Сендера пытались призвать в армию, на сборы, причем занимался оформлением призыва не военкомат, а сотрудники КГБ. Сам начальник КГБ вызвал Сендера и обещал расправиться с ним, если он не прекратит свои демонстрации. Сендер категорически заявил, что он на сборы не пойдет, т.к. не считает себя гражданином СССР, что он готов отвечать за это в судебном порядке. КГБ на сей раз отступилось от своего плана, и его намерение упрятать Сендера в армию не осуществилось.

Все эти годы мы, как и все борющиеся за выезд в Израиль, постоянно пребывали под неусыпным наблюдением КГБ. Наш телефон прослушивался, он еще тогда не был отключен, потому что мы в Бендерах были единственными отказниками, и сотрудникам КГБ надо было подслушивать все наши разговоры. Нам был в устной форме запрещен выезд в крупные города: Москву и Ленинград. В июне 1974 года мы решили съездить в Ленинград к моему брату. Буквально за день до нашего отъезда, когда нами уже были куплены билеты, нас вызвал начальник КГБ и заявил, что он запрещает нам выезд в Ленинград, т.к. мы собираемся там встречаться с иностранцами, посещать синагогу и видаться с другими отказниками. Мы ему ответили, что все равно поедем, и если нам не дадут такой возможности, мы устроим забастовку прямо в аэропорту.

Наступило начало 1975 года. Мы оба не работаем, сыну три года, я в это время ждала второго ребенка. Средств к существованию не было.

Между тем, активное участие Сендера в еврейских демонстрациях не прекращалось. Он и Анатолий Штаркман ездили в Киев и в Бабьем Яру возложили цветы на могилы расстрелянных фашистами евреев.

У здания Президиума Верховного Совета Молдавской ССР была организована забастовка, в которой участвовали все отказники. Всех, не исключая женщин и детей, арестовали на 15 суток; освободили лишь нескольких женщин, у которых были грудные дети. На следующий день у входа в камеру предварительного заключения /КПЗ/, где находился Сендер, я встретила сотрудника ОВИР занимающегося еврейскими вопросами. Не взирая на то, что у

меня маленький ребенок, он стал на меня кричать и грозить арестом, если я отсюда не уйду. Этот сотрудник - Телицын - затем с улыбкой спросил: "У твоего мужа здоровые легкие?" Я, не понимая смысла вопроса, ответила: "Да". Тогда Телицын сказал: "Он у меня поедет в Криковские подвалы". В то время я еще не знала, что "Криковские подвалы" - это исправительно-трудовой лагерь усиленного режима в Молдавии, где заключенные работают в подземных шахтах. Через непродолжительное время, когда Сендер был осужден и именно туда направлен, я поняла содержание обещания Телицына.

5-го марта 1975 г. Сендер был арестован. Ему было предъявлено обвинение в спекуляции, которая заключалась в продаже вещей не по государственным, а рыночным ценам.

Мы оба, вопреки нашей воле, были уволены с работы, нам необходимо было жить, оплачивать квартиру, коммунальные услуги и пр. Сендер, как глава семьи, вынужден был что-то предпринять. Единственной возможностью прокормить семью была продажа вещей, и тогда сестра Сендера предложила ему помощь в осуществлении такой продажи своим сотрудникам на работе. У нас не было другого выхода, и мы согласились.

Вскоре, по доносу сослуживцев, купивших вещи, была задержана сестра Сендера, а затем арестован и Сендер. У нас дома сделали два обыска, причем обыскивали не только работники милиции, как это обычно бывает в делах о спекуляции, а вместе с ними и работники КГБ. В результате обыска были конфискованы письма, полученные нами из-за границы, изъяты адреса и копии наших жалоб, отправленных нами в советские учреждения и за рубеж, все наши записные книжки, большое количество сионистской литературы и фотопленок учебников иврита. Все было тщательно изучено и затем возвращено.

При других обстоятельствах, судя по другим антиеврейским процессам в СССР, все это было бы изъято и явилось бы предметом политического процесса. Но сейчас, когда Сендер уже был арестован за "спекуляцию", такой процесс для властей терял всякий практический смысл. Цель - изолировать Сендера на длительный срок и таким образом напугать других отказников, - уже была достиг-

нута. Во время следствия Сендеру было сказано: "Мы вас сажать по политической статье не будем, так что не надейтесь на то, что вам в Израиле памятник поставят". Затем всех нас, в том числе престарелых и больных родителей Сендера, многократно вызывали на допросы. Прокурор города Скрипник в ответ на мои требования разобраться в этом сфабрикованном против еврея деле за то, что он хочет уехать в Израиль, с улыбкой отвечал, что "в СССР сажают не только евреев". Моим подругам по школе было сделано внушение: "Не ходите к Левинсонам, за их домом следят". Сендеру было запрещено передавать какую-либо еду, не разрешено свидание. Следователь Николаева вызывала на допрос наших товарищей, проживавших в Кишиневе. На вопрос Марка Абрамовича: "Какое право вы имеете судить Левинсона, у него израильское гражданство?", она разразилась нецензурной бранью. Некоторые работники Бендерской милиции в частных беседах говорили прямо: "Мы посадили еврея, потому что он добивался выезда в Израиль".

27 и 28 мая 1975 г. состоялся суд. Буквально два часа на этом суде было посвящено вопросу о продаже вещей, а все остальное время говорилось о поведении и деятельности Сендера. Обвинительное заключение начиналось: "В 1972 г. Сендер Левинзон хотел уехать в Израиль". Прокурор задавал Сендеру вопросы в издевательском тоне, повторяя все время крылатую фразу: "детिशкам на молочишко" и подчеркивая этим несостоятельность объяснений Сендера о том, что на продажу вещей толкнуло его отсутствие работы и средств к существованию. Когда я на суде пыталась рассказать причину моего увольнения с работы, меня сразу же прервали и не хотели больше слушать. Доводы адвоката, пытавшегося доказать, что действия Сендера были вынужденными, совершенно не принимались во внимание. Судья Еремеева во время его речи демонстративно отворачивалась, и было совершенно очевидно, что ее не интересует истина, что она хочет лишь формально разыграть заранее отрепетированный спектакль. Ее раздражало присутствие многих наших друзей, приехавших специально из Кишинева и Москвы, а также и то, что они пытались записать происходящее на процессе. Она даже за это удалила из зала Анатолия Штаркмана. В зале суда присутствовали люди, которых я совершенно не знала. Один мой знакомый, работавший на предприятии, рассказал мне, что со всех предприятий г. Бендеры на эти два дня

освободили по два человека - дружинников, которые должны были проследить за тем, чтобы после объявления приговора не было шума. Иными словами, суровый приговор был заранее предreshен.

И, действительно, несмотря на то, что мы оба более года вынужденно не работали и, как видно из приговора, мы "нажили" за это время 559 руб. 60 коп., что составляет двухмесячную заработную плату квалифицированного рабочего, суд приговорил Сендера Левинзона к 6 годам лагерей усиленного режима. Как видно, советские судебные власти дешево ценят жизнь еврея, стремящегося к репатриации в Израиль.

Сендер был после приговора, оставленного без изменений Верховным Судом Молдавской ССР, направлен в лагерь, о котором шла речь выше и полгода работал в шахте под землей, где таскал на себе камни огромной тяжести. В настоящее время его перевели из этого лагеря, находящегося в Молдавии, в неизвестное направление, и родные не знают, где он находится.

Циля Левинзон

1.3.1977 г.

Иерусалим

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ МОЛДАВСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

28 мая 1975 г.

гор. Бендеры

Нарсуд гор. Бендеры в составе:

председательствующего	- ЕРЕМЕЕВОЙ П.Ф.
нарзаседателей	- ШТАНЬКО и БОГАЧЕГО
при секретаре	- МУССАЖИ С.
с участием прокурора	- ДОВГАЛЬ П.И.
адвокатов	- ШЕРШЕВСКОГО В.М. и ДУНАЕВСКОЙ Т.И.

рассмотрел уголовное дело по обвинению ЛЕВИНЗОНА Сендера Шмильевича, 23 марта 1948 г. рождения, уроженца и жителя гор. Бендеры, ул. Дружбы, 2/63, гр. СССР, еврей, б/п, не судим, женат, на иждивении один ребенок, работавший слесарем-сантехником на з-де ЖБИ-7 - обвиняется по ст. 161 ч. 2 УК МССР; ХАРНАС Клары Шмильевны, 1 ноября 1943 г. рождения, уроженки и жительницы гор. Бендеры, ул. Маяковского, 36, МССР, гр. СССР, б/п, еврейка, незамужняя, несудимая, кладовщик склада суровья Бендерского шелкового комбината - обвиняется по ст. 161 ч. 2 УК МССР.

Суд, ознакомившись с материалами дела, заслушав пояснение подсудимых и свидетелей,

УСТАНОВИЛ

Подсудимый Левинзон С.Ш. 3.4.74 г. был уволен с работы на з-де ЖБИ и КПД № 3 г. Бендеры.

Не занимаясь общественно-полезным трудом, Левинзон С.Ш. стал получать из различных капиталистических государств посылки и деньги иностранной валютой, которые отказался обменять на советские деньги, а через Всесоюзное объединение "Внешпосылторг" производил их обмен на сертификаты, по которым в специализированных магазинах с целью спекуляции систематически скупал кремплен, трикотажную ткань и косынки. У себя дома кремплен и трикотажную ткань разрезал на отрезы по 1 м 20 см и перепродавал через свою сестру Харнас К.Ш. по спекулятивной цене с целью наживы.

Так, в мае-июне 1974 г. Левинзон С.Ш. через Харнас К.Ш. продал Кирпичниковой Л.Д. отрез трикотажной ткани 1 м 20 см за 30 руб., розничная стоимость которого составляет 16 руб. 80 коп., получив выгоду 13 руб. 20 коп. Этой же гр-ке в августе-сентябре 1974 г. Левинзон, через Харнас перепродал отрез креплена 1 м 20 см за 65 руб., розничная стоимость которого 36 руб., получив выгоду - 29 руб.

В июне 1974 г. Левинзон через Харнас перепродал 2 косынки Хомуле Е.П. по 12 руб. за каждую, розничная стоимость которых 6 руб. каждая, получив наживу 12 руб.

В июне 1974 г. Левинзон через Харнас перепродал отрез трикотажной ткани 1 м 30 см Конник М.Н. за 35 руб., розничная стоимость которого 18 руб. 20 коп., получив наживу 16 руб. 80 коп. Также Левинзон в сентябре 1974 г. через Харнас перепродал гр. Конник отрез креплена 1 м 20 см за 65 руб., розничная стоимость которого 36 руб., получив выгоду 29 руб.

В июне-июле 1974 г. Левинзон перепродал через Харнас гр. Пысларь Г.И. отрез креплена 1 м 20 см за 65 руб., розничная стоимость которого 35 руб., получив выгоду - 29 руб.

В июле 1974 г. Левинзон через Харнас перепродал отрез креплена 1 м 20 см Байрак Э.В. за 65 руб., розничная стоимость которого 36 руб., получив выгоду нетрудового дохода, наживу - 29 руб.

В июне-июле 1974 г. Левинзон через Харнас перепродал Стариковой В.И. отрез трикотажной ткани 1 м 40 см за 35 руб., розничная стоимость которого 19 руб. 60 коп., получив выгоду, наживу - 15 руб. 40 коп.

В июне-июле 1974 г. Левинзон перепродал через Харнас гр. Фесюк А.И. отрез креплена 1 м 20 см за 65 руб., розничная цена которого 36 руб., получив выгоду 29 руб.

В августе 1974 г. Левинзон перепродал через Харнас К.Ш. Ника Н.В. отрез креплена 1 м 20 см за 65 руб., розничная стоимость которого 35 руб., получив нетрудовой доход-наживу - 29 руб.

В сентябре 1974 г. Левинзон через Харнас перепродал Ониценко Е.А. 2 отреза трикотажной ткани 1 м 20 см и 1 м 30 см каждый, розничная стоимость которых 16 руб. 80 коп. и 18 руб. 20 коп., получив выгоду-наживу 25 руб.

В сентябре 1974 г. Левинзон С.Ш., по решению Исполкома Горсовета депутатов трудящихся, был трудоустроен слесарем-сантехником на завод ЖБИ-7, но несмотря на это, он продолжал заниматься спекуляцией промышленными товарами.

Так, в сентябре-октябре 1974 г. Левинзон через Харнас К.Ш. перепродал скупленный им отрез креплена 1 м 20 см гр. Келлерман за 65 руб., розничная стоимость которого 36 руб., получив выгоду-наживу 29 руб.

В сентябре 1974 г. Левинзон через Харнас перепродал отрез креплена 1 м 20 см за 60 руб. гр. Келлерман А.М., розничная стоимость которого 36 руб., получив выгоду-наживу 24 руб.

В январе 1975 г. Левинзон перепродал через Харнас скупленный им для спекуляции отрез креплена 1 м 20 см гр. Афтений А.И. за 65 руб., стоимость которого 36 руб., получив выгоду-наживу 29 руб.

В феврале 1975 г. Левинзон через Харнас перепродал гр. Афтений А.И. отрез креплена 1 м 20 см за 65 руб., розничная стоимость которого 36 руб., получив нетрудовой доход-наживу 29 руб.

В феврале 1975 г. Левинзон перепродал через Харнас отрез креплена 1 м 20 см за 65 руб. Онищенко, розничная стоимость которого 36 руб., получив выгоду-наживу 29 руб.

В феврале 1975 г. Левинзон перепродал через Харнас отрез креплена 1 м 20 см Шитовой Н.И. за 65 руб., розничная стоимость которого 36 руб., получив наживу 29 руб.

В феврале 1975 г. Левинзон перепродал через Харнас отрез креплена 1 м 20 см за 65 руб. гр. Накрохиной И.Ф., розничная стоимость которого 36 руб., получив наживу 29 руб.

В феврале 1975 г. Левинзон скупленный им для спекуляции отрез креплена 1 м 20 см перепродал через Харнас гр. Гринь Я.Ф. за 65 руб., розничная стоимость которого 36 руб., получив наживу 29 руб.

В феврале 1975 г. Левинзон через Харнас купленный для спекуляции отрез креплена 1 м 20 см перепродал

гр. Оксенчук А.А. за 65 руб., розничная стоимость его 36 руб., получив наживу 29 руб.

В феврале 1975 г. Левинзон скупленный им для спекуляции кремплен 1 м 20 см перепродал через Харнас гр. Гольдфарб за 65 руб., розничная стоимость которого 36 руб., получив наживу 29 руб.

Подсудимая Харнас К.Ш. на протяжении с июня 1974 г. по март 1975 г. вместе со своим братом - подсудимым Левинзон С.Ш. - систематически занималась спекуляцией с целью наживы кремпленовой и трикотажной тканью, а также косынками, скупленными Левинзоном в специализированных магазинах.

Кремпленовую ткань размером 1 м 20 см стоимостью 36 руб. Харнас К.Ш. перепродала: Кирпичниковой Л.Д., Конник М.Н., Пысларь Г.И., Бейрак Э.В., Фесюк А.И., Онищенко Е.А., Ника Н.В., Келлерман А.М., Афтений А.И., 2 отреза Накрохиной И., Гринь Я.Ф., Оксенчук А.А., Гольдфарб Ф.М., получив за каждый отрез по 65 руб., имея наживу на каждом отрезе по 29 руб.

Трикотажную ткань Харнас перепродала следующим гр-нам: Кирпичниковой Л.Д., 1 м 30 см за 30 руб., розничная стоимость 16-80, извлекла нетрудовой доход 13 руб. 20 коп., Конник 1 м 30 см за 35 руб., розничная стоимость которого 18 руб. 20 коп., получив наживу 16 руб. 80 коп.; Стариковой В.И. Харнас перепродала 1 м 40 см трикотажной ткани за 35 руб., ее розничная стоимость 19 руб. 60 коп., получив наживу 15 руб. 40 коп., Нике Н.В. Харнас перепродала трикотажной ткани 1 м 20 см за 35 руб., розничная стоимость которой 16 руб. 80 коп., получив наживу 18 руб. 20 коп.; Онищенко Е.А. Харнас перепродала 2 отреза трикотажной ткани размером 1 м 20 см и 1 м 30 см, розничная стоимость которых 16 руб. 80 коп. и 18 руб. 20 коп., получив наживу 25 руб.

Хомуле Е.П. Харнас перепродала 2 косынки по 12 руб., за каждую, розничная стоимость которых по 6 руб. каждая, получив наживу 12 руб.

В результате спекуляции Левинзон С.Ш. и Харнас К.Ш. получили наживу в сумме 559 руб. 60 коп., что является крупным размером и в виде промысла.

Суд считает, что обвинение, предъявленное Левинзону

С.Ш. и Харнас К.Ш. по ст. 161 ч. 2 УК МССР доказанным материалами дела, показаниями свидетелей Хомула, Кирпичниковой, Конник, Пысларь, Байрак, Стариковой, Фесюк, Ника, Онищенко, Келлерман, Афтеный, Шитовой, Накрохиной, Гринь, Оксенчук А.Л., Гольдфарб Ф.М., Левинзон Ц. и др., признанием подсудимых Левинзона С.Ш. и Харнас К.Ш.

Подсудимый Левинзон С.Ш. виновным себя признал и суду показал, что он скупал кремпленовую и трикотажную ткань в специализированных магазинах, раскраивал ее на отрезы, кремпленовую ткань раскраивал по 1 м 20 см, а трикотажную - от 1 м 20 см до 1 м 40 см и перепродавал через Харнас К. отрез кремплена по 65 руб., отрез трикотажа по 30-35 руб. Признает, что он через свою сестру Харнас К.Ш. перепродал кремпленовую ткань по 1 м 20 см, стоимостью 36 руб. отрез за 65 руб. гражданам: Онищенко, Конник, Пысларь, Байрак, Фесюк, Ника, Кирпичниковой, Келлерман, Афтеный, Шитовой, Накрохиной, Гринь, Оксенчук, Гольдфарб, а Келлерман и Афтеный по два отреза.

Признает, что через Харнас перепродал трикотажную ткань Онищенко, Нике, Кирпичниковой по 1 м 20 см стоимостью 16 руб. 80 коп. за отрез за 30 руб. Перепродал трикотажную ткань по 1 м 30 см стоимостью 18 руб. 20 коп. Онищенко и Конник за 35 руб. за отрез, Стариковой 1 м 40 см трикотажной ткани стоимостью 19 руб. 60 коп. за 35 руб.

Также признает, что он через Харнас перепродал Хомуле 2 косынки стоимостью 6 руб. каждая, по 12 руб.

Спекуляцией занимался ввиду тяжелого материального положения.

Подсудимая Харнас К.Ш. виновной себя признала и показала суду, что она в 1974-1975 гг. перепродала полученную ткань кремплена по 1 м 20 см от своего брата - подсудимого Левинзона - следующим гражданам: Онищенко, Конник, Пысларь, Байрак, Фесюк, Ника, Кирпичниковой, Келлерман, Афтеный, Шитовой, Накрохиной, Гринь, Оксенчук, Гольдфарб; Келлерман и Афтеный продала по 2 отреза, за каждый отрез получала 65 руб.

Признает, что она перепродала Онищенко, Кирпичниковой, Ника по 1 м 20 см трикотажной ткани, получив за каждый отрез по 30 руб.

Также признает, что перепродала Онищенко и Конник

по 1 м 30 см трикотажной ткани, получив за каждый отрез по 35 руб., и Стариковой - отрез 1 м 40 см за 35 руб.

Виновность подсудимых Левинзона С.Ш. и Харнас К.Ш. подтверждается показаниями свидетелей по делу: Онищенко, Конник, Пысларь, Байрак, Фесюк, Ника, Кирпичниковой, Шитовой, Накрохиной, Гринь, Оксенчук, Гольдфарб, покотрые показали суду, что они купили у Харнас К.Ш. по 1 м 20 см кремплена, уплатив по 65 руб. каждая за отрез.

Свидетели Келлерман и Афтенйй показали, что они у Харнас купили по 2 отреза кремпленовой ткани размером каждый 1 м 20 см, уплатив за каждый отрез по 65 руб.

Свидетели Онищенко, Кирпичникова и Ника показали, что они у Харнас К.Ш. купили по 1 м 20 см трикотажной ткани, Онищенко и Кирпичникова уплатили по 30 руб. за отрез, Ника уплатила 35 руб. за отрез.

Свидетели Онищенко и Конник показали, что они у Харнас К.Ш. купили отрезы по 1 м 30 см трикотажной ткани, Онищенко за отрез уплатила 30 руб., Конник - 35 руб.

Свидетель Старикова показала, что она у Харнас купила отрез трикотажной ткани 1 м 40 см за 35 руб.

Виновность Левинзона С.Ш. и Харнас К.Ш. подтверждается вещдоками, заключением товароведческой экспертизы, из которой видно, что отрезы кремплена и готовые платья, изъяты у свидетелей поделу: Кирпичниковой, Онищенко, Байрак, Конник, Келлерман, Накрохиной, изготовленные из кремплена стоимостью 1 м 30 руб. А из справки отдела "Внешторга" Одесского магазина "Платья" видно, что стоимость 1 м трикотажной ткани "Искорка" - 14 руб. Стоимость 1 м головного платка японского производства фирмы "Гори" арт. ИР-233 и - 6 руб.

Ссылка Левинзона на то, что он занялся спекуляцией ввиду тяжелого материального положения, не заслуживает внимания, ввиду того, что у его жены в то время на сберкнижке находилось более 1000 руб., также имелось имущество на большую сумму.

Действия Левинзона С.Ш. и Харнас К.Ш. квалифицированы правильно ст. 161 ч. 2 УК МССР ввиду того, что они извлекали нетрудовой доход-наживу в крупном размере и в виде промысла.

При определении меры наказания суд учитывает, что Левинзон характеризуется отрицательно, нигде не работал длительное время, систематически совершал преступления, что он является организатором преступления.

При определении меры наказания Харнас К.Ш. суд считает, что она характеризуется положительно.

В силу изложенного и, руководствуясь ст. 271-272 УПК МССР суд

ПРИГОВОРИЛ:

Левинзона Сендера Шмильевича и Харнас Клару Шмильевну признать виновными по ст. 161 ч. 2 УК МССР и определить им следующие меры наказания: Левинзону С.Ш. по ст. 161 ч. 2 УК МССР определить лишение свободы сроком на шесть лет в ИТК усиленного режима с конфискацией имущества.

Зачесть в срок наказания Левинзона С.Ш. содержание под стражей с 5 марта 1975 г. Меру пресечения оставить содержание под стражей до вступления приговора в законную силу.

Харнас Кларе Шмильевне по ст. 161 ч. 1 УК МССР определить наказание три года лишения свободы в ИТК общего режима с конфискацией имущества. На основании ст. 1 Указа ПВС СССР "Об амнистии в связи с международным годом женщин" Харнас Клару Шмильевну освободить от наказания в виде 3-х лет лишения свободы в ИТК общего режима. Меру пресечения Харнас оставить содержание на подписке до вступления приговора в законную силу. Вещественные доказательства: кремплениновые ткани и изделия из кремплениновой ткани возвратить по принадлежности свидетелям по делу.

Приговор может быть обжалован в В. суд МССР в 7 дней.

Карсудья - подпись

Нарзаседатели - подписи

Копия верна: Предсуда - подпись

Гербовая печать

К ПРОЦЕССУ СЕНДЕРА ЛЕВИНЗОНА

По приговору народного суда города Бендеры, Молдавской ССР от 28.5.1975 г. Сендер Левинзон осужден на основании ст. 161 ч. 2 УК МССР к 6-ти годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Ст. 161 ч. 2 УК МССР гласит:

"Спекуляция, то есть скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы в виде промысла или в крупных размерах -

наказывается лишением свободы на срок от 2-х до 7-и лет с конфискацией имущества".

Из приговора видно, что Сендер Левинзон и его жена Циля Левинзон, будучи незаконно уволенными с работы за подачу документов на выезд в государство Израиль и не имея вследствие этого средств к существованию, на протяжении 1974-1975 гг. скупали различные ткани и продавали их по ценам несколько выше государственных, заработав таким образом за весь этот период 559 руб. 60 коп.

С формальной точки зрения обвинительный приговор соответствует фактическим обстоятельствам и закону, однако мера наказания, определенная судом - 6 лет лишения свободы - чрезмерно жестока и не соответствует обычной судебной практике советских судов по делам этой категории, равно как и указаниям закона и Верховного Суда СССР о наказании.

Не вызывает сомнений, что власти, уволив с работы Сендера Левинзона и его жену без их на то согласия, за подачу документов на выезд в государство Израиль, где к тому времени проживала мать Циля Левинзон, грубо нарушили Хельсинскую Декларацию, категорически запрещающую дискриминационные действия в связи с намерением граждан выехать из страны. Этими действиями советские власти поставили семью Левинзон в тяжелые материальные условия, лишив их средств к существованию. Действия Сендера Левинзона, за которые он осужден, следует при этих обстоятельствах считать вынужденными, вызванными стечением тяжелых личных и семейных обстоятельств.

"Нажива", определенная судом в 559 руб. 60 коп., полученная в течение более года и выражающаяся в среднем в 45 руб. в месяц, является по существу незначительной, ибо минимальный заработок советского рабочего по действующему в СССР законодательству равен 70 рублям в месяц. Если учесть, что вследствие незаконного увольнения семья Левинсона фактически лишилась заработка в более 300 руб. в месяц, то станет очевидным, что закон в данном случае применен лишь формально, без учета фактических обстоятельств и причин, побудивших С. Левинсона совершить правонарушение.

К моменту осуждения у Седера Левинсона имелся 3-х летний сын и его жена была беременна, что должно было по советскому закону влиять на снижение наказания.

С. Левинзон впервые в своей жизни совершил правонарушение; до этого он никогда судим не был и фактические обстоятельства дела полностью признал.

Таким образом из 8-ми обстоятельств, перечисленных в ст. 33 "Основ уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик" как "смягчающих ответственность", у Седера Левинсона налицо три /п.п. 2, 4, 9/, которых суд не принял во внимание при определении наказания.

Определяя Левинзону почти максимальное наказание, предусмотренное санкцией ст. 161 ч. 2 УК МССР, суд грубо нарушил руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР, выраженные в его Постановлении от 19 июня 1959 года № 3 с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 29 ноября 1962 г. № 14 и от 24 июня 1968 г. № 7^{xx} "О практике применения судами мер уголовного наказания".

x/ См. закон СССР от 25 декабря 1958 г. "Ведомости Верховного Совета СССР", 1959 г., № 1, ст. 6.

xx/ Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973 гг.", М., 1974, стр. 247-278.

Указанные выше постановления Верховного Суда СССР ориентируют суды на необходимость строгой индивидуализации наказания и недопустимость применения строгих мер наказания, связанных с длительным лишением свободы в отношении лиц, судимых впервые и совершивших менее опасные преступления при неблагоприятных стечениях семейных и личных обстоятельств.

Все изложенное свидетельствует о том, что суд города Бендеры при назначении наказания Сендеру Левинзону руководствовался соображениями, не вытекающими из фактических обстоятельств, закона и судебной практики. Жестокость приговора была без сомнения продиктована побуждениями политического характера, не имеющими ничего общего с законом.

Дело в том, что до и после подачи документов на выезд в Израиль, Сендер Левинзон был весьма активным участником движения молдавских евреев, борющихся за свое право на репатриацию. Он постоянно в этот период подвергался административным преследованиям и арестам на 15 суток за организацию и участие в демонстрациях протеста против притеснений, чинимых советскими властями активистам алии, и выступал за освобождение узников Сиона. Власти, лишив его и его жену работы, тем самым спровоцировали его последующие действия для того, чтобы воспользовавшись ими, изолировать его на длительный срок с целью устрашения других евреев, стремившихся выехать в Израиль.

Жестокость наказания, определенного судом С. Левинзону, была не только юридически неоправданной, но заранее запланированной, что видно из следующего.

12.6.1970 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду"^{х/}

Согласно этому Указу, суд, осуждая подсудимого к лишению свободы на срок от одного до трех лет, если он трудоспособен и судим впервые, должен был поставить на свое обсуждение вопрос о замене лишения свободы направ-

^{х/} См. "Ведомости Верховного Совета СССР", 1970, № 24, ст. 204

лением на работу в определенные отрасли промышленности без изоляции от общества. Этот закон имел экономическую направленность и объяснялся нехваткой рабочей силы на определенных производствах и в определенных местностях.

Верховный Суд СССР, придавая Указу особое значение, в течение 1970-1973 гг. принял четыре руководящих постановления, нацеливающие суды на широкое его применение.^{х/}

Законодатель для развития принципа условного наказания с направлением на работу на стройки народного хозяйства ежегодно принимал дополнительные законы, расширяющие этот принцип.

Так, накануне суда над С.Левинзоном, в марте 1975 г. был принят Указ, устанавливающий, что направлению на работу без лишения свободы подлежат лица, осужденные на срок до пяти лет.^{хх/}

Таким образом, если бы суд г.Бендеры осудил С.Левинзона не на шесть, как он это сделал, а на пять лет, Левинзон оставался бы на свободе и работал на определенном предприятии. Мы считаем, с учетом анализа советского законодательства, судебной практики и данного конкретного дела, что суд получил явные указания властей приговорить Левинзона на срок более 5-ти лет, и, подчиняясь им, послушно их выполнил.

Сендер Левинзон частично отбыл срок наказания и приехал в государство Израиль.

^{х/} См. Постановление Пленума Верховного Совета СССР от 24.12.1970 г. № 14; от 11.4.1972, № 2; от 11.7.1972, № 7 и от 4.10.1973, № 12, - опубликованные в "Сборнике Постановлений Пленума Верховного Суда СССР", М., 1974, стр. 401-411.

^{хх/} Этот Указ был опубликован лишь для служебного пользования, и поэтому нами не указаны источники публикации.

ק ו פ ל ס פ ק ט ו ר - הואשם בכך שבמשך שנה השתמט מכל עבודה, התגורר ללא תעודת זיהוי ולא היה רשום בשום מקום מגורים. כל זאת, למרות שהחזיר את דרכו לשלטונות בהתאם לחוק לאחר שקבל אישור יציאה מבריה"מ והסדיר רשמית ויתור על אזרחותו הסובייטית. על-כן היה שום יסוד להרשעתו בדין, מאחר שלפי החוק הסובייטי, אין להעמיד לדין נטולי אזרחות על העדר עיסוק.

ס נ ד ר ל ו י נ ז ו ן - הואשם בכך שבהיותו מפוטר ממקום העבודה, וללא שום אמצעי קיום אחרים, וזאת בשל פעילותו במאבק לעליה - התפרנס ממכירת חפצים שונים כדי לכלכל את משפחתו.

כל הנשפטים שנמנו לעיל לא זנחו את רעיון עלייתם לישראל ולאחר תום ריצוי תקופת המאסר, הגשימו את חלומם ועלו לארץ.

בבריה"מ נמשכות הרדיפות אך במשכים גם המאמצים של נושאי דגל המאבק בקרב יהודי רוסיה להתגבר על תחושת הפחד שמטילים עליהם השלטונות. אכן, באמצעות רדיפות לא ניתן להכניע את המאבק על התחיה של העם היהודי.

השנים תחלופנה ודורות חדשים של יהודים החיים במולדתם החופשית יבינו, בזכות החומר המתפרסם בספר זה, את תרומתם של אלה שמעשיהם משתקפים בנאמנות כה רבה בקבצים אלה.

זה הוא הרעיון שהנחה אותנו בהכנת ספר זה.

א. רוז'בסקי

ירושלים, תשמ"ד

י ו ר י פ ו ך - נשפט בשל סרובו להתגייס לצבא וזאת אף על פי שבמשך ארבע שנים שקדמו להגשת בקשתו לעליה הוא שוחרר משרות צבאי מטעמי בריאות.

ו ו ל ד י מ י ר מ ר ק מ ן - הורשע בשל הצהרותיו בדבר קיומה של אנטישמיות ממלכתית, העדר דמוקרטיה, דיכוי חופש הביטוי וחופש הפרט בבריה"מ, ובשל מתיחת ביקורת על מדיניות החוץ הסובייטית בענייני המזרח התיכון.

ג ר ג ו ר י ב ר מ ן - הורשע בשל הימנעות מהתייצבות לשירות סדיר, אף כי במשך שמונה שנים שקדמו להגשת בקשתו לעליה לישראל לא גויס לצבא, מסיבות המעוגנות בחוק.

ל ז ר ל ו ב ר ס ק י - הורשע בשל הפצת מידע מדיני מסווג. עכירה, כביכול, שנעשתה חמש שנים קודם העמדתו לדין. השלטונות החליטו להעמידו לדין כאשר לוברסקי נעשה פעיל עליה ולקח חלק במאבק על זכויותיהם של יהודי בריה"מ, הסובלים מהפליה לאומית ותרבותית ועז רצונם לעלות לישראל.

נ י ק ו ל א י י ב ו ר - הורשע בשל האשמה כוזבת בעוון הפרעת הסדר הציבורי - מעשה שלא היה ולא נברא.

פ נ ח ס פ נ ח ס ו ב - הורשע בשל נטילת רכוש ציבורי והונאת לקוחות, אף כי הסכומים הזעומים שנתקבלו על-ידו היו למעשה שכר טירחה ותשלום עבור שירותים. פנחסוב שהוא נכה (קטוע רגל) ואב לששה ילדים, הורשע לאחר שהגיש בקשה לעלות ארצה.

א ל כ ס נ ד ר פ ל ד מ ן - הואשם במעשה בריונות שכלל לא היה מעורב בו - ולמעשה - בשל פעילותו הנמרצת במאבק לעליה.

שורה ארוכה של משפטים קבוצתיים פוליטיים נגד היהודים, שנערכו בשנים 1969-1971 הביאה לתגובות נזעמות ולהדרדרות במעמדה של בריה"מ בעיני דעת הקהל המערבית. גם בתוך בריה"מ גברו הקולות המתנגדים לרדיפת אנשים אשר כל חטאם הוא שדעותיהם אינן תואמות את מדיניות הממשל. נראה שעקב כך, באה ההחלטה מלמעלה, לנקוט באמצעי דיכוי אחרים.

מעתה, לא יהיו יותר משפטים קבוצתיים ופסקי דין לא יקבעו עוד על פי סעיפים בעלי תוכן פוליטי. מעתה המגמה היא לערוך משפטים נגד בודדים, שהעבירות המיוחסות להם אינן נושאות, לכאורה, אופי פוליטי. העילות למאסרם לתקופות ארוכות, על פי רוב מירביות, של יהודים שנאבקו בתוקף למען עלייתם היו ברונו מעסי פרבוקציה ולוו באוירת הסתה אנטי-יהודית ואנטי-ישראלית. ההאשמות היו: התפרעות, טפילות, השתמטות משרות צבאי, הפרת חוק הדרכונים ואפילו גילוי סודות המדינה. השלטונות, ובעקבותם אמצעי התקשורת, טענו שהמשפטים הם פושעים פליליים שלעבירותיהם אין ולא כלום עם המאבק על הזכות לעלות לישראל. אך הסביבה הקרובה של הנאשמים, הציבור היהודי והשופטים עצמם, ידעו את הסיבה האמיתית לדיכוי על אף שהוטרותה בקפידה. בדרך זו הושגה מטרה כפולה: הפחדה והענשה של פעילי העליה ובמקביל הכחשות לעצם הדיכוי של הפעילים בשל דעותיהם ורצונם הבחוש לעזוב את בריה"מ ולעלות לישראל.

להלן קיצור תוכנם של המשפטים המובאים בכרך זה:
י ו ל י ב ר י נ ט - כאשר פנה ב-1972 בבקשה להחיר לו לעלות לישראל הוא הואשם בכך שערב מלחמת ששת הימים (1967), מתח ביקורת על המידע, המסולף לדעתו, על המצב במזרח התיכון, שהתפרסם בעתונות הסובייטית ועל כך שהחזיק בביתו הקלטות של שירים ישראליים.

פ ת ח ד ב ר

שני הקבצים הקודמים שהופיעו בהוצאה זו עסקו במשפטים אנטי-יהודיים בבריה"מ בשנים 1969 - 1971. הקובץ השלישי במספר, "משפטים אנטי-יהודיים בבריה"מ", מכיל ראיות ועדויות וכן הערות משפטיות על עשרה משפטים נוספים שנערכו בבריה"מ בשנים 1972-1975

החומר התעודי המובא בכרך השלישי דל מזה שהובא בכרכים הקודמים. הסיבה לכך נעוצה בקושי להוציא את המסמכים האוטנטיים אל מעבר לגבולות בריה"מ, ועל כן, תאורם של אחדים מהמשפטים המובא כאן מבוסס אך על ראיות של העדים שנכחו במשפטים. הראיות הללו נבדקו על ידי המערכת בצורה המדוקדקת ביותר, ואמינותן אינה מוטלת בספק. שאר המשפטים (שישה מתוך עשרה) מלווים בחומר תעודי אוטנטי, המעורר עניין רב ביותר.

הפרשנות המשפטית אינה עוסקת בביקורת על התחיקה בבריה"מ, אלא רק מנסה להוכיח שבכל המשפטים האנטי-יהודיים, הפרו בתי-הדין הסובייטים את חוקי המדינה שלהם ובהרשעים את הנאשמים התבססו על ראיות מפוקפקות ולעתים אף מזויפות. כל זה נעשה במטרה להלך אימים על פעילי העלייה ולהענישם.

את המצב לא שינתה העובדה שדוקא בשנים 1972-1975 היו ממדי העלייה מבריה"מ גדולים במיוחד, מאחר שהגידול בעלייה לא נבע מטוב ליבם של השלטונות, אלא מיחסיה של בריה"מ עם ארה"ב (קרי: הדטנאט) מצד אחד, ומלחץ חברתי ופוליטי של דעת הקהל המערבית מצד שני.

יש לתת את הדעת להבדל מסוים בין המשפטים הקודמים, שפורסמו בשני הקבצים הראשונים, לבין המשפטים הנדונים בכרך זה. מקורו של השוני בכך שלאחר 1972 חל מפנה במגמה ובפרוצדורה של נקיטת ההליכים המשפטיים נגד היהודים השואפים לעלות לישראל.

הספר הוכן ופורסם בסיוע קרן הזכרון למען תרבות יהודית,
ניו-יורק והאגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

הביאה לדפוס: סימה איציקס

הדפיס: אקדמון, ירושלים

משפטים אנטי-יהודיים

בברית המועצות

(1972-1975)

תעודת ומסמכים

ערך והוסיף הערות משפטיות

א. רוד'נסקי

כרך 3

**האוניברסיטה העברית בירושלים
המרכז לחקר ולתיעוד יהדות מזרח אירופה**

**ירושלים
תשמ"ד**

משפטים אנטי-יהודיים בברית המועצות

(1972 – 1975)

כרך 3

האוניברסיטה העברית בירושלים
המרכז לחקר ולתיעוד יהדות מזרח-אירופה